
ХОЗЯИН МЕДВЕДЬ-ГОРЫ
или
ТАЙНА ПОСЛЕДНЕГО АРТЕФАКТА
ОЛЕГ КНЯЗЕВ

Олег Князев

Хозяин Медведь-горы, или Тайна последнего Артефакта

«Наш мир»
2022

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6-445

Князев О. Б.

Хозяин Медведь-горы, или Тайна последнего Артефакта /
О. Б. Князев — «Наш мир», 2022

ISBN 978-5-907549-29-6

Сюжет книги основывается на находке загадочного Артефакта Силы на Медведь-горе на южном побережье Крыма, куда герой романа, Антон Громов, первоначально приезжает в летний отпуск, предвкушая хорошо провести свой отпуск в Ялте, в гостях у своего друга Михаила. Но в дальнейшем всё пошло совершенно не так, как планировалось друзьями, когда после появления на скале у побережья Медведь-горы таинственного Знака, они отправляются в Партенит в поисках его разгадки. Там герой романа знакомится с Олегом Баженовым – местным знатоком Медведь-горы, историком по образованию, увлечённым исследователем тайн природы и загадок этого древнего лакколита. В общении с ним Антон узнаёт много интересного для себя по истории Крыма и при этом неожиданно выясняется, что Олег ищет встречи с каким-то Хозяином Горы – загадочной мистической личностью, тайна которого станет со временем известна Антону, и в ходе своих дальнейших приключений в Партените и на мысе Плака, он узнаёт о существовании мира Тёмных и их инопланетных союзников, которым нужен этот невероятный Артефакт…

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6-445

ISBN 978-5-907549-29-6

© Князев О. Б., 2022
© Наш мир, 2022

Содержание

Предисловие к роману 7
Пролог 8
Глава 1 Начало 9
Глава 2 26
Глава 3 57
Глава 4 82
Глава 5 104
Глава 6 125
Глава 7 150
Конец ознакомительного фрагмента. 166

Олег Борисович Князев
Хозяин Медведь-горы или тайна последнего Артефакта

© Князев О. Б., текст 2022
© «Наш мир», 2022

Предисловие к роману

Рукопись этой книги, вернее, её электронный вариант, был найден недавно в компьютере молодого жителя Москвы Антона Громова его друзьями, и после небольшой редакторской правки она была напечатана в издательстве “Наш мир”.

За правдивость порой фантастически звучащего сюжета этой книги, как и за изложенные в ней факты и сведения, особенно во второй части этой, в целом, мистико-приключенческой дилогии, Редакция ответственности не несёт. Но полагает, что тематика, связанная с историей Крыма, памятниками его старины и особенностями природных крымских заповедников – горы Аю-Даг и мыса Плака у Партенита, будет в той же мере интересна для прочтения, как и мистико-приключенческая, с элементами фантастики, основная тема этой многожанровой книги. В сюжете которой красной нитью проходят философские размышления её героя, оказавшегося невольно вовлечённым в странные, загадочные обстоятельства после его находки некоего древнего Артефакта на Медведь-горе – мистического предмета, тайна происхождения которого связана с иными мирами, гуманоидными цивилизациями нашей Галактики и древней прошедшей войной, и её сохранившимся опасным наследием, за обладание которым борются силы Добра и Зла, вовлекая, невольно, Антона в череду странных, и порой, жутковатых событий и рискованных приключений, в ходе которых он попадает в далёкое Прошлое нашей планеты и узнает затем тайну путешествий во Времени.

О том, куда пропал Антон, чью рукопись опубликовало наше издательства, пока что неизвестно. Возможно, ответ на тайну его исчезновения содержится в эпилоге второй части этой дилогии…

Пролог

Пятьдесят тысяч лет назад в Космосе шла грандиозная война далёких потомков двух первых разумных Рас нашей Галактики – могущественных Сиббов и Торков, которые втянули в свою многолетнюю битву бесчисленное множество своих союзников с обеих сторон. Это была поистине Галактическая битва двух непримиримых цивилизаций. В ходе военного противостояния этих равных по силе противоборствующих систем с применением средств разрушения, о которых Человечество лишь может догадываться сейчас, гибли обитаемые планеты и миры разумных существ, у которых не было выбора, чтобы остаться в стороне от этой битвы. Лишь в отдельных, удалённых от Центра нашей Галактики звёздных мирах, ещё сохранялись обитаемые планеты, не втянутые в военные действия. И оставались еще миллионы других планет, которые были или не пригодны для любой жизни на них или же их формы жизни не представляли пока что опасности или интереса для обеих враждующих сторон.

Правительство планеты Эвандор – одной из обитаемых планет в нашей Галактике, нейтральной обеим сторонам военного конфликта, приняло решение начать осуществление заблаговременной эвакуации части населения планеты на периферийные экзопланеты, удаленные от арены галактических сражений Сиббов с Торками и их бесчисленными союзниками с обеих сторон конфликта.

Земля и Марс, которые эвандорийцы называли, соответственно, Геа и Сиалл, были одними из таких миров с биологической жизнью, населенными мыслящими созданиями. На Марсе, обитаемом в те далекие времена, была своя цивилизация разумных существ. Они предоставили убежище десяткам огромных сфероидов с беженцами-переселенцами с их немногочисленными разумными рептилиями. И разрешили пришельцам обустроиться на их двух спутниках на орбите Марса – Фобосе и Деймосе, а также, создать ряд подводных поселений на планете в районе экватора – в то время там был большой, вытянутый почти до полюса, мелководный океан. Эвандорийцы стали обживать марсианские спутники, сделав их полыми внутри. Одновременно с этими работами их исследовательские сфероиды обследовали Землю на предмет её возможного заселения эвандорийцами. Земля была менее удобна для их постоянного проживания ввиду её повышенной гравитации – она была больше Эвандора – и эвандорийцам было трудно постоянно жить на ней. Но тем не менее они начали вести работы по заселению Земли с позволения марсианского сообщества. На Земле в те времена не было достаточно много развитых разумных существ, у которых им надо было спрашивать разрешение на "заселение" или использовать их в качестве союзника. Сиббы были равнодушны к судьбе Земли, но вот у Торков были свои планы на эту планету и Солнечную систему. Но при этом ни марсиане, ни эвандорийцы и даже Торки на тот момент не знали, что на Земле уже поселились другие пришельцы из Космоса – обитатели мира Серой Тьмы, которые были враждебны, как эвандорийцам, так и землянам. И наступил момент, когда Эвандор с мирной цивилизацией эвандорийцев был насильно втянут в этот страшный Галактический конфликт вместе с их союзниками с Марса, и мрачные Торки появились в Солнечной системе…

Глава 1 Начало
День первый. Пятница. Я еду в Ялту. Знакомство с Вероникой

Итак, с чего начать? Опыт моего путешествия и знакомства с красотами южного берега Крыма на начальном этапе путешествия на солнечный полуостров, в его курортную столицу Ялту, возможно, не отличается по своей сути от опыта многих тысяч людей, приезжающих ежегодно сюда, как для самостоятельного, так и для семейного отдыха. Неважно, откуда вы приезжаете в Крым из разных городов нашей страны. Несомненно то, что так или иначе, все мы – отдыхающие или отпускники – попадаем под очарование этого края, и у каждого из нас остаются в памяти главные впечатления от летней поездки на ЮБК: безоблачное небо, тёплое море и необъятная панорама небесного свода над морским простором с белыми чайками, парящими над сине-голубым морем в окружении горного амфитеатра с зеленью сосновых лесов вокруг Ялты; отдыха в краю с прекрасной и экзотичной для большинства россиян роскошной южной растительностью: кипарисами, пальмами, душистыми магнолиями, красными махровыми соцветиями ленкоранской акации, нежно-фиолетового изобилия лепестков гроздей глициний, бесконечного разноцветия клумб и роз вдоль парковых зеленых дорожек. Здесь всё радует глаз и способствует отдыху на любой вкус и возможности. И неважно, какие денежные средства берут с собой для отдыха гости солнечного края – их всех можно отнести в одну категорию, именуемую “курортники”…

Здесь можно провести незабываемые дни летнего или, если нравится, осеннего отдыха, который запомнится для большинства из нас приятными воспоминаниями о прошедшем отпуске и нашим ожиданием новых встреч с Крымом… И без разницы, сколько вам лет— здесь у каждого свой отдых по возрасту и вкусу… Да, кстати, мне 29 лет (*только что исполнилось*), и я ещё “холостякую” в меру моих возможностей.

Вот и я приехал, наконец, в Крым на отдых, променяв в этот раз турпоездку с друзьями в Турцию на поездку “дикарем” на солнечный полуостров. Мои московские друзья (*представлюсь: я – москвич, и меня зовут Антон Громов)*, пробовали меня отговорить и поехать с ними на Кипр в Лимасол, но я решил, что не в этот раз. Надо сказать, что первый и последний раз мне довелось побывать в Крыму лет 13 назад, когда я совершил незабываемое путешествие в Крым по железной дороге вместе с моими родителями. Мне очень понравилось тогда в Ялте, и я частенько вспоминал после этого свой тогдашний отдых с ними. Но став старше и самостоятельней, я уже сам решал, где, и как, и с кем мне отдыхать, предпочитая молодежный отдых с друзьями и подругами. И всё же человеку всегда хочется новых впечатлений, интересных поездок и знакомств с достопримечательностями других мест для летнего отдыха, как за границей, так и у нас, скажем, в Сочи или Анапе и т. д. За те прошедшие 13 лет, что я не был в Крыму, мои старые полудетские воспоминания об этом полуострове понемногу стёрлись в моих поездках по курортным местам Кипра, Италии, Греции, Испании и экзотическом Таиланде…

Мне опять захотелось вспомнить мои полузабытые восторженные впечатления после летнего отдыха с моими родителями, и на этот раз самому заново открыть для себя Южный берег Крыма и красавицу Ялту.

Сейчас я ехал туда в начале июля, поддавшись уговорам моего давнего ялтинского друга Мишки Брагина, с которым я познакомился в Ялте как раз 13 лет назад. Мне было в то время 16 лет, и вот теперь, я опять прибыл в Крым. На этот раз самолетом.

Не буду утомлять вас описанием начального этапа моего путешествия из Домодедова и начну сразу с момента моего приземления в новом аэропорту Симферополя. И скажу, что, уже

стоя на трапе у выхода с самолета, я явно почувствовал в лёгком дуновение июльского жаркого ветра – *заканчивалась первая неделя июля* – неуловимый запах моря.

– Ну, здравствуй, Крым! – сказал я вполголоса, ступив на крымскую землю, и мысленно пожелал себе доброго отдыха.

Новый аэропорт и впрямь был хорош, ни в чём не уступая московским, но без привычной сутолоки столичных аэровокзалов и скопления пассажиров. Я быстро получил багаж и направился вместе с толпой пассажиров вперёд к выходу из аэровокзала. Не знаю почему, прошёл, словно не замечая, мимо стоявших у дверей многочисленных назойливых таксистов-частников, игнорируя их обращения ко мне и предложения по-быстрому доехать до Ялты. Я шел, не раздумывая и не останавливаясь, словно наметив для себя цель побыстрее уйти отсюда – ноги, будто сами собой, несли меня вперёд, вправо от выхода из вокзала и удивительное дело, направился, как оказалось, в правильном для меня направлении к длинной автобусной площадке. Там стояли маршрутные автобусы, отправлявшиеся во все уголки Крыма, и я удачно подоспел к видавшему виды небольшому маршрутному автобусу с табличкой “В Ялту”.

Раскрашенный в непривычный жёлто-лиловый “тюнинг”, он стоял почти пустой, будто дожидаясь меня, и едва я зашёл в него, тут же поехал – половинки дверей с шумом закрылись. Заплатив худощавому, усатому водителю-татарину за проезд до Ялты, я уселся на сидение у окна слева от узкого прохода в салоне автобуса. Не знаю почему, но, заняв своё место и будто выполнив, тем самым, главную для меня сейчас задачу немедля отправиться в путь, я внутренне расслабился. С интересом, разглядывая из окна окрестности города, вспоминал, как я когда-то проезжал с родителями по Симферополю в моём путешествии в Крым в старших классах.

Комфортно расположившись на старом потёртом сидении, я ехал, как мне думалось, прямо в Ялту, но оказалась, что маршрутка вначале заехала в Симферополь на железнодорожный вокзал. Я смотрел из окна маршрутки по обе стороны дороги, заново знакомясь с этим южным городом. В сравнении с московскими дорогами и городской архитектурой Симферополь показался мне несколько провинциальным городом, который теперь спешит наверстывать упущенные года после периода вынужденного застоя. Везде что-то строят, обновляют и реконструируют. Минут через 20 маршрутка уже въехала в пригород города и, переехав через мост над железнодорожными путями, повернула вправо и неторопливо подкатила к пустынному железнодорожному вокзалу.

Автобус въехал в подобие загончика из высокого решетчатого забора из тонких металлических прутьев, окрашенных в зелёный цвет, и, сигналя, пробился к своему месту в крайнем левом углу автобусной площадки. Там стояла небольшая толпа измученных жарой людей, которые, наконец-то, дождались “моей” почти пустой маршрутки.

– Остановка на 10 минут, – объявил привычно водитель и вышел из машины.

– *Вот тебе на!* – подумал я с каким-то внутренним осуждением присутствия здесь этой кучи ненужных мне “попутчиков”, которые ринулись занимать места и быстро заполнили своими потными, взмокшими на жаре, телами, ранее пустой и комфортный для меня салон автобуса, лишая меня прежнего ощущения моей некоей эксклюзивности в этой поездке. Вместе с ними автобус наполнился “ароматами” запаха пота и несвежести тел, а кондиционера здесь не было и в помине. Сиденья вокруг меня занимались шумно разговаривающими людьми, ставшими в одночасье пассажирами и моими невольными соседями, и лишь одно место рядом со мной оставалось пока что свободным.

Я стал теперь обычным пассажиром в жарком и душном салоне автобуса, вынужденно соседствуя с новоприбывшим “контингентом” и слушая их громкие разговоры и создаваемый ими естественный в такой обстановке, шум, уже жалел о том, что я не сел в такси на выходе из аэровокзала.

– *И правда. Почему же я так поторопился?* – раздумывал я, не понимая теперь по какой такой причине, я предпочел поездку в этом потрепанном автобусике комфортному такси с кондиционером.

Двадцать или сколько их там было, человек, заняли все ранее свободные места, оставив единственное незанятое место рядом со мной. На всякий случай, словно оттягивая неизбежное соседство с последним из пассажиров, который ещё не сел в автобус, я передвинулся на своём сидении от окна ближе к проходу, не давая возможности занять пока ещё вакантное место рядом со мной, хотя посадка осуществлялась по купленным билетам. Но пока никто из них не пробовал побеспокоить меня и сесть у окна.

Ожидая появление "моего" неизбежного попутчика, я оглянулся, чтобы посмотреть, где же был этот последний пассажир и неожиданно увидел на улице у задней двери автобуса молодую, симпатичную девушку лет 22-23-х, в солнцезащитных стильных очках. Не торопясь сесть в душный салон, она стояла в тени автобуса рядом с небольшим тёмно-синим чемоданом на колёсиках. Нетронутая загаром, она походила на Белоснежку в светлом коротеньком платьице на фоне уже сидевших в автобусе загорелых мужиков и тёток в шортах и хэбэшных майках и рубашках. Её стройная фигурка заинтересовала меня, и я приподнялся на кресле, чтобы получше разглядеть эту необычно выглядевшую девушку – у неё были короткие, замысловато заплетённые, светлые косички на голове с двумя длинными "хвостиками" по бокам. Она повернулась вбок, и я заметил красный, чуть ли не детский, маленький рюкзачок за её спиной. Девушка, очевидно, ждала водителя, который как раз подошёл к ней, чтобы помочь поставить её чемодан в задний отсек маршрутного автобуса.

– *Неужели…* – мелькнула у меня мысль, – *эта блонди сядет со мной*?

И точно, она вошла последней из всех, вслед за водителем и, протиснувшись мимо меня – *я встал, галантно пропуская её* – села на потрескавшееся от времени, тёмно-коричневое, кожаное кресло слева от меня у окна.

– Добрый день! – приветливо сказал я, рассчитывая, что она ответит мне и у нас завяжется разговор. Ну, а там видно будет, как и что.

Но всё пошло вовсе не по моему привычному сценарию знакомств с интересными для меня девчонками – она просто кивнула мне головой и, усевшись на сиденье у окна, достала из своего рюкзачка сотовый телефон, углубившись затем в изучение его содержимого. Мне дали понять, что разговор со мной не приветствовался. – *Ладно,* – несколько обескураженного подумал я, – *времени у нас до Ялты полно. Так что, разговорю её попозже.*

Эта девушка – *откуда она взялась?* – сидя рядом со мной, отвлекала мои мысли и внимание на себя, словно не замечая меня.

– *Гордячка,* – решил я про себя, искоса рассматривая её профиль, и мне она нравилась почему-то всё больше и больше. И нужно было каким-то образом заинтересовать её собой. И всё же, посчитав, что к знакомству со мной она пока что не готова, а моя настойчивость будет неправильно истолкована ею и будет выглядеть как-то чересчур прямолинейно и пошловато с моей стороны, я решил выждать паузу и, молча, сидел с ней, внешне равнодушно бросая взгляды мимо неё в окно. Чтобы не досаждать ей своими нескромными взглядами, я надел мои фирменные очки Ray-Ban с затенёнными стеклами и периодически смотрел в окно мимо неё, смотря вместе с тем и на её лицо, гадая, какие же у неё глаза, скрытые за тёмными стеклами очков.

Автобус тем временем выехал из зелёного вольерчика и вырулил на дорогу, где оживленно сновали машины и автобусы, пытающиеся периодически объехать медлительные, как мне показалось, троллейбусы. Я же ехал в Ялту и, честно говоря, стремился попасть туда поскорей и, как я понял теперь, ошибся, поторопившись сесть в этот автобус. Но видя рядом с собой такую симпатяшку, я подумал, что, может, это вовсе не случайная встреча, и я не просто так сел сюда, в этот автобус, как и она, и кто знает, что там будет дальше? У меня же был летний

отпуск, и я был готов к новым встречам, новым знакомствам с девушками, как любой нормальный молодой человек. И уж, конечно, не упущу случая познакомиться с такой очаровашкой, которая, между тем, не обращала на меня никакого внимания, и это меня немного подзадоривало. Я ехал, думая о ней, о моей поездке и о таком, по-настоящему жарком здесь южном лете, и о долгожданном отдыхе на море. О том, как я давно не был в Ялте, и мне хотелось вновь увидеть те места, которые мне так понравились когда-то.

Эти и прочие мысли наполняли моё сознание предвкушением беззаботного времяпровождения на курорте и лёгкой эйфории от предстоящих приятных возможностей хорошо провести мой наступивший отпуск в гостях у моего давнего друга, с которым я давно не виделся “очно”, общаясь лишь по сотовому.

Понемногу я отвлёкся в моих мыслях от этой девушки, уйдя в свои воспоминания, и больше интересовался окружающими меня видами, с интересом смотря из автобуса по сторонам. Мне было вновь комфортно и приятно ехать в этом шустром автобусике, который продвигался вперёд, ловко лавируя среди прочих машин в оживлённом трафике по улицам, обсаженных высокими липами и каштанами. Моя поездка, пусть и в заполненном, но каким-то уже понемногу ставшим приятным для меня автобусе, пусть и в немного душном, тесноватом салоне, рядом с этой чудной незнакомкой, была мне интересной и уж никак не скучной, как и новые ощущения, испытываемые мной и осознание факта, что я попал в настоящее жаркое лето с синим, безоблачным небом, и я вбирал в себя всей кожей тепло, которое мне так не хватало в нынешнее холодное, дождливое, московское лето.

Симферополь был новым, почти незнакомым для меня местом, и я с любопытством разглядывал из окон автобуса всё вокруг меня: эти неширокие затенённые улицы с огромными, раскидистыми липами вдоль обеих сторон дороги, многочисленные магазинчики с продуктами, фруктами и южными товарами. И даже прохожие, одетые в лёгкую, привычную здесь летнюю одежду, вызывали у меня какое-то лёгкое ощущение зависти к их “безоблачной” южной жизни здесь, в этом солнечном крае.

Я вылетел сегодня из Москвы утренним рейсом Red Wings, когда очередной антициклон принёс в столицу тучные серые облака, излившие свои дождевые массы на столицу и только пассажиры, вылетавшие, как я, на юг, могли позволить себе явиться в аэропорт в шортах (но, при этом, в полу осенних куртках поверх футболок). И, честно говоря, вся эта дождливая, нелетняя, нынешняя московская погода изрядно поднадоела мне. Поэтому солнечный Симферополь, с его синим небом и жарой, радовал и как-то грел душу и тело, поднимая настроение забытым для меня летним зноем, в котором я, наконец, оказался, прилетев в Крым.

Мы проехали мимо какой-то парковой, зелёной зоны, а дальше сбоку слева показались высокие белые стены строящегося минарета – автобус выехали уже за город, как я понял, и дальше показалась белесая гладь большого озера. Я удивился его размерам и, ещё больше, полному отсутствию на его берегах каких-либо купающихся людей или рыбаков с удочками. Кто-то в автобусе сказал, что это водохранилище. А потом мы проехали мимо загородных маленьких посёлков со множеством почти одинаковых домиков из желтого песчаника и участков с фруктовыми деревьями по обе стороны, и дальше дорога пошла через лесную зону, и стало попрохладней.

Моё нетерпение от предстоящей встречи с Ялтой и далёким морем, становилось тем сильнее, чем дальше от Симферополя удалялся наш автобус и тут, к моей досаде, в салоне начался сильный сквозняк. Из-за отсутствия кондиционера, автобус вентилировался естественным образом через открытый люк в потолке и, выехав за город, и, набрав нужную скорость на этой трассе с хорошим асфальтовым покрытием, в салон полился поток воздуха не слабее, чем от промышленного вентилятора.

Лес плотной стеной стоял с обеих сторон дороги – обзор из салона автобуса здесь ограничивался склонами высоких, лесистых холмов, обступивших шоссе и смотреть, собственно,

по сторонам, было пока не на что – трасса пошла по гористо-лесной зоне, и я лишь периодически видел справа от меня нижнюю часть высоких скальных массивов, покрытых внизу густой лиственной растительностью. Я сразу же отметил про себя разительное отличие крымского леса от "моего" московского и, в первую очередь, отсутствие берез и елей.

Потоки воздуха из люка в крыше автобуса стали между тем уже неприятно сильными, обдувая и взерошивая волосы пассажиров. Я периодически, краем глаза, смотрел на мою невозмутимую попутчицу.

– *Похоже, она более закаленная, чем я*, – подумалось мне и, решив, что пора всерьез познакомиться с этой симпатяшкой, повернулся к ней, стараясь выглядеть равнодушно, не выдавая свою симпатию к ней.

– Не возражаете, если я закрою люк? – спросил я вежливо-громко, стремясь привлечь к себе её внимание. – Как-то дует сильно, – добавил я для убедительности.

По моему мнению, это было так естественно с моей стороны закрыть эту воздуходувку, но "белоснежка" неожиданно ответила, подняв при этом на лоб свои солнцезащитные очки, что ей нехолодно. Прямой взгляд её каких-то бездонных, красивых серых глаз на пару секунд ошеломил и, что удивительно, словно загипнотизировал меня. При этом, я почувствовал или мне показалось, что моё сознание словно невольно открылось ей, и она может легко понять и прочитать все мои мысли и обуреваемые меня эмоции. Это было так неожиданно, что я замер, не понимая, что со мной происходит.

– *Какая она красивая!* – мелькнула у меня восторженная мысль, и я просто утонул в её глазах. Хорошо, что при всём этом мои глаза, скрытые за тёмными стёклами, не выдали эмоций, овладевших мной в этот момент.

Безучастно смотря на меня, она опять повторила, что ей нехолодно. Поняв, что я не произвёл на неё никакого впечатления и напрасно изображал из себя благовоспитанного молодого человека, я встал в проход между креслами маршрутки и с усилием, шумно захлопнул люк, стараясь уже не смотреть на "белоснежку", чтобы невольно не выдать ей того ошеломительного эффекта, оказанного на меня её чудными глазами.

Почти тут же сзади послышались недовольные женские голоса:

– Парень! Зачем закрыл? Дышать нечем!

Я миролюбиво начал объяснять, что к чему, но меня не слышали. Толстый мужик, сидевший в 2х рядах за мной, встал и, не обращая ни на кого внимания (*то есть, в первую очередь, на меня*), опять открыл люк. Я уже было сел, извинившись за беспокойство перед "моей" очаровашкой, но опять встал и, дотянувшись до люка, закрыл его с резким металлическим звуком, обернувшись затем назад в сторону мужика. Он, набычившись, смотрел неприязненно на меня, готовясь встать. Назревал скандал…

"Галёрка" с толстой краснощёкой тёткой в шортах требовала открыть люк и мужик, встав решительно в проходе, замер на месте, увидев, что я не собираюсь сдавать отвоеванных позиций. Я стоял, раздумывая, как быть, если он двинется на меня к люку. В присутствии такой ставшей неожиданно красивой для меня попутчицы мне бы не хотелось выглядеть лузером, поэтому я стоял, как часовой на вахте, показывая толстяку серьезность моих намерений. И, к тому же, ехать под этим воздушным "вентилятором", обдуваемый потоком сквозняка, как в аэротрубе, мне совершенно не хотелось. Наблюдая за толстяком, который, нагнувшись к своей Дульсинее, очевидно, обсуждал план их дальнейших действий, я думал о том, почему глаза этой девушки оказали на меня такой ошеломительный эффект.

Толстый мальчик (*уменьшенная копия своего папаши*) противно гундосил, обращаясь к отцу, говоря, что ему жарко. И тут вдруг мне на помощь неожиданно пришла "моя" неразговорчивая сероглазая красавица.

– Люк надо закрыть, ведь продует и нас, и вас! – сказала она спокойным, неконфликтным голосом, повернувшись, выглядывая в проход между креслами, к этой семейке толстяков.

Мужик стоял в нерешительности, раздумывая, как быть в этом противостоянии, и тут в этот назревавший конфликт вмешался наш водитель, чуть ли не приказавший нам обоим сесть на свои места и не стоять в проходе между креслами. Почувствовав неожиданную поддержку водителя, а главное, этой милой девушки, в этом моём мини-конфликте с настырным дядькой, я сел на своё место с чувством победителя.

– Спасибо, что поняли меня, – сказал я прочувственно ей, ожидая, что она, наконец, начнёт со мной хоть какой-то разговор. Но моя попутчица, молча, кивнула головой, почти не глядя на меня. – Антон, – продолжил я, сняв очки и представившись ей, но она на меня даже не взглянула. – Меня зовут Антон, – повторил я, смотря на её профиль, чувствуя, что начинаю влюбляться в неё.

– Вероника, – ответила она, наконец, слегка повернувшись ко мне, и тут же отвернулась, словно давая мне понять, что от таких спонтанных любителей быстрых знакомств, как я, она уже устала. И меня это ещё больше обескуражило – обычно, девушки благосклонно воспринимали мои "бесхитростные" попытки подобных знакомств.

"Я помню чудное мгновенье… " — невольно вспомнилась к месту пушкинская строфа – её обворожительные глаза, притягивали к себе своей какой-то внутренней, хотя и холодной, чистотой. В них, как и во всём её облике, была разлита словно какая-то магия, и я пытался рассудочно противостоять моему такому странному влечению к этой всё ещё незнакомой и равнодушной ко мне девушке. Я никогда не испытывал ничего подобного к девчонкам, которые у меня были и есть сейчас, в Москве. Она меня не только привлекала к себе всем своим обликом, но и вызывала какие-то странные ощущения, никогда до этого не испытываемые мной.

– *Да что же это такое?* – спрашивал я сам себя, не понимая, что со мной происходит.

– *Ну, красивая. Ну, привлекательная. С хорошей фигурой. Но, при этом, холодная и необаятельная. Прямо, как Снежная Королева, когда она была ещё в девичестве принцессой-Белоснежкой. Возьми себя в руки, Антон! Ты же не мальчик, а мужчина! Относись к ней, как к обычной девчонке, с которой ты хочешь познакомиться для последующих романтических отношений в твоём летнем отдыхе на юге,* – твердил я сам себе, стараясь не думать и не влюбляться в эту странную незнакомку.

После нескольких безуспешных попыток разговорить её банальными фразами, типа, а вы местная, откуда вы приехали, как здесь хорошо, и нравится ли вам Крым, я понял, что она не из тех "клубных" девушек, легко шедших на контакт со мной в моей вечерне-выходной столичной жизни и замолчал, раздумывая, как же мне "зацепить" её. Единственное, что мне удалось вытянуть из неё, что она ехала в местечко, под приятно звучащим названием: "Партенит".

– *Прямо что-то греческое,* – подумал я об этом благозвучном названии.

– А где это? – меня всерьёз заинтересовало это незнакомое мне место, куда направлялась Вероника.

– Это городской посёлок у Медведь-горы, – ответила сероглазая красавица и отвернулась. И, как оказалось, надолго.

У меня в кармане послышалась мелодия вызова звонка – звонил друган Мишка из Ялты. Он, оказывается, уже несколько раз пробовал дозвониться до меня, но мой сотовый оператор "Ростелеком", меня подвёл здесь в Крыму, и он дозвонился до меня на мой второй, МТСовский номер.

Пока я разговаривал с ним, мы подъехали к Ангарскому перевалу, а затем начался затяжной спуск к Алуште. Слева от меня вскоре показался величественный горный массив Демерджи *(кто-то из пассажиров за моей спиной произнёс вслух название этой горы). А я вспоминал про себя о том, как мы с родителями проезжали вот когда-то также, только на троллейбусе, мимо этой самой горы, и мне ещё тогда очень захотелось побывать на её вершине. И, конечно, увидеть где-то там её манящую и пугающую Долину Приведений и знаменитые местные туманы).*

Отсюда, с горно-троллейбусной трассы, она казалась неприступной, почти отвесной, каменно-скальной стеной, недосягаемой для восхождения обычных людей. А наши знакомые – *родители Мишки* – да и он сам, туда, вроде, поднимались несколько раз по горным тропам. На меня нахлынули воспоминания нашего давнего отдыха с родителями в Крыму…

Углубившись в размышления, я не обращал внимания на Веронику, читавшую, как мне было видно, какой-то справочник по йоге, который она достала из своего рюкзачка. Смотря на открывшуюся слева от меня огромную панораму горного амфитеатра, я залюбовался мощью и величием этой каменной громады, увенчанной на её обрывистом краю скалой, очертаниями напоминавшей женский профиль.

– Вон, Екатерина, смотри! – раздался голос мужика сзади.

Я так и не понял, к кому он обращался: к жене ли, Екатерине, но профиль каменной ‘головы” напомнил мне профиль императрицы Екатерины на старых царских серебряных монетах *(я, кстати, собираю разные монеты*).

Автобус тем временем стал опять ускоряться в движении к Алуште и тут, с высоты метров в 300 над уровнем моря, с дороги моему взору открылся далеко впереди безбрежный простор морской глади, куда, казалось, мы спускались прямо вниз к той далёкой, отсюда, синеве воды. Раскинувшись огромным голубым простором вправо и влево от горной трассы, море сливалось в дымчатой дали с белесо-голубым небосводом. Мне даже показалось в какой-то оптической иллюзии, что горизонт этого далекого отсюда моря был чуть ли не на одном уровне с нашей дорогой!

Я выглянул в проход между креслами, смотря на это захватывающее зрелище сквозь лобовое стекло автобуса, и тут же сзади послышались всё те же недовольные голоса, что я загораживаю им обзор дороги. Не обращая внимания на их ворчливые эпитеты в мой адрес и не вступая с ними в словесную перепалку, я откинулся затем на сиденье, слегка повернувшись к Веронике. Она что-то сосредоточенно смотрела, на этот раз, в своём сотовом, не отводя глаз от светящегося экрана, не обращая на меня никакого внимания.

Дорога, между тем, почти тут же свернула в бок и пошла по пересеченной местности, и окружающие холмы закрыли и море, и вид на Алушту, мелькнувшую внизу.

Спустя десять минут неспешной езды мимо обширных виноградников, открывшихся внизу от дороги с левой стороны, и местами видневшихся также и справа, наше продвижение к Алуште замедлилось. Мы подъехали к концу колонны в десяток машин, собравшихся за медлительным троллейбусом, а за ним и самосвалом, которые невольно тормозили движение на дороге. Медленно следуя в арьергарде, мы, не спеша, ехали мимо окрестных виноградников по обе стороны дороги.

Слева открылся поворот на дорогу в сторону Судака *(мы там тоже были, но я почти ничего там не запомнил, кроме старинной Генуэзской крепости с её огромным пустынным пространством внутри за высокими крепостными стенами. Там ещё какие-то чёрные пушки чугунные стояли, на которые я тогда залезал. Туда мы плыли на катере, а обратно возвратились в Ялту по утомительно длинной, извилистой, местами небезопасной для движения, горной дороге, которая шла, петляя вдоль юго-восточного побережья Крыма*).

Движение почти затормозилось – наш автобус по-прежнему находился в хвосте колонны машин позади троллейбуса, горделиво и не спеша “лидировавшего” впереди нас. – Ваш сольный выход, маэстро, – сказал я шутливо, показав глазами в сторону троллейбуса. Моя прекрасная попутчица понимающе кивнула, оценив мой юмор. Но по её напряженному лицу было видно, что её явно что-то заботило.

– Вы опаздываете? – спросил я, пытаясь начать разговор.

– Да… – односложно ответила она.

Продолжения разговора с её стороны опять не последовало, и я не стал докучать ей своим вниманием.

– *Хороша ты, Вероничка, да не моя, похоже, клубничка*, – подумал я с лёгким разочарованием, бросая на неё искоса изучающие взгляды.

Медленно ползя по трассе, как и все машины перед нами, наш автобус начал подниматься вверх, огибая небольшой земляной склон, на котором стояло несколько многоэтажных жилых домов старой постройки, и на очередном повороте, буквально за ними, справа от нас вдруг открылась высокая, зелёная гора, величественно нависшая на близком горизонте, над низменностью внизу. Мне показалось, что она была буквально рядом, напротив домиков и жилых строений алуштинских пригородов, видневшихся в этой котловине, появившейся впереди за изгибом дороги.

Веронике кто-то позвонил, и отвлёкшись от дороги, машинально посмотрев на мою красивую соседку, любуясь про себя её лицом, я с удивлением затем обнаружил, взглянув опять на дорогу, что той высоченной горы, словно нависавшей над Алуштой ещё минуту назад, уже не было! Она ушла куда-то в сторону вместе с очередным поворотом дороги, с которого предстал вид на открытый, относительно ровный, окружающий зелёный ландшафт с невысокими горами, синеющими в знойном мареве вдали.

На склоне холма, и дальше внизу, показались многоэтажные дома ещё той, советской или, возможно, более поздней, постперестроечной, эпохи. Мы понемногу въехали в черту этого небольшого, почти провинциально выглядевшего, южного городка.

Алушта не произвела на меня никакого впечатления своей архитектурой: обычные жилые дома типовой постройки и ничего запоминающегося. На обочине у дороги слева стояли многочисленные, одноэтажные строения: мелкие магазинчики и овощные лавки, предлагавших к продаже съестные продукты, всевозможные курортные товары, хозяйственную мелочь, и в начале этого ряда полукустарных сооружений, нечто, вроде, мини-кофейни. И тут же, с импровизированных торговых прилавков, расположенных чуть ли не на тротуаре, продавались овощи и фрукты в ящиках. Сами эти магазинчики выглядели как-то непрезентабельно и провинциально, напоминая, скорее, времянки из наследия 90-х годов, которые должны были снести, да пока что оставили стоять за неимением средств на их снос.

Разглядывая всё это, я и не заметил, куда пропал тот белый троллейбус, ранее тормозивший движение нашей “автоколонны”, услышав лишь где-то впереди нас натуженное рычание двигателя самосвала, который тоже спешил ускориться, оставляя позади себя облачка сизых выхлопов солярки. Дорога неожиданно освободилась, и наш автобус вскоре подкатил к маленькому автовокзалу, заехав затем во внутренний двор на автостоянку. Вокруг автостанции и вдоль улиц было видно много людей, курортников и местных жителей, прогуливавшихся или спешащих куда-то по делам.

– Стоянка пять минут! – громко объявил наш водитель и вылез из кабины, хлопнув дверцей.

Пассажиры потянулись один за другим из автобуса на улицу размяться, перекурить и походить вокруг, и вскоре в его салоне остались только мы с Вероникой.

Она быстро закончила разговор, не желая, чтобы я слышал, о чём она говорила с её собеседником по сотовому. В наступившей затем тишине я почувствовал себя неуютно и напряженно, как на экзамене, оставшись один на один с экзаменационной комиссией. Только лишь с той разницей, что рядом со мной сейчас сидела такая красивая девушка, перед которой я почему-то робел, не зная, как начать с ней непринуждённый разговор, гадая о том, кто же ей звонил?

– *Кто это был: знакомый, родственник или её парень?* – эти и прочие мысли лезли в моё возбуждённое сознание. Удивительное дело: я был готов начать ревновать её ко всем возможным ухажёрам, ничего толком не зная о том, кто же была эта такая странно притягательная для меня девушка.

Вероника, между тем, убрала в рюкзачок свой сотовый, не обращая на меня никакого внимания, и повернулась к окну, показывая всем своим видом, что она не собирается выходить.

Я вопросительно посмотрел на неё, как будто спрашивая у неё разрешения выйти из салона.

– Выходите, если хотите, – сказала Вероника, поняв, что я остался в автобусе из-за неё. Она понимающе улыбнулась еле заметной гримаской – *ещё один кавалер нашёлся* – и отвернулась к окну. Невольно, я задержал свой взгляд на её красивых коленях. Перехватив мой взгляд, Вероника демонстративно поправила своё коротковатое платье. Мне стало как-то неудобно – наступила неловкая, давящая пауза. Мне нужно было как-то действовать, не досаждая ей своим присутствием рядом с ней. И тут я подумал, что мне всё-таки нужно остаться и попробовать разговорить эту столь неразговорчивую, серьезную девушку. Она не походила на моих прежних знакомых девчонок, которые, по большей части, были и “контактными” и любили внимание со стороны парней, клубные вечеринки, покуривали и т. д.

– А вы не курите? – как-то глуповато, неожиданно для меня самого, спросил я Веронику.

– Ну, конечно, нет! – безапелляционно ответила она.

– Одобряю и поддерживаю, – как-то без выдумки, банально и неостроумно вырвалось у меня.

Она пожала плечами, взглянув на меня, я опять “утонул” в её больших серых глазах. И похоже, как-то опять стушевался, не зная, что сказать дальше, и меня это удивляло. Странно для меня самого, но я определённо попадал под чуть ли не гипнотическое влияние её чудных глаз каждый раз, когда она смотрела на меня. Ну просто терялся в них!

И строил догадки, кто же она такая – живёт ли в Крыму в том неведомом мне Партените или приехала, как я, в гости, отдохнуть на ЮБК?

Собираясь, наконец, придать моему хаотичному разговору с этой интересной во всех смыслах для меня, девушкой, определённую тему и взять инициативу в свои руки, я начал говорить, но как раз в этот момент она опять достала свой сотовый телефон. Открыв страничку приложений, просматривая их содержание с сосредоточенным видом, Вероника намеренно игнорировала моё намерение поговорить с ней. Общение с ней явно не получалось – мы просто сидели молча и, при этом, девушка не хотела выходить из маршрутки. А я, как приклеенный к креслу, не мог или не хотел встать, словно влекомый магнитом к ней. Мне ничего не оставалось делать, как тоже достать свой айфон и делано углубиться в изучение его содержимого.

В автобус, между тем, стали заходить пассажиры, но не все – несколько мест остались свободными. Усатый водитель прокричал несколько раз, что автобус отправляется. Он сел затем на своё место и включил двигатель. В салоне стало привычно шумно, и маршрутка вырулила со двора на дорогу. На выезде из Алушты виднелись новые жилые высотки, давая представление о том, что город развивается, и мы живем в 21-м веке. На готовых к заселению высотках висели тут и там огромные рекламные полотнища, предлагающие купить квартиры в этих новостройках.

Почти тут же автотроллейбусная трасса в сторону Ялты уходила вверх по холму и исчезала за поворотом вправо. По ней шёл поток многочисленных автомобилей, и никаких прохожих на её обочине справа, откуда открывался вид на панораму Алуштинской долины. В этом месте горы отступили на десяток километров вдаль, замыкая горизонт на северо-западе Алуштинской долины, которая уходила вправо от дороги к видневшейся дальней вершине почти плоского, вытянутого в бока, скального, горного массива со столообразной вершиной около километра высотой. Амфитеатр гор расступался у Алушты огромным полукругом скальных массивов разной вышины. А на противоположной стороне от столовой горы виднелась уже знакомая мне гора Демерджи. И вся картина в целом производила впечатление какого-то грандиозного прорыва среди гор (*землетрясения?)*, произошедшего здесь, наверное, сотни тысяч лет назад…

Мои размышления были прерваны Вероникой, неожиданно сообщившей мне, что в Алуште есть красивая, современная набережная, самая длинная в Крыму. Она как будто услышала мои мысли об этом городе, который уже скрылся за очередным поворотом, и я подумал, что нужно дальше развить эту тему и завязать разговор с ней. Я открыл рот, собираясь задать ей какой-нибудь пустяковый вопрос, типа, а откуда вы это знаете? Но в этот момент ей опять кто-то позвонил (*ну как нарочно! – чертыхнулся я),* и девушка, отвернувшись от меня к окну, ответила на вызов и начала что-то объяснять.

Прислушиваясь к её разговору, я понял, что она разговаривала, по-видимому, с какой-то своей родственницей о ней и о какой-то тёте Дусе. Неожиданно она полуобернулась в мою сторону, и мне показалось, что она на всякий случай показывала мне, нахмурившись, чтобы я не подслушивал её разговор. Сделав равнодушное лицо, я демонстративно отодвинулся вбок на своём сидении и отвернулся от Вероники в другую сторону, досадуя на все эти нелепости. Делать было нечего, и оставив опять на некоторое время тему знакомства с ней, стал смотреть вправо от себя на живописные окрестности горных склонов, покрытых зеленью растительности и многочисленными виноградниками.

Солнце било лучами яркого света в стёкла нашего автобуса, и мне пришлось надеть свои солнцезащитные очки, и то же самое сделала и Вероника. Дорога по-прежнему шла вверх, и наше продвижение в сторону Ялты пока что затормозилось – мы оказались в конце хвоста очередной колонны машин, образовавшейся позади неспешно двигавшегося огромного самосвала. На этот раз, это был “MAN”, заполненный под завязку бутовым камнем, и наша новая автоколонна медленно следовала за ним.

Вдали слева, со стороны моря, показался далёкий, горбатый силуэт очередной горы. Не знаю, как вышло, но на меня напала дремота, убаюкивающая меня неторопливым движением и покачиванием нашего автобуса.

– *А это Кастель,* – сказала неожиданно Вероника.

Я не понял вначале, к кому она обращается, и, выйдя из своей дрёмы, повернулся к ней, увидев, что она смотрит на меня.

– Это вы о чём? – непонимающе спросил я, перехватив на мгновение её взгляд – она была опять без тёмных очков. Невольно, я подумал, что мне легче общаться с ней, когда мы оба – она и я – смотрим, друг на друга, сквозь тёмные стёкла. А без них она просто «обезоруживала» меня, чуть ли не лишая меня моей мужественности, путая мои мысли и превращая в неопытного юнца. Она тут же отвернулась к окну – там, вдали виднелся округлый кусочек какой-то вершины— то ли горы, то ли скального массива, заросшего лесом. Гора, между тем, мелькнув ещё раз в окне, скрылась за соснами и густой растительностью, покрывающей склоны обочины дороги. – Проехали уже, – ответила она односложно, и опять уткнулась в свой сотовый.

– А вы сами из Крыма или из Москвы? – спросил я, возобновив мою попытку завязать с ней разговор. Я, конечно, уже понимал, что она явно не из Москвы, раз она знала местные реалии и топонимы, вроде этой Кастель – гора или мыс – уж не знаю, что это было. Мне просто хотелось зацепить её разговором, поговорить, слушая её мелодичный голос, но ничего не вышло.

– Я имею в виду – вы живете в Партените или же будете там гостить? – уточняюще переспросил я, стараясь избегать смотреть ей в глаза, и так и не дождался от неё ответа.

Игнорируя мой вопрос, она стала опять что-то сосредоточенно искать в своём сотовом, перелистывая мелкие страницы с рисунками каких-то изображений буддийского толка с цветными рисунками сфер, мандал и психоэнергетических центров— чакр человеческого тела с пояснительными текстами. Я не стал повторять свой вопрос, понимая, что похоже, моя персона не представляла для этой серьезной красавицы никакого интереса – она, видимо, глубоко интересовалась сейчас этой буддийской темой с “третьим глазом”, и я просто отвлекал её

своими пустыми вопросами, будучи для неё слишком приземлённо-материалистичным. И уж, конечно, знакомиться с молодым повесой, как я, ей было ни к чему.

Сделав такой однозначный вывод, я стал твердить себе, что у меня с ней не получится никаких серьёзных отношений.

– *Да она просто горделивая провинциалка!* – увещевал я сам себя, думая о том, что напрасно теряю время, пытаясь узнать её поближе. *Ей это ни к чему. Да и мне – тоже!* – и отвернулся от неё.

Проблем в знакомствах с московскими девушками у меня не было и, по большей части, я знакомился с ними на молодежных тусовках в данс-клубах и танцполах. А те девушки, с которыми я там обычно начинал разговор для знакомства, знали, как себя вести, и что мне нужно. Эта провинциалка, хотя и такая красивая, была для меня, при обычном раскладе, объектом интереса ну на день-два, не больше, и поэтому заморачиваться с ней на разговоры мне и впрямь не стоило.

– *Ну не влюбляться же в неё по уши ни с того ни с сего! Тем более, что продолжения этого знакомства не будет. Она выйдет из автобуса и не даст мне номер своего сотового – я же не представляю для неё никакого интереса!* – разумно рассуждал я, вспоминая, между тем, как обрадовался Мишка-мой ялтинский друг, когда я сказал ему неделю назад, что прилечу вскоре в Крым.

Любитель амурных похождений, он сразу пообещал мне с подтекстом, что мой отпуск пройдёт на высоком "культурно-идейном" уровне – его шутки, порой, звучали плоско и пошло, но он был такой же, как и я, холостяк, и в нашей компании двух "одиноких сердец" мне бы не пришлось скучать в Ялте.

Так что, поняв, что эта девушка – из серии серьёзных недотрог с высоким мнением о себе, я решил больше не тратить своё время на ненужное мне знакомство. Но забывал обо всём, как только она смотрела мне в глаза, ничего не говоря, несколько раз. Если это и была какая-то игра с её стороны, то у неё была, несомненно, сильная позиция. Она меня просто обезоруживала своим взглядом и прекрасно видела, и понимала моё состояние при этом.

Разговаривая со мной или смотря на меня, в её взгляде не было никакой теплоты или обычного женского кокетства – у неё напрочь отсутствовало какое-либо желание понравиться мне. И ещё что-то странное и очень серьёзное, промелькнувшее в её глазах при взгляде на меня показало мне, что она смотрит на меня порой скорее изучающе – ну, вроде, как психолог, и, быть может, увидела во мне что-то такое, о чём я и сам не знал. В любом случае, она могла легко прочитать в моем взгляде и понять по моему поведению, что я "запал" на неё. И я из "охотника" превратился в "розового фламинго". Но её это, видимо, нисколько не забавило и не интересовало, как, если бы, я был просто маленьким мальчиком для неё. Не желая больше унижаться перед ней и таять, как рожок пломбира от взгляда её прекрасных глаз, я перестал искать в них благосклонность ко мне. Отвернувшись, и, не глядя, больше ни в окно, ни на неё, я закрыл глаза, думая о моём отпуске, море, настоящем знойном лете и скорой встрече с Михаилом, и как мы здорово отметим затем нашу дружескую встречу.

Отвлекшись на все эти мои "отпускные" размышления, и, предвкушая, зажигательно провести мой трехнедельный отпуск по полной программе в Ялте и прокатиться с моим другом по всему южнобережью, я услышал неожиданно опять голос Вероники, сказавшей, что мы проезжаем "Малый Маяк".

Посмотрев вперед, я увидел лишь промелькнувшую синюю табличку с надписью на дорожном указателе, и посмотрел затем вперёд, машинально отметив, что тот самосвал, который маячил впереди нас, заслоняя дорогу, куда-то исчез, и наше продвижение вперёд теперь тормозилось полуприцепом-панелевозом, который собрал за собой с десяток машин на этой загруженной транспортной артерии.

Я молча взглянул на эту милую, но странноватую девушку, избегая смотреть ей в глаза. Она пояснила на мой немой вопрос, что там, внизу, есть красивый, скальный, мыс Плака, и опять погрузилась в свою буддийскую тему словно медитируя, глядя на какую-то йогическую картинку.

– *Что за странная манера вести разговор?* – досадливо подумал я, – *ты или разговаривай или молчи. Да и вообще, ни к чему все эти дорожные разговоры.*

За моей спиной я услышал, как какая-то женщина объясняла своей дочке, что там в низу на мысе Плака, есть чуть ли не сказочный замок княгини Гагариной, и, что им надо будет обязательно туда съездить – там такая красота!

Дорога пошла вниз, и все, кто мог, пошли на обгон длинной грузовой платформы с бетонными панелями и, в числе первых, наш автобус. Слышать продолжение их разговора я не смог из-за шумного потока воздуха, врывавшегося в наш маленький автобус, взъерошивая и трепля волосы, заглушая голоса пассажиров, переговаривавшихся между собой сзади меня. Через открытый люк (и *как это я пропустил момент, когда его кто-то открыл!)* внутри автобуса гуляла бодрящая свежесть сквозняка. Набрав скорость, наш "ветеран" понесся, трясясь, словно охваченный нервной дрожью, гоночный болид, набрав приличную скорость на небольшом – в несколько километров в длину – прямом участке горной автодороги. Водитель татарин чувствовал бы себя здесь, наверное, автогонщиком из Формулы Гран-при, которому предоставлялась здесь редкая возможность помчаться наперегонки с ветром, вниз по шоссе, как по гоночной трассе, без всякой сплошной разделительной линии. Словно войдя во вкус, он и дальше мчался лихо вперёд, периодически обгоняя идущий впереди грузовой транспорт и троллейбусы.

Тем временем, слева впереди опять показалось море и не в дымке, каким я ранее увидел его с трассы над Алуштой, а плотной синевой с осязаемым объемом. Какая красота! И на фоне моря открылся вид на огромный мыс (*целая гора!)*, похожий на исполинского медведя, припавшего к воде.

– *Тот самый Аю-Даг!* – мелькнуло у меня в голове. Внизу, у подножия этой медведеобразной горы, виднелся какой-то курортный городок современного вида с пригоршней белых, высотных домов.

– Партенит! – проговорил негромко водитель, притормаживая у маленького пяточка остановки, за которой начинался лес, больше похожий здесь, у дороги, на одичавшую парковую зону. Я никак не мог привыкнуть к местному лесу – здесь росли не только широколиственные деревья, но и появились сосны с пышными верхушками, а внизу подлесок из массы каких-то незнакомых мне низкорослых деревьев, кустов и кустарника и кое-где кизила (*я люблю эти терпкие, кисловато-сладкие, удлиненные красные ягоды и знаю, как выглядит это дерево*).

К моему удивлению, моя красавица – "белоснежка" встала и сказала вдруг, повернувшись ко мне, с такой неожиданной для меня улыбкой:

– До свидания!

Я не успел толком ничего ей сказать на прощание, проводив взглядом её стройную фигуру. – *Хороша!* – и пожелал ей всего доброго с чувством сожаления, что я больше не встречусь с этой симпатичной девушкой, которая мне нравилась сейчас ещё больше теперь, когда она сама (*первая!)* попрощалась с улыбкой со мной. Сердясь на себя, подумал, что надо было всё-таки проявить инициативу, разговорить её, взять телефон. Одним словом, попробовать обаять её всем моим богатым арсеналом, используемым мной успешно в подобных случаях. А я ничего так не предпринял, оказавшись, словно обезоруженный, перед какой-то колдовской красотой её глаз.

Эта неожиданная, открытая и милая девичья улыбка, между тем, всколыхнула во мне бурю чувств и путаных мыслей – я был готов сейчас выскочить из автобуса, чтобы помочь хотя бы, вынуть её чемодан из багажного отсека и поговорить при этом с ней. Её улыбка была

для меня, как луч света в разрыве среди безнадёжности тёмных облаков моих размышлений, показавшая, что она всё-таки в первую очередь девушка, с которой можно нормально общаться и быть может ухаживать, если я добьюсь её благосклонности к продолжению нашего столь короткого и такого неожиданного для меня знакомства. Я встал и пошёл вслед за ней, чтобы помочь ей выгрузить её багаж, но водитель оказался проворнее меня. Он выгрузил её синий чемодан ещё до того, как я подошёл к ним.

Девушка покатила чемодан за выдвинутую длинную ручку, переходя автотроллейбусную трассу, и, смотря ей вслед, я помахал рукой, крикнув:

– Вероника!

Она не обернулась, идя дальше к чёрной иномарке, которая, очевидно, ждала её на обочине дороги с другой стороны.

– *Кто же её встречал? Друг, ухажёр или хороший знакомый?* – размышлял я, садясь в автобус и смотря "изо всех глаз" на скрытого за тонированными окнами невидимого для меня человека, который сидел в машине, всё ещё не выходя из неё. Во мне опять проснулось, ранее незнакомое, чувство непонятной ревности.

Она уже почти подошла к иномарке. Смотря на неё, моё сердце наполнялось каким-то щемящим томлением и лёгкой грустью к этой чудесной девушке. Словно впервые, я опять увидел со стороны её стройную фигурку в симпатичном летнем, коротковатом, белом платье. Наш автобус стоял, не двигаясь дальше – мне подумалось, что нашему водителю тоже было интересно посмотреть, кто же встречал такую красивую девушку?

Вероника, тем временем, подкатила свой чемодан к иномарке и оттуда, навстречу ей, вылез, наконец, мужик плотного телосложения лет пятидесяти, с чёрной бородой (*может, её отец?)*. Он без улыбки что-то ей сказал, беря чемодан и приглашая девушку жестом в машину.

Я хотел поподробнее разглядеть этого бородача, но наш автобус, дёрнувшись, быстро отъехал, ускоряясь в движении, и мы уже ехали мимо холма, закрывавшего вид на грандиозную гору Аю-Даг. Вдоль трассы здесь во множестве росли кипарисы и акации, выглядывавшие из зарослей вездесущего шиповника. Лес отступил от дороги в этом месте почти на километр в сторону холмов с правой стороны у подножия близких здесь невысоких гор. У предгорья повсюду виднелись виноградники, уходившие зелеными, сочно-зелёными рядами, вверх к скалам, на границе с лесной зоной. Участок прямой дороги, свободный от троллейбусов, самосвалов или большегрузов, позволил нашему автобусу пока что сохранять быстрый темп езды и, порой, я не успевал толком разглядеть заинтересовавшие меня участки живописной местности, видневшейся между деревьями по обеим сторонам дороги.

Обозревая живописные ландшафты, я немного отвлёкся от грустного настроения, охватившего меня после расставания с Вероникой, и хотя я дал себе слово, что обязательно попробую найти её в этом самом Партените, мысли об этой такой необычной и красивой девушке ещё долго не выходили из моей головы.

Впереди мелькнул дорожный указатель "Артек" и слева у дороги появился трёхметровый жёлто-красный бетонный факел на фоне огромной овально-вытянутой стеллы с электронной рекламной панелью. Внизу, за кипарисами, на невидимом отсюда берегу моря у исполинского каменного Медведя, находился знаменитый пионерский лагерь, в котором я никогда не был, но слышал это название ещё с детства.

Я ничего не успел толком рассмотреть, и вскоре также слева, внизу показался какой-то городской посёлок с высотными зданиями, теснившихся на склонах холмистой местности у моря. – Гурзуф! – объявил водитель, не притормаживая.

Справа от дороги, со стороны близких гор, к низине и мосту через овраг, куда мчался наш автобус, к трассе "вышла" очередная огромная, высоченная гора, и пока я доставал свой сотовый, чтобы сфоткать хотя бы часть великолепного горного пейзажа, её подножие "ушло" вбок от меня. Мы проехали по бетонному мосту, стоявшему на ажурном полукружье опор, ограж-

денному перилами метровой высоты, за которыми слева, со стороны моря, виднелся высокий холм. Он стоял высоким зелёным оазисом дикой растительности посреди курортного городка, выглядевшего издалека очень современно своими огромными белоснежными высотками.

В Гурзуфе никто не вышел, и мы мчались дальше по дороге, петлявшей среди скал и возвышенностей, обступивших её со стороны гор справа. Там появлялись и уходили в сторону очередные склоны горной гряды, густо поросшей высоким сосновым лесом. Слева, со стороны моря, за деревьями опять открылся безбрежный простор синей воды и вид на огромную медвежьеобразную гору, над которой зависла белая тучка.

Я повернулся назад, провожая взглядом прекрасный вид на Аю-Даг. Как же эта гора реально похожа на медведя! На фоне глади моря, недалеко от берега, виднелись две скалы с крошечными отсюда, прогулочными катерками, плывших там. – *Обязательно съезжу в Гурзуф, да и схожу на Медведя! И в Партенит поеду искать Веронику,* – пообещал я сам себе.

Ещё на остановке у Партенита, я пересел на её место и на мое длинное сидение больше так никто и не сел. И сейчас, глядя на Аю-Даг, скрывшийся затем из виду на очередном изгибе дороги, опять стал думать об этой удивительной и притягательной для меня девушки, остановившейся на отдых где-то за этой горой в том городке с таким поэтическим названием. Я стал травить себе душу, сожалея о том, что упустил такую реальную возможность поговорить с ней, привлечь её внимание к себе и показать ей себя с самой лучшей стороны. Заинтересовать, в конце концов, её своей персоной. Вспоминая её такие необыкновенные, красивые глаза, я почувствовал щемящую лёгкую боль в сердце.

– Неужели влюбился? Так неожиданно и непонятно…. Зачем мне это ненужное душевное томление и любовные переживания. Отпуск только-только начался, а я уже успел втюриться в девчонку, о которой вообще ничего не знаю. Роман без продолжения…

Я задумался, глядя в окно отсутствующим взглядом, видя перед собой её мысленный образ.

– Ну да ладно. Будем считать, что всё только начинается в моём столь неожиданном знакомстве с этой "белоснежкой" и мне удастся её найти потом в Партените.

Её облик, возникнув в моём сознании, никак не уходил из головы. Мне показалось, что стало как-то жарче – захотелось выпить воды, которой у меня с собой не было. Я же так торопился по прилёту сесть в автобус (*почему именно в этот?),* что не подумал купить воды…

-– Ну, как ты думаешь, мой Друг Дэл'шед, это то, что нам надо?

– Не знаю, мой Друг Аб'бас… Кандидат пока что, сыроват и, при всех его неоспоримых интеллектуальных достоинствах, требует соответствующей подготовки. Поэтапной, и без спешки, чтобы Джин'нан смог заинтересоваться им в той мере, чтобы выполнить свою Программу и обрести, наконец, нашего общего Хозяина.

– У нас уже мало времени для этого. Полагаю, всё будет идти по нашему плану, и ты сможешь убедить своего Собрата, что ему не следует более пребывать во Тьме, и настало время явить себя Миру и его будущему Другу. На благо нашего общего дела.

– Не беспокойся, мой Друг Аб'бас. Он и сам это уже понимает после стольких лет ожидания и бесплодных попыток обрести Друга. Ему надо открыться, и Знак уже явлен миру.

– Кто же из имеющихся у нас теперь двух достойных кандидатов на его Дружбу, станет нашим третьим, нужным, Другом?

– Это мы узнаем, когда Время придёт…

– Надеюсь, Антон станет затем таким же сговорчивым, как и наш первый кандидат?

– Джин'нан сам сделает свой выбор…

– Приложи все усилия, чтобы это стал правильный выбор.

– Не сомневайся, так оно и будет.

– Время покажет, мой дорогой Дэл'шед. Здесь всё зависит от решения твоего не в меру щепетильного Собрата. И от тебя, как его Первого Собрата. Ты понимаешь, о чём я говорю…

– А Вероника? Как насчёт неё?

– Она ещё будет нам полезна…

—Светящееся ярко-белым цветом безграничное Пространство Времени наполнилось внутренним содержанием, и в нём проявилась лучистая мыслеформа с концептуальным сообщением:

– Всё идёт по нашему Плану, и Джин'нан откроется нашему Кандидату для общего блага Геа и Галактики.

—Море уже почти не пропадало из виду – внизу по склонам нижележащих холмов тянулись вперемешку с виноградниками и густой низкорослой растительностью, многочисленные коттеджи, гостиницы и двух— трёхэтажные особняки, стоявшие на возвышенности вдоль всего побережья Ялтинской курортной зоны.

Впереди на обочине показались кремово-белые колонны с поперечной округлой аркой над ними с надписью "Никитский ботанический сад" (*я был здесь больше десяти лет назад лет назад – там реально красивейший парк – сад со множеством цветов и экзотических, южных растений со всего мира).* Затем мы проехали ряд маленьких курортных посёлков типа Никиты, и дальше по сторонам дороги появились высоченные скалы среди множества высоких сосен с красновато-сероватыми прямыми стволами (*как корабельные мачты – мелькнуло у меня сравнение*). Неожиданно с дороги, со стороны моря, открылся панорамный вид (на *десятки километров!)* на всё Ялтинское побережье от Ботанического сада и до какого-то далёкого мыса, с крошечной отсюда скалой, на которой стоит, как я знал, знаменитый миниатюрный замок Ласточкино гнездо. Я попробовал сфоткать этот вид, но не успел. Дальше море уже не было видно из-за холмистой местности, заросшей высокой растительностью и освоенными участками коттеджных построек, автомоек и заправок.

Мы проехали мимо остановки "Сосняк" с сосновым лесом наверху над дорогой, и вскоре наше продвижение в сторону Ялты вновь притормозилось, и весьма основательно. Внизу промелькнула 17-этажная высотка огромной серо-белой гостиницы "Ялта-Интурист" со скульптурной композицией ладьи на открытой площадке её крыши.

Наша маршрутка медленно въезжала в пригород Ялты – впереди за поворотом показалась остановка "Массандра". Но сам завод не был виден отсюда с дороги и прятался где-то в низине за холмистым рельефом. Кстати, знаменитая марка этого винного комбината, что называется, у всех на слуху, и я сам не раз пробовал отличные массандровские вина.

Автобус понемногу спустился вниз и повернул на очередном повороте влево, открывая великолепный вид на огромную скалу с почти вертикальной стеной и высоким склоном горы напротив неё, где в тени полуденного солнца скрывалось глубокое ущелье. Слева от этой огромной скалы тянулась вниз холмистая, зеленая местность, усеянная мелкими, маленькими домишками старой постройки с вкраплениями коттеджных построек в два-три этажа. – Васильевка, – сказала краснощёкая тетка, сидящая сзади меня. И почти тут же открылся вид на солнечную Ялту, расположенную на нескольких холмах вокруг Ялтинской бухты, не видной отсюда. Этот город с его живописными окрестностями находится в своеобразном горном амфитеатре, окружающим Ялту со всех сторон высокими, свыше одного километра в высоту, красивым полукружьем гор.

Мы проехали под мостом объездной дороги и въехали в зону автовокзала. Вокруг росла пышная растительность – кипарисы, акации с зонтами красновато-розовых цветов, платаны и невысокие сосны с большими кронами. Автобус остановился у шлагбаума с зелёным решетчатым ограждением, стоявшим, как вольеры в цирке, вокруг всей территории автовокзала. –

Ялта! – буднично произнёс водитель, и мы остановились. – Выходим… Народ посыпался из салона наружу – мы, наконец-то, приехали в Ялту. Было уже около 16 часов дня…

Я обошёл автобус и увидел на асфальте у багажного отсека мой компактный чемодан-сумку на колёсиках, уже выгруженный кем-то из пассажиров. Наш водитель, жадно куря сигаретку, стоял неподалёку, разговаривая со своими коллегами. Взяв чемодан, я направился в сторону троллейбусной остановки на противоположной стороне улицы.

Мишка, мой друг, живёт на Московской улице в самом центре города, и добраться до его дома не составляло никакого труда. Игнорируя бойких старушек и тёток, предлагавших временное жилье – комнату или квартиру – на любой срок, я вскоре подошёл к троллейбусной остановке.

Прождав минут пять, я сел в белую маршрутку, одну из многих, которые бойко подъезжали одна за другой к остановке у автовокзала. До центральной части города – Дома торговли и кинотеатра "Сатурн" *(он же IMAX*) было где-то 10 минут хода отсюда, но проехав мимо местного большого продовольственного магазина "ПУД" напротив высокого бетонного скелета недостроенного здания, наша маршрутка остановилась в дорожной пробке. Как я понял, подобные пробки в разгар курортного сезона в Ялте стали обычным делом. А я, проведя больше двух часов без движения, просто уже не мог спокойно сидеть, и, когда маршрутка подошла к местному овощному рынку, вышел облегченно из душного минивэна и пошёл по аллейке, параллельно дороге, вниз к Центру. Навстречу мне попадались десятки людей, одетых в минимум одежды— на улице было +35С тепла в тени! И мне это нравилось – если можно, я и сам тут же пошел бы на пляж прямо с чемоданом, чтобы освежиться и начать отсчёт времени своего летнего отдыха в Ялте.

Меня мучила жажда – я искал глазами магазин, где я бы мог купить себе минеральную воду. По сторонам аллейки сидели тут и там женщины и мужчины с корзинами и сумками, предлагавшие купить черешню, вишню, персики и прочие фрукты прямо с рук. Я еле удержался, чтобы не поддаться на их уговоры и купить крупную желтую черешню (местный, *сладкий сорт по заверению продавца, и это почти последние остатки – сегодня уже 6 июля*, пятница). – *Завтра куплю, когда буду посвободней,* – подумал я, глядя на свой чемодан.

За те годы, что я не был в Ялте, здесь выросли новые здания-высотки и появились магазины с современной европейской отделкой. Но, по большому счету, город остался таким же, каким я запомнил его – солнечным, зелёным и холмистым. Может, только деревья стали выше и гуще, и везде можно было идти в тени.

Я дошёл до пешеходного перехода у мостика через местную узенькую речку, мирно текущую в высоких каменных стенах. – *Всегда ли она такая тихая?* – подумалось мне. Эта речка стекает с гор мимо того самого ущелья, которое я видел в районе Васильевки (*его местное название – Ущелье Трёх Гор, а речка* – Дерикойка, *как мне позже, сказал Мишка*). С одной стороны у берегов речки вдоль дороги росли великолепные платаны с густой зеленой листвой, а с противоположной стороны – высокие кипарисы. Я перешёл по узкому металлическому мостику через речушку и оказался на длинной аллее, с шеренгой густо растущих кипарисов, стоявших зеленой стеной вдоль дороги с односторонним движением. По другую сторону дороги и находится эта Московская улица с рядом стандартных 5–этажных панельных домов ещё советской постройки. Вот в одном из таких домов и живёт мой давний ялтинский друг.

Зайдя в продуктовый магазин, так кстати, оказавшийся здесь, я купил бутылку холодной минеральной воды и выпил её всю тут же, у магазина, и пошёл дальше. Вскоре я нашёл его пятиэтажный дом, расположенный недалеко от большого, белого здания местной школы, о которой мне сообщил Мишка для моего ориентирования на местности.

Зайдя во внутренний зелёный дворик, хаотично заставленный автомобилями, я нашёл затем нужный мне подъезд и, поднявшись на 3-й этаж, позвонил в дверной звонок. За приоткрытой дверью послышались звуки шагов и – вуаля – мой друг Мишка радостно возник на

пороге, обнимая и затаскивая меня вместе с моим чемоданом в квартиру. Ему, кстати, уже 33 года и он, по умолчанию для меня, является старшим товарищем и другом.

По профессии Михаил – юрист, и я всегда прислушиваюсь к его мнению и советам, которые он мне дает, пусть и по телефону. За те 13 лет, что меня не было в Ялте, Мишка приезжал ко мне в гости в Москву четыре раза после того, как я купил по ипотеке квартиру 3 года назад, останавливаясь у меня дома, когда он приезжал в столицу по делам своих клиентов. Ну, а просто так приехать в Москву у него, пока, не получается. Так что наша дружба прошла испытание временем. Мишка был женат, но развёлся два года назад, и теперь пока холостякует, как и я. Повторно жениться, как я понимаю, он теперь не торопится, и живёт один, без родителей, которые живут в домике старой постройки в районе где-то выше местного овощного рынка. Я был у них один раз, когда мы с Мишкой пришли к ним в гости – помню, они угощали меня разными фруктами и сладостями с вкуснейшим местным рахат-лукумом. Наши родителя знакомы друг с другом ещё по их недолгой, как оказалось, службе в Группе советских войск в Германии. Да… давно это было…

Мы прошли в гостиную этой 2х-комнатной уютной типовой квартирки в доме *типа хрущёвок*, которыми Ялта застраивалась в 60-70е годы и, даже сейчас, почти вся Московская улица застроена этими одинаково выглядевшими, четырёх и пятиэтажными жилыми зданиями.

Мишка ознакомил меня со своей квартирой, показав, где и что есть, и какими пользоваться включателями/выключателями. Помыв руки, мы сели за накрытый обеденный стол. Я достал из чемодана мой презент для него – бутылку *Hennessy X.O. – extra old*– дорогого французского коньяка, пару больших плиток горького шоколада и пол-литровую банку красной икры. Друган даже всплеснул руками, увидев это жидкое чудо насыщенного янтарного красно-коричневого цвета, рассматривая на тяжёленькой “пузатой” 0.7-литровой бутылке узорчатую объемную гравировку с гроздьями винограда и выпуклых листьев на закрученных лозах.

– Не сомневайся, настоящая! – подзадорил я Михаила. – Так что, продегустируем, друган, когда скажешь!

Не буду описывать подробно, как мы ели и пили, дегустируя Hennessy за встречу, только лёг я спать далеко за полночь. И, засыпая, подумал в затуманенном сознании опять о “моей” сероглазке и пробормотал вслух, что обязательно найду её и вдруг, уже на пороге между явью и сном, услышал нежный голос, тихо произнёсший в полной тишине ночи:

– *Ты ещё встретишь её, ‘Ан-тон.*

Глава 2
День второй. Суббота. В гостях у Мишки! Моё новое знакомство с Ялтой

Утром я проснулся от ярких солнечных лучей, светивших мне прямо в лицо. Протерев глаза, всё ещё сонный, я посмотрел на часы – было уже 9:30 утра. Полежав немного, приходя в себя, я приподнялся, сидя в кровати, раздумывая, вставать мне или нет – мы так поздно легли вчера спать – и, вдруг вспомнил тот нежный женский голос, назвавший меня ***'Ан-'тоном***, удивляясь неправильному произношению моего имени и, вообще, кто или что это было? Хотя мы выпили вчера весь мой подарочный "Hennessy", но, при этом, как я помнил, мы были нормальном состоянии – что называется, в "адеквате"– весело болтая друг с другом, хохоча и вспоминая разные весёлые эпизоды из нашей многолетней дружбы. Но вот этот тихий голос в ночи никак не вписывался в реалии вчерашней ночи. Слуховыми галлюцинациями я не страдаю… – *Может, всё-таки это был сон, и я услышал явственно фразу насчёт того, что я найду или, вернее, встречу Веронику, уже во сне?*

Чтобы это ни было, этот непонятный эпизод как-то взбодрил меня, вселяя уверенность в том, что я действительно найду Веронику и был готов хоть сегодня отправиться в Партенит на её поиски.

В коридоре послышался какой-то шум, а затем уже из кухни раздался звон разбитой тарелки – очевидно, Мишка проснулся раньше меня и что-то там делал. Я встал, потянувшись с постели, оделся и вышел в коридор, где я чуть не столкнулся с ним. Мой друган выглядел бодрячком и сказал, что приготовил лёгкий завтрак. Как всегда, он был в хорошем настроении, невольно разряжая меня своим жизнелюбием и оптимизмом. Может, за эти качества (*в том числе*), мне всегда было приятно находиться в компании моего старого друга. Он никогда не унывал и, как мне кажется, всегда мог найти выход из любой жизненной ситуации. *Ну, да, я же очень высокого мнения о нём…* А его отношение ко мне было и уважительное, и очень дружелюбное. В общем, мы с ним, как две родственные души, почти как братья (хотя *я знаю много примеров, когда родные братья не могли найти общий язык друг с другом, выйдя из родительского крова).* Ну, да эти все эпитеты я применяю лишь для того, чтобы показать, насколько дружны мы с ним.

Позавтракав, съев без всякого аппетита вчерашние бутерброды – закуску с нашего вчерашнего "фуршета", мы перешли в гостиную (*служившую Мишке одновременно и спальней*) и сели на диван, продолжая наш разговор о моих планах на день и вообще, куда я хотел бы поехать или пойти в Ялте и что посмотреть на ЮБК. Поскольку каких-либо определенных планов у меня не было, мой друг предложил мне сегодня прогуляться для начала, по городу, сходить на пляж, пройтись по набережной, ну, а дальше видно будет, куда и что.

Итак, мы решили пойти на пляж (*что было самым естественным желанием для меня*) – купаться в тёплом Чёрном море – мечта любого человека, приехавшего в такой тёплый, южный уголок, как Ялта.

Выйдя из дома, мы пошли в сторону моря, и по пути Мишка рассказал мне обо всём, что интересовало или привлекало моё внимание здесь. Пройдя мимо кустарно выглядевших разношерстных палаток и магазинчиков у вещевого рынка (*его, по словам Михаила, будут реконструировать скоро*), поднялись по ступенькам вдоль линии шалманных построек и магазинных сарайчиков строительного рынка вверх к улице Свердлова (*революционного деятеля—соратника Ленина)* и направились вниз в сторону видневшегося впереди высокого здания из красно-жёлтого кирпича. Оно высилось на углу пересечения с улицей Дражинского (*спасибо Мишкиным пояснениям*) подобно пузатой красноватой башни и называлось "Edinburg Tower",

возвышаясь над всеми окрестными маленькими двух – и трёхэтажными домиками старой постройки, подобно настоящей башне.

Михаил, проходя мимо, сказал мне вкратце, что на этом месте первоначальной застройки восточной части города больше ста лет назад, стояла первая в Ялте, большая 3-х этажная гостиница, названная в честь герцога Эдинбургского. Она претерпела затем серию перестроек и косметических ремонтов, а потом, уже в советское время, переименована в "Приморскую". По его словам, она была весьма популярной в Ялте недорогой гостиницей без особых удобств, но со столь известным в то время её рестораном "Кавказ" на первом этаже.

– Ты там был? – спросил я, задирая голову, чтобы посмотреть на её верхние этажи.

– Конечно, нет! – засмеялся Мишка. – Её снесли где-то лет 30 назад! А это элитное жилое здание построили в начале двухтысячных годов на месте той гостиницы. И назвали, так прецизионно, с намёком на фешенебельность. Мол, люксовые апартаменты с парковкой. Стоит всего в 100 метрах от моря. Но здесь же оползневая зона и, вроде, проходит граница зоны тектонического разлома. Старую гостиницу ведь не так просто снесли из-за постоянных трещин в фундаменте и стенах… А вообще, Антош, наш город – это смесь абсолютно разной застройки: старой и новой и используются не только все три её холма, но и строят уже чуть ли не в зоне её примыкающих заповедников.

Обойдя это большое, округлое здание, мы свернули затем на извилистую проезжую дорогу, идя в сторону Массандровского пляжа. Ну, а выйдя непосредственно к пляжу, и увидев, что почти всё пространство галечных пляжей, разбитых на ряд секций с отдельными волноломами с террасами наверху, было заполнено загорающими "курортниками", я спросил недоуменно у Мишки:

– Ну, и где нам притулиться здесь?

Он предложил пойти в самый конец этой пляжной набережной – там имеется "полудикий" галечный пляж, без особых удобств, но раздевалка там точно имеется.

Идя дальше по Массандровскому пляжу, я просто радовался тому, что у Ялты есть такой хороший, оборудованный пляж со всеми удобствами и уютной набережной с массой мелких магазинчиков, ларьков, пирожковых, баров и кафешек – здесь можно было и поесть, и попить пива, не уходя с пляжа. При всём этом, здесь как-то не чувствовалось тесноты или скученности, а ненавязчивая, приятная музыка, едва слышимая релаксирующим звуковым фоном вдоль всей прогулочной зоны, создавала ощущение комфорта и приятной расслабленности.

Не знаю почему, но невольно я сравнил про себя эту приятную атмосферу в разгар жаркого, солнечного дня с отдыхом и приятными ощущениями, скажем, во время Рождества, когда ничего не делаешь и отдыхаешь, и отдыхаешь, и тебя всё радует. И все люди такие же безмятежно расслабленные и приветливо доброжелательны друг к другу, испытывая те же ощущения, что и ты, сейчас, живя этим днём, и не заботясь и не думая о завтрашнем дне. Как сегодня я, в начале моего пока ещё такого долгого отдыха, не зная о том, что второй раз, когда мне доведётся попасть сюда, это произойдёт при весьма необычных обстоятельствах.

Я много ездил по разным курортным местечкам и городам и могу сказать определенно – Массандровский пляж, хоть и не большой, но очень хороший, предоставляя спектр сопутствующих разнообразных услуг (*включая медпомощь, массаж, гирудотерапию и так далее*), каких нельзя получить, скажем, в той же Ницце, где я был лет 5 назад.

Помню тогда, что на его знаменитом – широком и невероятно длинном галечном пляже, я нигде не мог найти бесплатных кабинок для переодевания, а платить 20 евро за ключ с правом пользования такой кабинки на весь день, мне очень не хотелось. В итоге, я пошёл и переоделся в небольшой тёмной подмостовой нише – прямо сверху напротив пляжа проходила широкая авеню с редкими высокими пальмами вдоль неё. Там сновали машины и туристические паровозики, завозившие туристов на смотровую площадку на высоком холме над городом

(типа Поликуровского холма в Ялте), откуда начиналась заселение Ниццы почти тысячу лет назад.

Так вот – под этим мостом у авеню я наткнулся на группу местных бомжей – приезжих из Африки, которые, по сути дела, жили, ночевали здесь в тёплое время года. Причём, естественно, гадили и мусорили там не только они… Так что, хваленая Ницца явно уступает Ялте в моём понимании отдыха. Да и доступности различных удобств на пляжах. Ну, а то, что после 21 часа на пляже там нельзя купаться, а любая музыка (выступления уличных музыкантов и т. д.) вообще под запретом уже после 19 часов, для россиян нашей группы были зелёной тоской. Недаром говорится, что всё познаётся в сравнении.

Я рассказывал Мишке об этом и других моих впечатлениях от отпуска заграницей *(впрочем, он и сам всё это знал и активно обсуждал со мной эту тему, пока мы дошли до нужной нам секции пляжа).*

Спустившись по бетонной лесенке вниз на пляж, мы прошли вдоль узкой полоски галечного пляжа с рифообразными валунами прямо у кромки чистейшей воды – здесь и впрямь было много свободного места. Море – ласковое и тихое – манило в свои синие воды. Мы с удовольствием поплавали туда-сюда, к буйку и обратно и, выйдя на берег, блаженно растянулись на белых пластиковых лежаках. Я вспомнил, что 13 лет назад на пляжах Ялты вовсю использовались тяжёлые деревянные лежаки, дотащить которые до нужного места на пляже требовало определенных физических усилий моего отца… Правда, стоили они тогда, как вспомнил Мишка, раза в три дешевле, чем сейчас. Ну, да за комфорт надо платить…

Позагорав и покупавшись, через два часа мы уже шли с пляжа обратно по ухоженной территории Массандровской набережной. Длиной около полукилометра, она заполнена сплошным рядом открытых летних кафешек, шашлычных, гриль-баров и уютных, небольших питейных заведений с прилавками и мини-витринами с копчёной черноморской рыбой, розовыми креветками, торговых палаток с аппетитной шаурмой и, конечно, чебуреками.

При всем этом обилии зон фастфуда здесь было удивительно чисто – никаких обрывков бумаги, пластиковых стаканчиков и прочего сопутствующего мусора – для этого хватало аккуратных зелёных мусорных бачков и контейнеров, расставленных у каждой секции.

– Да. Культурная публика здесь. И это, при том, что здесь так многолюдно, – отметил я про себя.

Ходить или прогуливаться по такой чистой и ухоженной миниатюрной набережной было просто комфортно. Даже босиком— всё было вымощено приятно-выглядящей каменной плиткой разного цвета у разных секций, и никакого плавящегося на жаре асфальтового покрытия. Везде здесь радовали взор цветы в горшках – больших или маленьких – с огромными агавами и кактусами, и деревья вроде инжира, наверху, где виднелись частные гест-хаусы и гостиницы, выходящие прямо сюда, к морю. И даже миниатюрный сад из взрослых оливковых деревьев с толстыми, словно раздутыми, морщинистыми серо-коричневыми стволами карликовой высоты в полтора – два метра у одной из летних кафешек.

В воздухе периодически распространялись ароматы кулинарного мастерства фастфуда местных поваров – наивкуснейшие запахи ялтинских кулинарных яств: жареной барабули и ставридки, плова с мидиями и рапанами, шашлыка из нежной баранины и прочих блюд из мяса, рыбы, сыра и других ингредиентов, сдобренных “зажигательными” крымско-кавказскими— приправами и специями. Проходя мимо всего этого съестного, аппетитно-пахнувшего, съестного изобилия я так проголодался, вдыхая в себя бесконечно вкусные запахи свежеприготовленных мясных блюд, смешанных с ароматом специй, вперемешку с привкусом рыбных блюд из жареной местной рыбешки – ставридки и барабульки, что почувствовал неодолимое желание съесть по-быстрому что-нибудь вкусненькое здесь и сейчас, и сказал Мишке, что нам надо где-нибудь перекусить.

В итоге, мы зашли в чебуречную с открытой площадкой на выходе с территории пляжа, где стояли столики в тени от четырехугольных больших синих тентов, с рекламой пива “EFES Pilsner”. Сев за свободный столик на краю огороженной площадки с видом на море и на зелёный тамариск с инжиром по соседству, я изучал меню. Мишка, не теряя времени, заказал чебуреки с пивом у подошедшей расторопной девушки-официантки. Через пару минут нам принесли разливное, нефильтрованное “Барное“ в больших фирменных кружках, и Мишка, сидя спиной к морю, вводил меня в особенности местной кухни, начав свой экскурс с крымских чебуреков. – Чебуреки в Ялте, – начал он, – это отдельная тема, достойная особого описания. Они готовятся по старым татарским рецептам с начинкой из говядины или баранины или сыра с помидорами. Что интересно, стоят они все одинаково в пределах ста рублей за порцию. И, по словам моего друга, их качество совершенно не зависит от цены, поскольку их вкус целиком и полностью зависит от мастерства “чебуречника” – раньше лучшие в городе чебуреки приготовлялись в чебуречной именно здесь, на Массандровском пляже.

Я удивлённо посмотрел на него.

– Раньше?

– Ну да, – ответил утвердительно мой друг. – К сожалению, раньше. Хотя и сейчас неплохого качества. Но всё же не то…Ты просто ещё не знаешь разницы в их вкусе. А я – знаю. Поэтому и говорю так, – он оглянулся в сторону двухэтажного стеклянного павильончика, напротив которого мы сидели в тени под тентом.

– Вот, погоди, – продолжал Мишка с энтузиазмом, – мы с тобой пройдемся, пока ты здесь в Ялте, по всем местным чебуречным, чтобы ты понял, как и что. Так что, считай, что мы начали с этой отправной точки.

Мой ялтинец по-хозяйски, с удовлетворением на лице, огляделся вокруг.

– Хотя, – он добавил, помедлив, – всё же, самые лучшие, по-настоящему вкусные и качественные чебуреки с мясом или сыром готовят в Симеизе в чебуречной в конце местной кипарисовой аллеи с мраморными “античными” скульптурами. Прямо напротив горы Кошки. Слыхал о такой? Я кивнул – кто же не слышал об этой скале, у подножия которой и расположился этот уютный посёлок. Мы, кстати, там тоже были с родителями, но я мало что помнил об этом посёлке, запомнив только пляж с крупной, некомфортной для босых ног, галькой, чистейшей прозрачной водой и огромной высокой скалой в море сбоку от пляжа.

Вскоре нам принесли четыре порции только что вынутых из шипящего масла, пузырящихся тонкой, прожаренной, светло-коричневой корочкой, аппетитно выглядевших, больших чебуреков. Надкусив обжигающе-горячий чебурек и, чуть не вылив при этом себе на футболку вытекающий луково-мясной сок, я ел их дальше, положив на большую тарелку, помогая себе вилкой и обеденным ножом, разговаривая при этом с Мишкой. Он обильно поперчил их чёрным перцем из перечницы, стоявшей на столе, и ел с явным удовольствием, причмокивая и запивая пивом, вытирая жирные губы салфетками. Насытившись уже первым чебуреком, я приступил ко второму уже без прежнего чувства голода и вкушал не спеша, ковыряя вилкой в сером фарше, выпавшем из чебурека. Я не знаток этого блюда и не почувствовал какой-то большой разницы в их вкусе по сравнению, скажем, с их московскими “собратьями” из привокзальных мелких кафешек и забегаловок, где я, как-то, едал их в студенческие годы. И, всё же, эти чебуреки показались мне вкуснее и сочнее тех, московских.

Удовлетворив голод, я уже как-то равнодушно думал о них, потягивая холодное пиво. И перспектива дальнейшего тестирования этой жареной снеди, на непонятно каком масле, меня не очень радовала, поэтому я просто кивнул ему в ответ, ничего не говоря.

– *Всё в меру, как сказал Неру*, – вспомнил я к месту эту присказку, которую говорил мне в детстве мой старенький дедулька во всех уместных случаях.

– Да, забыл…, – продолжил Мишка чебуречную тему. – Есть, вернее, было ещё одно место в Ялте, где готовили отличные, классические татарские чебуреки.

Эта тема с чебуреками была явно близка ему, и чтобы поддержать разговор, я изобразил заинтересованность в услышанном.

– На пляже "Дельфин"! Это за Приморским парком – он махнул рукой куда-то в сторону порта. – Там раньше работал повар-татарин. Вот молодец был, молодой, но уже мастер. Давно не видел его. Не знаю, работает ли вообще там эта чебуречная. Вот, сходим туда, да заодно на обратном пути пройдёмся по Приморскому парку. Ну, ты удивишься!

– А где это? – полюбопытствовал я.

– Это далековато отсюда, минут сорок – пятьдесят пешком. Ну да вам, москвичам, здесь всё под боком. Ты, поди, на работу едешь по часу? А здесь за это время до Алушты можно доехать. Ха-ха, на работу из Ялты в Алушту!

Эта мысль почему-то его развеселила, и он стал пьяненько хихикать – у него, когда он выпьет немного, даже пива, всегда появлялось это уже столь знакомое мне, характерное – хихиканье, как-то не вязавшееся с его внешностью.

– Всё, Мишка, больше пива не пьем! – решительно сказал я ему, подразумевая, что пиво явно способствовало его излишней болтливости и непонятной дурашливости в поведении. Уходить отсюда Мишка, очевидно, не торопился и заказал ещё по порции чебуреков. Аппетитно кушая и запивая их нефильтрованным разливным пивом из кегля (*Мишка уже заказал себе третью кружку*!), мы оживленно беседовали на разные темы, и я уже не обращал внимания на его "скоморошничество". А затем и сам поддался его внешне беспричинному веселью, и весело болтая вскользь упомянул о моей симпатичной попутчице, отдыхающей сейчас, по-видимому, где-то в Партените. Мишка, услышав это, неожиданно предложил мне:

– А давай, съездим потом туда дней через пять, да и поднимемся на Медведь-гору. Там есть Место Силы – энергетика там просто прёт. Ну, и твою Веронику посмотрим заодно там, на местных пляжах – я же часто бываю в Партените по делам. Помогу тебе, – он улыбнулся и дружески хлопнул меня по спине. – Но, потом. Попозже! – махнул он рукой, словно отмахиваясь от этой темы.

– *Действительно,* – подумал я, поддавшись его веселому настроению, – *чего мне спешить с этой Вероникой? Успею ещё съездить в Партенит… Тем более, что Мишка поможет потом.*

Пиво явно развязало нам языки – мы стали вспоминать наших девчонок … ну и вообще, о чём же ещё можно поговорить двум неженатым мужикам после пляжа, где столько хорошеньких девичьих лиц… Да… недаром на въезде в город красуется большой билборд с надписью – "*Ялта-город счастья и любви"*, добавил бы я.

Расплатившись (*я всунул Мишке в ладошку 500 рублей – мою долю*), мы встали и пошли дальше по тенистой, заросшими высокими деревьями, улице Рузвельта в сторону набережной.

Да, да, того самого Рузвельта – американского президента! – он же здесь был в 1945 году на Ялтинской конференции.

Высокие тенистые деревья, по словам Мишки, по-научному назывались "*дуб пушистый*". Но для меня никакие они не пушистые, просто листочки все мелкие, и сам ствол более высокий и прямой (*не такой кряжистый и узловатый, как у обыкновенных дубов*).

Мы прошли мимо здания бывшего Клуба моряков (*Мишка там ходил в клуб юных моряков и даже научился сигнальной азбуке с использованием морских флажков).*

– Ну, а вообще-то, лет пятнадцать назад там был раньше маленький кинозал на втором этаже. А сейчас вот открыли внизу продовольственный магазин и кафешку наверху. Но их, вроде, скоро закроют.

Я равнодушно посмотрел вверх, скользя взглядом по небольшой металлической лестнице, ведшей наверх.

Пройдя по широкому мостику через всю ту же речку Дерикойку, которая вольготно текла в каменных стенах маленьким, чистым ручейком, разделяя собой Московскую и Киевскую

улицы, Мишка сказал, что здесь на этом мосту, проходили съемки “Неуловимых мстителей” – кинохита советского экрана.

Здесь снимался эпизод с Данькой, который чистил туфли чёрной ваксой атаману Бурнашу и его знаменитой в последствии фразой: “Ку-ку, Гриня… “ (*типа, вот тебе и пипец.)*.

А дальше мы прошли мимо бывшего здания “Макдональдса”.

– Оно закрылось несколько лет назад. Ну, а теперь это место уже не пустует и здесь имеется хорошая кафешка с открытой площадкой на втором этаже. С роллами и пивом ну и прочим.

Михаил предложил было зайти и пообедать там. Переждать жару, но я отказался. Мы же только что поели и идём, вроде, гулять по набережной.

Так что, мы пошли неспешно дальше по этой большой площади, обрамлённой пальмами и пышными магнолиями, где сбоку справа от нас стояла большая бронзовая статуя на высоком постаменте. Приглядевшись, сняв тёмные очки, я узнал в этой большой тёмной фигуре вождя мирового пролетариата. Оказалось, что эта площадь до сих пор носит его имя, а вторая, такая же большая площадь с большим торговым центром, расположенным дальше по Киевской улице, имеет архаичное название “Советская”.

– Не удивляйся! – бубнил мне в уши Брагин, смотря на меня и чуть не пнув при этом пару неосмотрительных голубей, попавшихся нам под ноги, – в Ялте до сих пор остались прежние названия улиц, носящих имена одиозных вождей и деятелей большевицкой революции, вроде Володарского, Свердлова, Дражинского, Кирова и даже террориста Халтурина.

– Так ведь и в других наших городах есть такие же названия улиц, – возразил я, но Мишка не заметил мой тихий комментарий, горячась и словно споря со мной.

– Сейчас это уже считается данью историческому наследию России, – в его голосе звучал сарказм, – и площадь с таким названием естественно, по-прежнему, украшает основоположник Советского Союза дедушка Ленин, вечно молодо-зрелый в своем бронзовом исполнении на огромном пьедестале из полированного красного гранита.

Мишка даже остановился, глядя в сторону бронзовой статуи, и иронично-пафосно продекламировал наподобие белого стиха, словно обращаясь к ней:

– Он стоит здесь,
Бронзовым гостем,
Смотря с высоты постамента
На беспечную праздную публику,
Снующую мимо по площади.
А его голову нагло используют,
Как площадку для “облегчения”,
Вот такие, блин, наглые голуби.

Он чуть не поддел при этом ногой голубей, которые с характерным глухим оживлённым воркованием бесцеремонно сновали прямо у наших ног.

– *Гадя, там и везде, где им хочется,* – закончил Мишка свою образную оду.

Похоже, мой друган не любил и голубей. А их здесь действительно было много.

– Ну и что? Да отстань ты от этой статуи!

Его неприятие советского прошлого нашей страны было мне, почему-то, совершенно безразлично. О чём я ему и сказал.

Мишка уставился на меня, словно видя впервые, а потом вдруг насупил брови и, взяв меня за руку, произнёс чужим голосом, но с такой всем знакомой интонацией:

– Слушай, аполитично рассуждаешь, понимаешь, – и мы оба расхохотались насколько он похоже воспроизвёл голос и образ Владимира Этуша, *подражая товарищу Саахову из "Кавказской пленницы*". Не хватало только парусинового белого костюма и шляпы!

Пиво всё ещё веселило и расслабляло нас. Хотя, если серьезно, мне было как-то всё равно насчёт всех этих и прочих названий из ушедшей советской эпохи. Это же было Прошлое, не касающееся моей личной жизни и, уж тем более, оно не заботило меня сейчас здесь, на отдыхе. И вообще, я приехал сюда отдохнуть и хорошо провести время, потусить, и вдруг опять неожиданный образ Вероники возник в моей голове. Но сейчас это было как-то несвоевременно для меня и неподходяще по настроению в сегодняшней реалии моего весёлого времяпровождения в Ялте в компании Мишки.

Странно, но я подумал о том, что слишком рано познакомился с этой удивительной "белоснежкой" в первый же день моего отпуска, ещё фактически, не начав его. Мои поиски и возможное ухаживание за ней требовали изменения моих планов отдыха в Ялте и уж, конечно, не соответствовали Мишкиной концепции моего досуга. Тем более, что он обещал повозить меня по всему ЮБК и хорошо отдохнуть и поразвлечься в ночных клубах и дискотеках и тусовочных местах, вроде местной "Чайки". Вероника не вписывалась в эти наши планы и представлялась мне сейчас отдельной, серьезной темой, которой я должен был заняться в ближайшем будущем. Её образ, хотя и такой притягательный, был сейчас как-то размыт и приглушён в моём сознании на фоне новых ярких эмоций и ощущений в приятной, неспешной прогулке по городу, с которым я сегодня фактически знакомился заново.

Михаил потянул меня дальше, и я отвёлся от мыслей о Веронике, подойдя с ним к одиноко стоящему невысокому зелёному дереву с пышной листвой, в которой скрывался узловатый, закрученный и искривлённый, древесный ствол. Это была глициния с несколькими, ещё не увядшими, живыми гроздьями лепестков нежно-фиолетового цвета. Она росла, непонятно как, среди закатанной в плитку площади. Конечно же, Мишка сфоткал меня на её фоне, и мы прошли потом мимо круглого, весело бьющего вверх струями воды фонтана, и вышли на широкую часть набережной, выходящей к бухте.

– Когда-то, – сказал, посерьёзнев, Михаил, – лет 50 назад, вся эта территория была частью морского порта. Это место было огорожено металлическим забором с невысоким гранитным бордюром. И здесь тогда стояли, подпёртые бревнами с обеих сторон, многочисленные маленькие катера, лодки и рыболовные суда. Зимой они стояли в мелком ремонте, а летом тут складировались разные грузы и т. д.

Надо сказать, что Михаил очень интересуется историей Ялты и ЮБК, и много знает — у него дома много книг по истории города и Крыма, а также он находит много интересного о Ялте и её истории в интернете. В общем, мой друг – интересный собеседник и хороший рассказчик. Естественно, что при таком раскладе он любит всякие пешие прогулки по городу и его окрестностям, не говоря уже о возможности путешествовать по Крыму на автомобиле – у него старенький коричневый "Фольксваген" 2012 года выпуска, который всё ещё бойко бегает. Мишка, по его словам, никак не может с ним расстаться, хотя ему уже давно пора бы купить новую "тачку".

Мы подошли к группе самодеятельных рыбачков, удивших рыбу прямо с пирса. Им никто не мешал, и на этой причальной части широкого пространства набережной почти не было прохожих или гуляющих людей.

– Как по такой жаре можно ловить рыбу? – поинтересовался я у Мишки, но он не ответил, подойдя к краю пирса.

– И что, клюёт? – спросил он грузную тётку в розовой футболке *("рыбачка Соня, "– подумал я).* Она, молча, кивнула в сторону пластикового ведерка, где плескались серебристые рыбки. – Это луфарь, – пояснил мой друг, – вкусная рыбешка с нежным мясом. По сути, та же кефалька, только ещё маленькая и суховатая на вкус. Ну, да надо купить.

Он не долго торговался с тёткой-рыбачкой. При нас за пять минут она поймала ещё несколько рыбешек и отдала их нам до кучи, как бонус. Мишка положил пакет с рыбкой в свой заплечный рюкзак, и мы пошли дальше.

– Вообще-то, сейчас подобная рыбалка с пирса запрещена законом. До октября нельзя ловить рыбу в черте города, чтобы дать возможность рыбной молоди набраться сил и способствовать увеличению рыбных ресурсов Чёрного моря, – неожиданно поведал он.

– Вот те на! Выходит, мы помогли браконьерам? – удивился я.

Мишка ухмыльнулся.

– Да, ладно, это всё мелочь. Ты бы посмотрел, что здесь творилось на пирсе года два назад. Да здесь яблоку негде было упасть от рыбаков с удочками и лесками с десятками крючков, которыми она просто выдергивали из воды ставридку и кефаль, которая заходит в ялтинскую бухту на зимовку и стоит десятками тонн под пирсом!

– Как, под нами вода, море? – я даже остановился от удивления.

– Ну да. Вот эта вся полоса площади – метров 15 шириной, стоит на сваях, покрытых бетонными плитами. И под нами здесь сейчас вода. А раньше, в начале века и в 30-е годы, здесь, где сейчас стоит эта кафешка, – он показал в сторону кофейного павильона справа от нас, – была береговая зона. Пляж, так сказать. Наверное, здесь и купались раньше в Ялте.

Я попробовал представить себе море с прежним пляжем под этой площадью 70 лет назад, но как-то моё воображение буксовало… Мишка же, в качестве иллюстрации, быстро нашёл в своём сотовом нужные фотки в интернете и – вуаля— через минуту показал мне снимки старой Ялты и её набережной (*вернее, той части берега, который здесь был раньше*).

Да… я был впечатлён. А мне, как-то и в голову не приходило искать в сети эти старые виды Ялты.

Мишка понимающе посмотрел на меня:

– Понятное дело! Ты же не ялтинец. Зачем тебе рыскать в сети о городе, в котором ты был всего один раз, да и то, 13 лет назад. Я же не ищу старых фотографий с видами Москвы.

– А я тоже не ищу, – ответил я.

Действительно, свой город надо любить, чтобы заинтересоваться отдельно темой старых фоток… Я люблю Москву, но фоток старых не ищу. Наверное, мне это не интересно. Нынешняя Москва такая красивая и смотреть, как всё было убого и не красиво в ней 100 лет назад, мне просто не хочется. А вот здесь – другое дело. Природа здесь такая красивая. Но ведь и здесь, столетие назад, было, наверняка, не так красиво, как сейчас. Наверное, и растительности вокруг не было так много, как сейчас.

– Вот, кстати, посмотри на этот холм вверху, – перебил мой внутренний монолог Михаил.

Я посмотрел вправо, куда показывала его рука. Там был холм, почти закрытый растительностью с видневшейся линией красных и синих кабинок канатной дороги (*я был там в прошлый раз с родителями).*

– Так вот, – продолжил Михаил, – этот холм, Дарсан, раньше был абсолютно голым и без всяких деревьев и кустов! Абсолютно “лысый”.

– Да ладно! – неверяще проговорил я, оглядывая видимую мне отсюда часть этого зелёного холмообразного массива зелени. – Откуда же тогда взялась растительность там?

– То-то и оно! – воскликнул Михаил. – Всё, что теперь растёт на нём, – а ведь там целый лес из сосновых деревьев – было посажено ялтинцами на субботниках в 50-е годы.

Он добавил, что его бабушка, когда училась в школе, тоже высаживала саженцы сосен и прочих деревьев на крутых склонах этого холма.

– А сейчас смотри, там уже и дома строят!

– На таких склонах?! А оползни? – поинтересовался я.

Миша пожал плечами.

– Кто об этом думает! Вернее, думал, в недавнем прошлом. Хотя, – он помолчал, – раньше, и сейчас, главное для застройщика – это получить требуемое разрешение на ведение работ на земельном объекте, а дальше – кто во что горазд. И в наш адвокатский офис они потом частенько захаживают— город же с ними судится потом. Да, кстати, вот сходим в Приморский парк – ахнешь! Это там, где вон те высокие дома вдали у моря, – он махнул рукой вперёд себя в сторону симпатичных высоток, выходивших к морю с той стороны бухты.

– Не помню, был ли я там раньше с родителями? Ладно, посмотрим, – подумал я, кивая головой.

Идя дальше вдоль длинного, изогнутого пирса, где стояло несколько белых, красивых маленьких яхт, катерков и моторных лодок, я с любопытством смотрел на все это яхтенное хозяйство, – загорелые парни с моторных лодок предлагали нам отправиться на морскую рыбалку с купанием в открытом море. С ухой из выловленной нами рыбы, или, если не охота рыбачить, шашлыком и угощением под водочку. Но мы не заинтересовались и, прогуливаясь, шли по широкой, открытой приятному ветерку с моря, бетонной набережной – мне всё было здесь интересно.

Периодически останавливаясь, я фотографировал на сотовый те или иные виды Ялты. Идя дальше, мы прошли мимо аллейки высоких пальм с верхушками из метёлок веерных, широких листьев, походивших на зелёные чубы. Вдоль пешеходной дорожки мимо них стояли длинные, белые скамьи, и с интервалом в пятнадцать метров, между ними – высокие, изящно изогнутые торшеры— светильники, похожие по форме на букет матово— белых, трапециевидных тюльпанов – по 7 больших плафонов в каждом. Рядом на ремонтируемой площадке лежали стопки больших красных и серых гранитных плиток, используемой здесь для облицовки покрытия этого участка набережной.

– Вечером они так красиво светятся, постепенно меняя свой цвет от белого до синего, красного и зелёного. Надо будет ночью здесь пройтись, если удастся, – сказал Мишка, заметив мой интерес к этим светильникам. – Тем более, что их, вроде, хотят убрать.

– Убрать? Почему? – удивился я.

– Не знаю. Это вопрос к Администрации города. Там знают, как и что.

По словам Михаила, в середине двухтысячных годов на этом месте был построен двухэтажный торгово-ресторанный комплекс под названием "Еда", который закрыл вид на море и бухту с набережной в этом месте. Ну, а в позапрошлую зиму его снесли, затем долго ремонтировали и благоустраивали площадь и, наконец, посадили ещё больше пальм— целую аллею.

– Теперь здесь стало просторнее для прогулок вдоль моря, да и опять открылся вид с набережной на море и мол с маяком, – пояснил он с довольным видом. И показал на своём сотовом снимки этого же места три года назад.

Мне, в принципе, было всё равно, но он объяснил мне, что теперь здесь стало гораздо шире и комфортнее для прогулок и уличных развлечений, поездках на всяких детских автомобильчиках, велосипедах, сигвеях и моноколёсах, не говоря уже о ялтинских тинейджерах, – любителях роликов, самокатов, скейт и фрибордов. И просто для местной детворы, и их родителей, *и бабушек!*

– Тебе бы, Миша, с твоей любовью к городу, идти работать в городскую Администрацию. Глядишь, лет черед десять-пятнадцать и в мэры бы выбился, – пошутил я.

– Да… в Ялте сейчас постоянно что-то строится, ремонтируется, изменяется, – продолжал свою импровизированную экскурсию Мишка. – Убираются самовольные постройки и так далее – короче, город живет и развивается. Правда, вот, порт никак не развивается пока. Из-за санкций нет прежних лайнеров в его бухте. Ну, да ничего. Потом сюда начнется паломничество, туристический бум заграничных туристов. Но это потом, а пока порт, вынужденно простаивает, хотя недавно и пустили в круизную линию пассажирский лайнер "Князь Владимир". Он, кстати, был куплен у греческого судовладельца. Судно старое, но прошло модернизацию

после его покупки нашей страной. А раньше он периодически заходил в ялтинский порт под именем “Royal Iris”.

– А фотка есть у тебя? – поинтересовался я.

Мишка быстро нашёл в сети нужную фотографию. Мне понравилось весёленькое изображение танцующей жёлтой рыбки на его белоснежном борту.

– Вот, погоди, – продолжил Мишка, кладя сотовый в карман, – скоро сам его увидишь. Каким он был, и каким он стал после перекраски корпуса. Он только-только стал ходить по Черному морю, и заходит в Ялту по вторникам, курсируя еженедельно между Сочи и Севастополем. Жаль, мало стоит здесь – всего сутки. Народ не успевает всё осмотреть здесь; ну, а главная местная достопримечательность для таких туристов это… – он хитро посмотрел на меня.

– Что? – не понял я.

– Ну-ка, отгадай!

Я нахмурил лоб.

– Да откуда я знаю! По мне, так здесь всё примечательно: и город, и лес, и горы, и местные домишки – старые, но какие-то самобытные. Как из прошлой эпохи.

– Уже ближе, – подбодрил меня Михаил. – Ну!

– Баранки гну, – ответил я в рифму.

– Дворец! – проговорил он с важным видом, не дождавшись от меня нужного варианта ответа.

– Какой? – нетерпеливо спросил я.

– Да Ливадийский! – воскликнул Мишка.

– Ну, так это же не в Ялте! – возразил я в полной уверенности своей правоты.

– Как не в Ялте!? – возмутился шутливо Михаил. – Ливадия тоже входит территориально в состав большой Ялты!

– Ах, вон оно что… – протянул я. – Так там же вроде ещё и другие дворцы есть – в Алупке, да? Мишка утвердительно кивнул.

– Вот съездим и туда! А потом еще и в Симеиз, и в Ласпи. – Ласпи? – переспросил я. – А где это?

– Это уже севастопольская зона. Поедем по трассе на Севастополь и будем везде там заезжать по всем уголкам южнобережья.

– Так это сколько времени потребуется! – протянул я.

– А ты что уже уезжаешь? – усмехнулся Михаил. – Конечно, трёх недель твоего отдыха еле-еле хватит на осмотр всех местных красот и достопримечательностей. Ну, да мы же на ходу, свожу тебя везде, где смогу. Будет получше всяких там экскурсий из киосков! От этой приятной перспективы у меня опять началась легкая эйфория.

– Спасибо, друган!

Мишка широко улыбнулся, кивнув головой.

Прямо где-то над головой у нас вдруг раздалось очередное объявление из громкоговорителей, установленных на высоких металлических столбах на набережной у порта. Я как-то не обращал внимания на эти громкие звуки, а здесь стал вслушиваться в их содержание. Голос диктора призывал обращаться в местный наркологический центр людей, попавших в наркозависимость. А потом опять пошёл рекламный блок, типа посетите местный крокодиляриум (*не люблю крокодилов)* и прочая пустая для меня информация. Эта назойливая звуковая реклама стала изрядно досаждать мне, о чём я и сказал моему другу.

– А ты не слушай, – спокойно ответил Миша. – Я уже привык, так вообще не замечаю.

– Ладно, попробую, – пробормотал я.

Мы пошли дальше в сторону видневшейся невдалеке часовни, возвышавшейся фигурчатой постройкой над нижней набережной, куда мы неспешно продвигались.

“Откуда она там чуть ли не на берегу?” – удивился я про себя.

По пути, пройдя мимо заброшенных причалов, стоявших на полу-изъеденными ржавчиной сваях, я обратил внимание на множество чаек, сидевших белыми пятнами на длинном низком причале, разбитом волнами в его начале у нижней набережной. Их никто не тревожил, поскольку проход на причал был закрыт со стороны моря металлическим ограждением – зелёного цвета забором из толстой проволоки – и его основание было повреждено, очевидно, волнами, постоянно бившим в него снизу при сильном волнении. Ну, а сегодня море было, как озеро— тихое и спокойное.

– Много чаек в порту, значит, много рыбы здесь, – пояснил Михаил.

Я сфотографировал этот причал, так сказать на память – мне интересно потом будет сравнить эту фотку с тем, как здесь всё изменится в будущем (*я уверен, в лучшую сторону*). И цель моего, столь подробного описания ялтинской набережной, которую я видел сейчас опять во второй раз в жизни, было стремление сохранить в памяти *то*, как она выглядела сейчас, летом 2018 года.

И маленькое отступление – ведь потом, через годы, я опять побываю в Ялте, но это – другая история, о которой, я, быть может, как-нибудь расскажу. Всё течёт— всё изменяется, и всё реально потом изменилось в Ялте и, смотря на эти фотки уже в будущем, мне и самому было интересно восстановить в памяти или просто сравнить Ялту сегодняшнюю, ставшую в том Будущем, о котором я пока не могу говорить, Ялтой ушедшего прошлого. Ну, да не буду забегать вперёд.

Скажу лишь, что все дальнейшие события, в невероятном круговороте которых я потом так неожиданно оказался, были лишь своеобразной прелюдией в моей подготовке к встрече с Неведомым, которое я никоим образом и представить себе не мог, отдыхая и не подозревая о том, что же потом случится со мной в таком безмятежно-комфортно начавшемся отдыхе в Ялте!

А пока что, мои первые, самые яркие и свежие впечатления, требовали именно такого подробного описания. Ведь это был мой первый день отпуска в Ялте, которая мне так нравилась во всей своей красоте её природного окружения: с её морем, горным лесным ландшафтом, зеленью, климатом и настоящим жарким летом. Вообще-то говоря, проводя здесь свой первый, полный день в Ялте, у меня было ощущение какого-то дежавю. В моем сознании возникали обрывки воспоминаний из уже такого далекого для меня моего прошлого пребывания в Ялте с родителями. Но на этот раз с другими, яркими ощущениями, и мне здесь всё так нравилось и радовало глаз.

Я по-новому ощутил красоту природы этого южного уголка Крыма и, главное, обилие роскошных, цветущих, южных растений с их незнакомыми мне цветами и пахучими запахами, начиная от глянцево-зелёных магнолий, круживших голову тяжёлым пряным ароматом своих крупных, нарядно-белых цветов, желтовато-блеклых метёлок цветущей бузины и гранатово-бордовых нарядных, наклоненных свечей турецкой сирени, до ленкоранских акаций с их красивыми, ажурно-шелковыми, метельчатыми розовыми зонтиками соцветий, густо расположенных среди узорчатой, тёмно-салатовой листвы. И нежной фиолетовой синевы глициний, свисавших нарядными цветочными гроздями среди тёмно-зеленых листьев на будто иссушенных, сероватых стволах. Не говоря уже о бесконечном количестве разнообразных декоративных цветов и кустов пышных красных и жёлтых роз – всё это говорило: *ты на юге, радуйся жизни, отдыхай! Ты это заслужил*.

Ну, во всяком случае, я воспринимал мой отпуск в Ялте именно так. Я заработал в своём банке право на такой отдых (и *даже на более лучший*), но меня здесь всё устраивает! И в предвкушении будущих приятных моментов, дружеских посиделок и поездок по Крыму с Мишкой и романтических знакомств с местными барышнями меня охватила лёгкая эйфория. Правда, я тут же вспомнил опять о партенитской скромняшке “белоснежке” …

Поймите меня правильно: я же нормальный молодой человек. Замечу – неизбалованный деньгами и не баловень судьбы. Неравнодушный к девчонкам. Жизнелюбивый, любознательный и начитанный. Проучился 4 года в институте истории мировой экономики и технологического развития, получил диплом экономиста, и повезло с банком. И вот работаю, зарабатываю и не жалуюсь – у меня всё ОК. Да и друзья у меня хорошие. С плохими не дружил бы.

У меня явно было хорошее настроение и эти, и прочие подобные приятные мысли просто непрерывно лезли в мою голову. Юг, солнце, красивые люди вокруг меня (*главное, девушки!*) – и всё это на фоне пышной южнобережной природы!

Впереди нас раздалось очередное объявление – на этот раз из репродуктора с правой стороны – там, впереди за кафешкой, прямо под набережной, находилась билетная касса. Мегаватный голос из репродуктора предлагал совершить морскую прогулку до мыса Ай-Тодор на пассажирском катере с поэтическим названием “Эол” и осмотреть замок “Ласточкино гнездо” на скале “Аврора”. Тут же, у длинного изогнутого причала, ограждённого высокой защитной стенкой, стояло два однотипных белых прогулочных катера метров 30 в длину каждый. И здесь, рядом с кассами, высилась та самая небольшая красивая каменная часовня, увенчанная крестом. Она стояла прямо рядом с пляжем, на котором нежился, загорая, народ, купаясь рядом с каким-то непонятным ручейком, вытекающим, по всей видимости, из местной канализационной системы.

Я удивленно смотрел на всё это, но меня больше заинтересовала эта часовня. На вопрос, как и что, Мишка рассказал мне историю создания этой часовни и о печальной судьбе парохода “Армения”, который был потоплен немецким торпедоносцем на траверзе Медведь-горы.

По его словам, (*а он читал много разных материалов на эту тему*) это произошло 7 ноября 1941 года около одиннадцати часов утра…На борту этого транспорта, под завязку заполненного пассажирами, в том числе из местных жителей, отправляемых в эвакуацию на Кавказ, было около 7 тысяч человек. Просто страшно представить всю эту картину… Из всех пассажиров спаслось лишь несколько человек.

Услышав эту историю, у меня испортилось настроение. Я погрустнел, думая о тех людях и сопереживая с ними и той давней трагедией.

– Никогда не слышал об этой “Армении”, – наконец сказал я, когда Мишка закончил свой рассказ. – Почему же такая информация является столь малоизвестной? Это же часть истории нашей страны!

– Времена такие были раньше, – уклончиво ответил Мишка. – Но после 90х всё изменилось. И пошла информация об этой трагедии на море. Может, ты просто не интересовался этой темой. Да и просто не знал. Вот поэтому, и для этого, для памяти о тех людях, здесь у моря (*а не на пляже, как ты говоришь*), была поставлена эта часовня в 2009 году.

Я посмотрел опять на всех этих купающихся и загорающих людей, беспечно отдыхающих напротив этой часовни, и подумал, что многие из них ведь так и не удосужатся хотя бы зайти внутрь этой маленькой часовенки…

Ладно, не буду морализировать. У каждого своё видение и понимание добра и зла в этой нашей будничной жизни.

Мишка, поняв моё состояние, пошёл по маленькой крученой бетонной лесенке наверх часовни, но не стал почему-то заходить, приглашая меня рукой самому зайти внутрь. Он остался стоять на крохотной площадке перед входом в часовенку, а я зашёл внутрь малюсенького помещения с иконами по стенам. Здесь никого не было, кроме служительницы – женщины в светлом платке на голове. Она стояла напротив небольшого алтаря с зажженными свечками, читая в тишине молитвослов.

Всё мое веселое, беззаботное настроение куда-то улетучилось – я стоял здесь в тишине, думая о тех пассажирах, людях…и, невольно, *вспомнил моего деда – ветерана ВОВ.* Он был

оптимист и весельчак-балагур по жизни, и знал кучу прибауток и присказок, которое словно въелись мне в память с тех моих детских лет.

Я был в пятом классе, когда он ушёл из жизни, и плохо помню сейчас его рассказы о войне… Вернее, он не любил вспоминать войну… И я всегда с уважением отношусь ко всей этой теме. Ну и, наверное, я, всё же, патриот своей страны. Эта мысль меня несколько воодушевила, и настроение понемногу поднялось.

Выйдя из полутьмы часовни к Мишке, стоявшему у входа на площадке, я словно вновь возвратился в солнечный мир беззаботного отдыха курортной Ялты, мысленно оставляя то печальное прошлое, напоминанием которого была эта часовня с ликом Святого Николая, строго взирающего с бетонного белого фронтона на проходящую мимо беспечную публику. Я спросил у Миши, почему он не зашёл внутрь в часовни.

– Так я же выпил пива! – как само собой разумеющееся пояснил он.

– *А я ведь тоже выпил…* – мне стало как-то неудобно и неуютно на душе. – *Ну, да, ладно, я же не подумал об этом,* – оправдал я мысленно себя.

Перед нами внизу был вид на нижнюю набережную и на этот "дикий", необорудованный пляж, где купалось так много "несознательных" граждан, кои не имели терпения или желания дойти до настоящего городского пляжа. Многие из них, при этом, даже и не подозревали и не знали о печальной судьбе "Армении", беспечно плавая в тихой морской воде…

Постояв немного у часовни, мы решили не идти дальше по нижней набережной, а пошли по её верхней части с чугунной балюстрадой и деревянными сидениями на гранитном основании её полуметрового ограждения. Тут было ещё больше людей, идущих в два потока навстречу друг другу, смешиваясь и, порой, мешая продвижению прохожих в нужную сторону. Здесь в толпе периодически наблюдались велосипедисты и роллеры, которые умудрялись на скорости проходить через гуляющую публику по отличной, гладко-шершавой поверхности тротуарной плитки. И в этом же потоке каким-то образом умудрялись ездить молодые ребята на моноколёсах, выныривавшие неожиданно из-за спин курортной публики, невольно пугая и вызывая недовольство мам с детьми.

– *Да тут как в метро в час пик,* – невольное сравнение пришло мне на ум.

И вот в этой толчее, тут и там, появлялись свои островки "заторов", создаваемых зеваками и прохожими, привлечёнными действием тех или иных представителей уличного арт-искусства.

Моё внимание привлёк самодеятельный арт-художник, рисовавший что-то на асфальте, сидя на корточках у парапета набережной. Вокруг него стояло несколько зевак, и я подошёл поближе, любопытствуя, что же он там делал, и очень удивился, увидев, что он рисовал красками, распыляя из аэрозольных баллончиков. По сути, это было типа уличного граффити, которое он наносил на большом куске картона, на асфальте. И сюжет его полёта фантазии находился где-то в бескрайних просторах Вселенной – на меня снизу-вверх смотрел кусочек звёздных облаков, расцвеченных сине-красным цветом, сходивших по концентрической спирали в центр огромного круглого чёрного пятна. Не успел я понять, *что* за объект он создавал на наших глазах, как какая-то продвинутая бабушка, стоявшая с внучком ближе всех к этому парню-художнику, пояснила мальчонке и всем нам, что это – Чёрная Дыра. Ребёнок смотрел завороженным взглядом на волшебство красок и теней, превращавшихся на наших глазах на картоне в феерическую картину объектов далёкого Космоса. В воздухе стоял стойкий химический запах аэрозольной краски, и Мишка потянул меня в сторону, сказав, что этот парень за тысячу рублей нарисует мне всё, что я захочу из десятка имеющихся у него шаблонов на звёздную тематику, и мы пошли дальше, стараясь избегать сутолоки из-за таких же, как мы, любопытствующих "ценителей прекрасного".

Почти тут же, где-то рядом, я услышал звуки дудочки какого-то очередного самодеятельного музыканта. Это оказалась девочка лет 14, которая, наверняка с согласия предприимчи-

вых родителей, хотела пополнить семейный, а, может, и свой, бюджет… Мы прошлись вперёд и наткнулись дальше на группу зевак, обступивших уличного фокусника, явно разводившего публику на деньги. Фокусник обещал телепортироваться в Петербург (!?), прямо отсюда, всего за 1000 рублей, которые он призывал положить в его волшебный цилиндр. Сам он стоял, держа в руках полотно ткани, которое должно было скрыть момент его телепортации. Не хватало ещё 100 рублей. Мишка, усмехнувшись, положил фокуснику полтос, на что тот ответил, что ещё не хватает 50 рублей. Как я понимаю, все эти зеваки уже вложились в его представление и просто ждали, кто же еще доложит деньги в этот сомнительный фокус, и гадали, как же пройдоха-фокусник собирался выкрутиться из этой ситуации.

Выждав ещё минуту, он без всяких церемоний объявил, что "в виду недосбора средств" фокус переносится на следующий сеанс, быстро свернул полотно и был таков, забрав собранные средства. Публика возмущенно загалдела – в спину быстро удалившегося *"телепортёра"* понеслась беззлобная брань и смешки. Никто не хотел по-серьёзному ввязываться в конфликт с этим нахальным фокусником, и толпа быстро рассеялась. В конце концов, они же хотели развлечения, и, в общем-то, получили, пусть и очень посредственное.

– Вот жулик! – бросил беззлобно ему в спину Михаил.

Дальше мы увидели парня с огромным попугаем, предлагающим сфотографироваться с ним за 300 рублей. Почти тут же мимо нас прошёл высокий коричневый конь "Максимус", с потешно вихляющим задом, а затем бело-полосатая зебра (без *имени*), громко зазывая желающих сделать с ними снимок на память о Ялте. Они всеми силами привлекали к себе внимание праздной публики, особенно мамочек с детьми, предлагая и уговаривая их пофотографироваться в "обнимку" с детишками, которые были в просто полном восторге от этих взрослых "зверюшек", с которыми они, конечно же, хотели сфотографироваться. "Зебра" и "Конь" в процессе фотосессии, становились в разные позы, а простодушные мамашки, как и их мужья, не знали (*или забыли спросить*), что за каждый снимок эти предприимчивые "звери" требовали затем по 200 рублей за снимок!

Пройдя метров 30, мы натолкнулись ещё и на коричневого "Кота в сапогах", в плаще того же цвета. А затем наблюдали, как с одной увлекшейся снимками мамашки, наглый "Кот" требовал 1000 рублей за 5 снимков, которые она сделала, поддавшись уговорам такого ласкового вначале "котика".

У меня сложилось впечатление, что на этой ялтинской набережной любой желающий, будь то самодеятельный артист или доморощенный актёр или просто предприимчивый человек мог дать любое "представление" зевакам и проходящей публике, и потребовать за это деньги – ненавязчиво, в виде положенной рядом с ним тарелочки, корзинки, коробки или просто кепки для понятливой, отзывчивой публики или же по-простому – "дайте денег за выступление кому— сколько – не жалко".

Для этой же цели ненавязчивого уличного заработка использовались животные и птицы – розовые и желтые голуби с подрезанными крыльями, обезьянки на привязи (*как у Бармалея*), импозантные попугаи какаду и даже здоровенный белый пёс с грустной мордой, устало сидевший, сжимая корзину с цветами в зубах, у скамейки с хозяином – таких же больших размеров: толстым, грузным мужиком. А напротив него на гранитном парапете, чтобы его было видно издалека, на фоне моря, стоял какой-то ангел с проволочным белым ободком над головой и перистыми крыльями за спиной. Застывшее лицо "ангела" было покрыто густым слоем белой краски— неподвижно стоять так на жаре даже 10 минут требовало немалого терпения и здоровья. Внизу у его ног стояла всё та же тарелочка для нежадных прохожих, которые периодически кидали в неё монетки…

По большей части публика справедливо жалела дать денег, однако я видел, что реально хорошим исполнителям, слушатели щедро раскошеливались, как, например, певцу, который пел в микрофон у огромного, высоченного платана напротив стилизованного подобия корабля

в древнегреческом стиле, похожего на трирему, с неожиданным названием “Апельсин”, стоявшего на опорных сваях на буне, выступавшей метров на пятьдесят, в море.

Ну так вот – этот артист реально был Певцом с большой буквы, и вот ему-то собравшаяся публика просто сыпала банкноты разного достоинства. Мы и сами, постояв полчаса и послушав ряд шлягеров, тоже дали ему по соточке (по *кругу собравшейся публики ходила девушка, собирая деньги в корзинку).* Неожиданно, вверху послышалось многоголосое карканье ворон, как будто кем-то или чем-то напуганных. Посмотрев вверх, я обомлел – там, над кроной высоченного платана, кружились в каком-то непонятном суматошном хороводе сотни галдящих ворон, явно недовольных громкими звуками снизу!

Я с опаской подумал, что ведь они же гадят сверху на всю эту публику под платаном и побыстрее пошёл дальше, увлекая за собой Мишу. Мы свернули затем вправо к тенистой аллее с уличным вернисажем, где были выставлены для обозрения гуляющей публики сотни картин местных и заезжих художников. Картины мне понравились, особенно виды морских сюжетов и картины с цветочными композициями – сирени и глицинии. Мишка терпеливо ждал, пока я рассматривал ту или иную заинтересовавшую меня картину. А затем перешли на другую сторону— там, десятки уличных художников рисовали прямо с натуры, сидевших перед ними клиентов, желающих увезти из Ялты свой графический портрет.

– Ведь это же действительно уникальная возможность получить за полчаса или час свой собственный портрет! – подумал я, оглядывая с интересом всю эту “вернисажную” аллею.

Здесь же некоторые художники делали увеличенные портреты с пришпиленных к мольберту фотографий. И, что меня поразило, некоторые из этих, несомненно, талантливых художников, делали цветные портреты с чёрно-белых фотографий, удивительно точные и красивые. Один в один!

Посмотрев на все эти интересные “художества”, мы повернули вправо и подошли к пешеходному мосту через речку, где увидели сувенирные бутики с одной стороны, и металлическую площадку аттракциона под названием “Адренорлин”, с другой. Не успев рассмотреть, как и что, я шёл дальше. Мишка отвлёк моё внимание на красивое трехэтажное здание гостиницы “Ореанда” с раскидистой, большой зелёной березой в палисаднике у гостиницы с какой-то бронзовой скульптурой недалеко от входа. Увидеть здесь берёзу, почти в субтропическом, уникальном климате, Ялты, было удивительно.

В этом чудесном городе, куда ни посмотри на набережной, всё интересно и приятно для взора – она реально красива и неповторима. А само её расположение – вдоль бухты, на побережье, которое в миниатюре, чем-то напоминает Неаполь с Везувием на горизонте или Ниццу, с её набережной, только в разы меньше – тоже уникально. Кстати, гора Могаби, виднеющаяся на ялтинском ландшафтном силуэте горбатым выступом левее высившихся величественных зубцов Ай-Петри, миллионы лет назад была реальным вулканом (по *словам Михаила).*

От гостиницы мы свернули к стоявшему на береговой смотровой площадке деревянному судну эпохи флибустьеров. *Настоящий пиратский корабль? Откуда?*

Это судно – с виду и впрямь настоящая каравелла для меня – называлось “Hispaniola” и, по словам моего всезнающего “местного”, было построено для съемок советского фильма о пиратах “Остров сокровищ”. Ялтинская “Hispaniola” являлась, чуть ли не точной мореходной копией, судна Колумба и, в таком случае, любой из ялтинских больших прогулочных пассажирских катеров, оживленно сновавших вдоль местного побережья, превосходил в длину легендарный корабль первооткрывателя Нового Света.

Когда-то в детстве я видел этот фильм и охотно сфоткался сейчас на его фоне, стоя у настоящей большой бронзовой пушки сбоку от парусника-ресторана. За ней виднелась деревянная лесенка, по которой можно было подняться в ресторан на его верхней палубе. Я хотел

было зайти туда, но Мишка сказал, что мне там всё понравится, я захочу посидеть за столиком и так далее, а мы сейчас просто прогуливаемся, и у нас нет времени.

– Зайдём в эту "Эспаньолу" в следующий раз, – пообещал он и почти потащил меня вниз на пляж в проход мимо палаток с курортными товарами против потока полуодетых, загорелых курортников, выходивших с пляжа к набережной.

Мы спустились по наклонной асфальтовой дорожке к городскому галечному пляжу с его открытой взору широкой панораме моря и побережья. Пляж здесь был гораздо больше, шире и длиннее, чем в Массандре. Тем не менее, заходящее солнце уже не было видно отсюда, и народ стоял на узкой полоске пляжа, пытаясь, как подсолнухи, поймать и впитать в себя последние лучи дневного светила, стоявшего низко над горами. Я посмотрел на свои "Candino" – было уже полседьмого вечера.

Видневшийся далее справа участок пляжа уже находился в тени от зданий, стоявших вдоль прибрежной зоны выше пляжа. Но многие курортники продолжали купаться в желтоватой, непрозрачной воде на мелководье у берега – эта прибрежная часть ещё была освещена солнцем, так же, как и Массандровский пляж, выделявшийся контрастным солнечным пятном за белой башенкой маяка на противоположной стороне бухты. Мишка сказал, что купаться надо утром, до 11 часов, потом сделать перерыв и прийти на пляж уже к 16 часам. Только вот вода к этому времени будет уже вот такого цвета – он кивнул в сторону моря. А утром – прозрачная и чистая…

Пройдя по узкой плиточной дорожке сбоку вдоль широкого пляжа с многочисленными небольшими зонтиками и тентами над ней, мы обходили в тесном проходе выносные столы со стульями и креслами многочисленных мини-кафешек, и я глазел с любопытством на какие-то, восточного типа, питейные заведения и чайханы с "персидскими" низкими диванами, покрытых коврами и пледами, где можно было сидеть, забравшись с голыми ногами. Мне всё здесь было интересно для обозрения и ознакомления – невольно, я сравнивал увиденное с восточными улочками подобных морских курортов в Турции, понимая, что их нельзя сравнивать— маленькая Ялта с её глянцево-красивой набережной и уютными пляжами великолепна своим живописным ландшафтом у подножия гор и её столь благоприятными природно-климатическими условиями. А весь этот сопутствующий туристическо-курортный антураж был вроде естественного дополнения ко всем её красотам. И эти простые забегаловки и полукустарные витринные прилавки со снедью и разливным пивом на вынос, (*где лежали на прилавке готовые чебуреки, пирожки, рыбная сушеная и копченая мелочь)* и, радовавшие взгляд выложенные на продажу аппетитные, копченые, с сочно – жёлтыми боками *балыки* разных черноморских рыб, (*а какой запах!),* были для меня своеобразной экзотикой и кулинарно интересны мне.

Тут же, на виду у всех, в огромном, вогнутым, латунном чане, готовился плов (*узбекский или какой – не знаю, но повар был азиатского вида*). Блюдо уже было в завершающей стадии готовки – рис уже почти сварился в кипящем, темно-морковного цвета вареве – смеси воды, жира и подсолнечного *или хлопкового* масла. Аппетитный запах приготовленного в нём мяса со специями будоражил аппетит в радиусе 5 метров и уже с десяток "пляжников" в плавках и купальниках, стояли рядом у невысокой стенки, отделяющей в этом месте пляж от зоны пищепитейных заведений, намереваясь отведать это чудо местного кулинарного искусства. Здесь же, в следующей забегаловке с очередной витриной готовых морепродуктов, можно было купить отварных, бледно-розовых, мелких черноморских креветок, а также чёрных, с сине-металлическим отливом копчёных мидий, и вареных, сушеных и копченых рапан и сушёной – "провисной" – мелкой, жирной ставридки к пиву.

Не выдержав соблазнительных запахов и ароматов копчёностей, я решил попробовать золотисто-коричневых рапан, и мы притулились к одному из таких мини-прилавков по-быстрому вкусить под кружку разливного, холодного пива аппетитно пахнувшие местные рыбные деликатесы.

Минут через пятнадцать Мишка начал меня торопить на выход с пляжа, говоря, что у нас сегодня большая вечерняя программа. По его лицу я видел, что ему и самому было комфортно находиться здесь также, как и мне. Вокруг нас хотя и было несколько скучено и мимо, чуть не задевая, постоянно проходил пляжный люд в плавках и купальниках, но сама вот эта какая-то особенная атмосфера ощущения беспечного отдыха и "расслабона" в этом пляжном мирке неуловимо объединяла всех нас – загорелых или бледных, как я, – гостей курорта, приехавших в Ялту именно для этого пляжного отдыха, насыщенного морем, солнцем, прогулками, развлечениями и порой "нездоровым" образом жизни. Я был не прочь и дальше продолжить мое знакомство с местной черноморской кухней под отличное крымское пиво, но мой друг настойчиво тянул меня на выход.

Уже идя дальше в узком проходе между теснивших друг друга чебуречными и шашлычными с правой стороны от нас, Мишка оглянулся, словно прощаясь с этим уютно-домашним пляжным мирком кафешек, чайхан, баров, пивных и закусочных на все вкусы, активно зазывавшим к своим столикам и прилавкам проходящих мимо людей.

– Да, – выдохнул он с каким-то сожалением в голосе, поясняя затем, что всё это аляповатое наследие перестроечных времен подлежит сносу по городской программе благоустройства припарковой зоны и территории Приморского пляжа и это самодеятельное, почти не облагаемое налогом, "полуподпольное" розничное кулинарно-съедобное изобилие местных даров моря и всяких, чуть ли не домашнего изготовления, морских деликатесов, исчезнет, как вот этот дым от мангала, – он бросил взгляд на шпажки жарившегося, вкусно пахнувшего уксусом и луком, шашлыка из баранины, над которым "колдовал" загорелый худой татарин-шашлычник.

– Говорят, что сделают трёхуровневую набережную, – задумчиво проговорил он. – Ломать – не строить. Хотя, – он недоговорил, словно задумавшись о чём-то, показывая мне дорогу.

– Ну, пусть сделают, чтобы было не хуже, чем на Массандровском пляже, – сказал я, проходя, затем, вдоль тесного прохода мимо туалета с входом вниз, как в подвал, куда вела длинная, грязновато-выглядевшая, серая лестница. – И попросторнее, с качественной инфраструктурой. Там-то всё так культурно и, даже, красиво. Здесь и сравнивать не с чем!

Поднявшись зигзагом по деревянной коричневой лестнице с перилами наверх по крутому прибрежному склону, я почувствовал едкий дым, шедший откуда-то снизу, и невольно оглянулся назад. Сверху все эти "чебуречные" шалманы и кафешки были закрыты листами железа с самодельными вентиляционными трубами, воткнутых там и сям на этих крышах "общепитовских" забегаловок, откуда и шёл неприятный запах. Их не было видно с набережной, поскольку всё заслоняла зелень деревьев и кустов тамариска, росших на крутых земляных склонах над береговой полосой с левой стороны. А справа часть склона была уже очищена от растительности и строительного мусора уже снесённой части подобных строений внизу – там виднелась длинная, забетонированная стройплощадка с досками и арматурой – реконструкция Приморского пляжа, оказывается, уже началась.

Мы вышли опять на верхнюю набережную. Оглянувшись назад к морю, глядя на белую вывеску с названием какого-то кафе внизу – «Аквамарин».

– Его уже снесли пару лет назад, а вывеска осталась, – Михаил добавил с энтузиазмом в голосе, что он надеется, что всё сделают затем лучше, чем было.

– Ведь и этого парка здесь не было раньше, а был, так называемый, Желтышевский пустырь – пустующие земли с самосевом и кустарниковыми зарослями. Принадлежал этому купцу сотню лет назад вместе с участком этого берега и обрывистым, каменистым пляжем. Он хотел осваивать эти земли, но здесь же, в конце 19-го века, произошёл огромный оползень с разрушением части дач и приусадебных участков тогдашней местной знати вблизи побережья.

– Эта территория, – он показал рукой дальше в сторону парка, – является давней оползневой зоной. И многие годы эти земли не осваивались по этой причине. Да и вообще, из-за

неудобства застройки на этих землях: пересеченной местности, овражков, понижений и подвижек береговых склонов являлся трудно-осваиваемой зоной. Абразионный оползень, одним словом, – с озабоченностью в голосе проговорил Михаил.

– Это, вроде, так же, как и та гостиница с тем рестораном, где потом построили жилые апартаменты "Эдинбург"? – вспомнил я пояснения Мишки о подобном оползневом участке на другой стороне Ялты у Массандровского пляжа.

Михаил кивнул головой.

– *Ну да. Он же местный. Эта тема актуальна для него,* – понимал я внутренние переживания Михаила за его родной город.

Для меня, эта тема была, в общем, малоинтересна, чтобы спрашивать у него насчёт того купца и тех, дореволюционных, времён в истории Ялты.

– И здесь, так же, как и на Дарсане, – он махнул рукой в сторону набережной, – ялтинцы высаживали с 1947 по 1952 год тысячи деревьев и кустарниковых роз. Завезли плодороднейшей дерновой земли с Ай-Петри и жёлтого песка из-под Севастополя для прогулочных дорожек. Спланировали аллеи, дорожки, теневые площадки и цветники. Обсадили растениями и разбили городской парк, преобразовав окружающий ландшафт.

Мне трудно было представить себе "дикий" берег на месте Приморского пляжа, как и неосвоенные, заросшие кустарником и мелколесьем, земли, здесь, в этом самом парке нынешней красавицы Ялты. Тем более, что всё вокруг меня никак не напоминало о былой неустроенности этих территорий и, лишь теперь, после Мишкиных слов, я задумался о том, что всё это видимое растительно-цветочное изобилие здесь, как и по всему городу, было следствием давних целенаправленных усилий и огромного труда жителей этого солнечного города, направленных на озеленение и благоустройство этих земель, плоды которых воспринимаются их нынешними потомками и вот такими приезжими, вроде меня, как нечто само собой разумеющееся.

– Значит, строить высотки здесь нельзя? – полуутвердительно спросил я.

– Сейчас применяются новые технологии. С углубленным фундаментом и заливкой основания высокопрочным бетоном. Посмотрим, как оно будет потом, – в Мишкином голосе сквозило сомнение. – Да… Чехов бы очень удивился, увидев какой, в общем, комфортно-благоустроенной стала Ялта спустя столетие.

Отсюда, с высокой площадки на берегу, в промежутке между кустами тамариска, открывался отличный вид на море, бухту с маяком и побережье на противоположной стороне, где виднелся вдалеке кусочек Массандровского пляжа, залитого ярким жёлтым, контрастным светом заходящего солнца, зависшего на обрывистом краю горного амфитеатра.

– Но всё же, – продолжил Михаил, – для дальнейшего постоянного поддержания всей той первоначальной цветочной красоты парковой зоны, видно, не хватало средств. А потом, в перестроечные времена, последующим городским властям уже и не было дела до него, и времени. Парк, к сожалению, стал дичать и зарастать кустарником. Вроде, как стал, с виду, бесхозным. А потом его земли стали продаваться под застройку.

Он сказал это спокойно, без всякого осуждения или видимого сожаления – просто, как констатацию факта, рассказывая о том, что его беспокоило, как местного жителя. И закончил, в итоге, тирадой о том, что раньше на пляжах не было пивных и всяких там закусочных. Был дисциплинарный порядок и, даже, погранцы ночью освещали береговую линию здоровенным прожектором с погранзаставы после 9 вечера. Это уже потом понастроили все эти шалманы и питейные заведения, которые стали такими привычными здесь.

– Мишка, – восхитился я, – да тебе нужно книжку об истории Ялты написать, раз уж ты знаешь так много об её истории!

Ничего не говоря в ответ, Мишка лишь улыбнулся, сказав, что по рассказам старожилов, раньше, в 70–80е годы, приезжим приходилось выстаивать огромные очереди на комплексные обеды в немногочисленные городские столовые, чтобы поесть там, и народ тащил с собой снедь

на пляжи, чтобы не терять времени, стоя в очередях. А на пляжах яблоку негде было упасть. Народ забивал лучшие места с утра и на весь день, чтобы не терять их, устраивали перекус, как в поезде, прямо на лежаках. К морю же шли по узким, деревянным, сворачиваемым, дорожкам или продирались с задних рядов через “тюленьи” лежбища тел. Так сказать, дикий отдых “по-советски”.

Я промолчал, слушая его саркастические замечания – меня всё устраивало сейчас в Ялте, и ворошить, копаться в том, как здесь было плохо или хорошо раньше, мне не хотелось.

– И, кстати, все, кто мог, покупали на старом овощном рынке в Ялте – сейчас там вещевой рынок – вкуснейшие пирожки с ливером, которые продавались в передвижных лотках с местного мясокомбината. По четыре копейки штука. Его потом закрыли в середине 60-х. Он был там же, на Московской, напротив овощного рынка. Там сейчас телефонная станция стоит. Мой отец до сих пор нахваливает их вкус, – продолжал он свой экскурс в прошлое Ялты.

Говоря эту и прочую информацию, он повёл меня в сторону огромной, красиво изогнутой кверху, раскидистой сосны.

Это, как я узнал от него, была пиния – “итальянка” с пышной шапкой-кроной игольчатых веток.

– Раньше, их было две, – с сожалением проговорил Михаил. Он остановился, рассказывая дальше об истории этого парка и его грандиозной реконструкции и перестройки уже в наше время, говоря, что лично его новый облик обновленного, пусть и на половину сокращённого по площади, парка, с шикарными жилыми комплексами, устраивает. Пусть и купить там жильё ему не по карману.

– Новые времена со старым сюжетом, как в чеховском “Вишнёвом саде”, – он, вроде, как, подытожил эту тему.

– И там, и здесь, – понял я его образное сравнение. – Да, впрочем, как и везде, по всей России. Новый господствующий класс. Кто с баблом, тот и на коне.

Продолжать эту ненужную мне тему я не хотел. Тем более, что у меня не было оснований для каких-то сетований и у Мишки, как я понимал— тоже. Хотя, конечно, мы оба были бы непрочь купить вот такие люксовые апартаменты, как в том жёлтого цвета, нарядно – выглядящем высотном доме, стоящим напротив нас на пригорке. Там виднелся какой-то высокий обелиск белого цвета с чьим-то барельефом. Приглядевшись, я узнал в нём всё того же вождя мирового пролетариата из канувшей в Лет’у эпохи. Невольно, я вспомнил Мишкин экспромт, который он выдал мне напротив памятника Ленину в начале набережной.

Это советское прошлое Ялты меня не интересовало, хотя и было неразрывно связано с реалиями её сегодняшнего дня. Для меня всё, что я видел вокруг, выглядело красивым и, в общем, гармоничным. Ну, правда, за исключением тех шалманов с крымской кухней, внизу, на пляже.

Неспешно, мы подошли к какому-то памятнику с потемневшей медно-бронзовой фигурой на высоком постаменте из серовато-зеленоватого, выцветшего от времени, камня.

Подойдя ближе, это оказался памятник Максиму Горькому – пролетарскому писателю 30х годов прошлого века. Его творчество меня совершенно не интересовало, но, как-то сама собой, возникла тема советского прошлого Крыма и Ялты, и мы встали у скамейки под цветущей ленкоранской акацией, напротив памятника, разговаривая по инициативе Михаила о временах Советского Союза, периоде нахождения Крыма в составе Украины и новых временах. Мне это было совершенно не интересно – по своей натуре я предпочитаю держаться в стороне от всякой политики и, при этом, не высказывать своего мнения или отношения к “политикосу”, но я не хотел его задеть или обидеть своим невниманием или нежеланием вникать в эту тему и терпеливо слушал его. Михаил же, как будто стремился погрузить меня в те времена, рассказывая мне о советском прошлом Ялты.

– *Он же был тогда ещё ребёнком*, – удивлялся я его энтузиазму, – *но, говорит, чуть ли не с какой-то ностальгией о тех временах. Наверно, со слов своего отца. Ну и, конечно, интересовался дополнительно этим вопросом. Может, у него хобби такое,* – неожиданно предположил я про себя.

– Ты, Миша, видать, был хорошим пионером, – пошутил я с намёком.

– Скажи лучше, октябрёнком, – понял он мой намёк, улыбнувшись. – Просто, люблю я свой город и его историю. И, интересуюсь всем, что было хорошего или плохого в те времена.

Мишкин телефон неожиданно выдал громкий сигнал – ему кто-то звонил, и Мишка остановился, доставая свой сотовый. Я взглянул на мои часы – было уже начало восьмого вечера – *как же незаметно-быстро идёт время*, – машинально отметил я про себя.

Михаил ответил и по его голосу я понял, что у него серьезный разговор. Он сделал мне извиняющийся знак рукой, сказав, что звонит секретарша из офиса касательно срочной работы… Я деликатно отвернулся, не слушая его разговор. Осматриваясь вокруг, невольно думая о том, что здесь было раньше в те, досоветские времена в Ялте. И даже дальше, тогда, когда на месте Ялты было, как сказал Мишка, греческое рыбацкое поселение.

Солнце, столь привычно сиявшее весь день на безоблачном синем небосводе, уже стояло над краем горной гряды над Ялтой, заливая город и небо над ним кремово-жёлтыми огненными лучами света – в небе над кромкой гор застыла симфония предзакатных красочных расцветок. Словно зацепившись своим огненным краем за верхушки гор, оно освещало облака в небе над городом резким контрастным светом, подсвечивая редкие, дымчато-прозрачные облачка далеко над морем, ближе к горизонту, в нежно-розовый цвет, отражённый в недвижимой глади моря, поменявшего свой прежний синий цвет на розовую, предзакатную окраску.

Вечерело, но было всё ещё жарко – с пляжа сюда вверх потянулся народ – многие шли даже просто в плавках, а девушки – в купальниках (*надо сказать, что лишь рядом с пляжной зоной*).

Через минуту Миша закончил разговаривать, сказав, что наша завтрашняя (*возможная*) поездка куда-либо отменяется – у него появилось срочное дело (*клиент*), который договорился, по информации секретарши, о завтрашней встрече с Михаилом Викторовичем (*а я всё Мишка, да Мишка*). А ведь он серьезный юрист, работающий в адвокатской конторе, с филиалами в Симферополе и Севастополе.

После этого звонка Мишка стал каким-то серьезным и “без огонька в глазах” шёл со мной дальше. Я почувствовал перемену в его настроении и спросил, всё ли нормально. Мишка, поняв, что ему следует уделить мне больше должного внимания, сказал, что ему сейчас придется зайти в их юридическую контору на Морской улице и кое-что проверить. Таким образом, наша прогулка по Приморскому парку, закончилась, и я ознакомился только с его началом.

Пока мы шли до “Морской”, публики на набережной прибавилось, чуть ли не вполовину больше, за счёт притока народа с городских пляжей. Пробираясь сквозь толпу, мы прошли мимо очередного артиста-музыканта, лет сорока, в белой рубашке с короткими рукавами, выдававшего соло на трубе под музыкальное сопровождение из звуковых колонок, установленных рядом с ним у пустой скамейки. Напротив него стояла большая, коричневого окраса с белым пятном, собака, периодически отрывисто лающей под мелодичные звуки трубы – собака была явно музыкальной – она начинала хрипло гавкать, глядя на трубача, заслышав новую мелодию. Проходящую публику это очень веселило и удивляло и, похоже, вот такое необычное поведение пса и было главным хитом всего этого музыкального выступления. Толпа, собравшаяся напротив трубача, фоткала и снимала на видео это занятное представление. Периодически, из толпы выходил очередной даритель и клал купюры в 50 и 100, и даже нехилые 500 рублей в коробку, стоявшую в паре метров от музыканта.

Да… это был явно успешный симбиоз человека и животного, которых объединила любовь к музыке (*шучу*). Но для собаки, как мне думается, эта “сотрудничество” означало

надежное, ежедневное кормление (*так что, как мне думается, эта уличная собака нашла своего спонсора в его лице*).

Постояв в толпе и послушав реально хорошее “соло” на трубе в его исполнении, мы пошли дальше – Михаил поторапливал меня с извиняющим видом.

Продираясь сквозь нарастающий людской поток, мы вышли на большую открытую площадку, где не было чугунной балюстрады ограждения верхней набережной от её нижней части. Отсюда, вниз по её центру шли ступеньки короткого спуска к морю через каменную террасу с длинными деревянными сидениями по обеим изогнутым сторонам. Там виднелось много сидящих людей, отдыхающих прямо у моря. Мишка тянул меня дальше, но я остановился, с любопытством глазея на невесть откуда взявшиеся здесь белые телескопы. Двух – и трёхметровые в длину стволы с линзами толще, чем та пушка у “Эспаньолы”, они вызывали у прохожих любопытство и желание взглянуть хоть разок через окуляр в глубину космических далей. Я был здесь, в этом городе, таким же любопытствующим курортником, как и тысячи прочих людей, выбравших Ялту для своего летнего отдыха.

И мне всё здесь было интересно и, как и эти телескопы, порой удивляло с естественным желанием рассмотреть всё получше. Откуда они здесь взялись и как их сюда доставили, мы с Мишкой не видели, но ещё час назад их здесь не было. С заходом дневного светила за кромку гор, небо с той стороны небосклона всё ещё пылало жёлто-кремовым светом в то время, как в его всё ещё голубоватой, прозрачно-спокойной дымчатой глубине со стороны моря показались первые, ещё почти незаметные, звёздочки – их было пока что всего несколько светящихся пятнышек на предзакатном небе, но они служили отличной мишенью для этих трубообразных астрономических диковин, явно не ожидаемых здесь, среди этого мельтешения людской толпы, далёкой от астрономии. Тут же рядом стоял зазывала —“астроном” в колпаке звездочёта. Он предлагал совершить экскурсию по небесным объектам и Луне, которая уже незаметно проявилась бледным круглым пятном на далёком размытом горизонте над морем, словно выплыв из его сероватой глади.

Напротив телескопов, на той же площади с фонтаном, видневшимся вдали у больших, красивых платанов, уже открывался другой, прозаический, силовой аттракцион— нужно было провисеть на узкой перекладине над двухметровыми штангами 150 секунд. Наградой победителю был “Айфон” 7 модели.

– *Нехило,* – подумал я и остановился, чтобы посмотреть, кто же получит заветный мобильник.

За участие в представлении нужно было отдать 500 рублей в руки парнишке, который объяснял желающим условия конкурса. Один за другим претенденты, среди которых были и сильные на вид мужчины, жилистые подростки и просто “любители”, с огромным сожалением, разжимая ладони, пружинисто падали на ноги вниз. За пять минут, что я наблюдал за этим “конкурсом”, никто из соискателей так и не смог провисеть больше этих самых 150 секунд. Удивительно, что такой внешне лёгкий физический конкурс оказался таким трудным для всех его участников.

Так, отвлекаясь и стараясь не задерживаться, мы дошли до уже знакомой мне часовни, к которой, оказывается, и выходила эта самая улица “Морская”, которая круто поднималась отсюда вверх к “не-туристической” части Ялты. Прямо тут же, напротив этой часовни, мы наткнулись на очередную группу уличных музыкантов. Мишка широко улыбнулся, разведя руками. “*Это – Ялта*!” – говорил его красноречивый жест.

Идя вверх по Морской *(оказалась удивительно короткой улицей),* я оглянулся назад на набережную, видневшуюся отсюда в проходе между невысокими домами с полоской моря за бухтой. Водная гладь незаметно для глаз уже поменяла свой цвет в тон неба, окрашиваясь огромным хамелеоном в светло-серый цвет.

Подойдя к 4х-этажному дому старой, очевидно, ещё дореволюционной постройки, Михаил открыл ключом кодовый замок на видавшей виды огромной деревянной двери. Сам дом когда-то был несомненным образцом лучшей местной городской архитектуры начала 20 века— вверху виднелись красивые цветные барельефы, но вид полуразобранных балконов на четвёртом этаже, не внушал доверия. Сейчас, по словам Мишки, он был в процессе консервационной реставрации. И их контора съедет отсюда в следующем году после окончания аренды помещения в более комфортабельное здание. Второй этаж этого здания занимали разные конторки и фирмочки, в том числе и юридическая контора моего друга. Он предложил мне зайти с ним внутрь здания, сказав, что, мол, познакомит меня с их новой секретаршей.

– И Веронику свою забудешь, – пошутил он, повернувшись ко мне, жестом приглашая следовать за собой.

– Да отстань ты от меня с этой Вероникой! – сказал я ему благодушно, и остался стоять на улице.

Как бы то ни было, но образ этой “белоснежки” опять растревожил моё сознание. “*Почему я так запал на эту девушку? Её глаза? Фигура? Аура..?*

Наваждение какое-то – я тряхнул головой, словно стараясь избавиться от её прямо какого-то колдовского образа. А тут ещё Мишка со своими подколками! Я уж и сам был не рад, что рассказал Михаилу о своём неудачном знакомстве с ней в автобусе.

Пока Михаил был занят делами, я решил позвонить по сотовому родителям в Москву. Ранее днём я отослал маме сообщение, что прибыл благополучно в Ялту, но ответа от неё так и не получил. Похоже, связь барахлит здесь, и точно – я дозвонился до мамы, и она сказала, что ничего не получала от меня, а на её телефонные звонки автоинформатор сообщал, что “*абонент недоступен*”.

Я так отвлекся, разговаривая с мамой, а потом с отцом, что не заметил момента, как мой друг вышел из здания и подошёл ко мне и затем передал привет моим родителям, (а *они – соответственно – ему и его родителям*).

По его довольному лицу я видел, что он не зря зашел в свою контору. Оказалось, что их молоденькая секретарша напутала и дала Михаилу Викторовичу заказ на работу, который предназначался его коллеге-*адвокату,* и тоже Михаилу. Мишка, естественно, не был в курсе договоренностей между тем клиентом и его коллегой и думал, что этот срочный заказ нужно брать в работу с утра. Но всё разрулилось благоприятным для меня образом – мы же собирались завтра поездить по местным достопримечательностям.

– Только я – Брагин, а он – Бранин, – смеясь, сказал Михаил. – Нас часто путают, когда звонят к нам в офис.

Разговаривая, мы спускались вниз на набережную и Мишка, достав свой сотовый, кому-то позвонил – я не прислушивался к его разговору, заворожено смотря на всё ту же видимую полоску моря за маяком, которое, словно впитало в себя предвечерние серые краски, растворив их в своей потемневшей, ставшей свинцово – матовой, поверхности.

Небосвод, утратив свою прежнюю, какую-то материально – плотную дневную синеву, стал нежно прозрачным в новых предзакатных красках, окрашиваясь в дымчато – розово – агатовые оттенки. В огромном, блекло-голубоватом небесном куполе, возникли, как будто ниоткуда, редкие, словно сотканные из нежнейшего шёлка, облачка, проявившиеся в виде вытянутых серо-розовых, пастельного цвета, полупрозрачных, пёрышек. Они неподвижно стояли на закатном небосклоне, сливавшемся с морем на видимом мне отсюда горизонте. Линия раздела моря и неба, чёткая днем, уже постепенно размылась, бледнея и серея, и постепенно темнела вместе с морем. Любуясь красотой неба, которое приобрело какую-то ранее скрытую от глаз объемную проницаемость, открывая взору первые, уже видимые глазу, звёздочки, я даже остановился, отстав от Михаила на несколько шагов.

– Где в урбанистическом московском мегаполисе я мог бы вот так восхититься необыкновенной цветовой трансформацией неба и моря? – восхищался я столь необычными для меня в моей московской жизни живыми, акварельно-дымчатыми красками южной природы в её переходе от света к сумеркам, принося, вместе с тем, с моря столь приятную освежающую прохладу вечернего бриза на смену дневному зною и духоте.

Мишка, между тем, закончил свой разговор и, дождавшись меня, предложил пройтись по вечерней набережной. Уже было половина восьмого вечера.

– Сейчас ты почувствуешь разницу, – как-то загадочно сказал мне мой ялтинец, и, ***что*** он имел в виду я понял, когда, выйдя "в свет" из этой тихой улочки, больше похожей на небольшой переулок, мы оказались буквально в людском потоке.

– Сколько же народу прибавилось на набережной за те двадцать минут, что мы не были здесь, – поразился я про себя.

Невольно, на ум мне пришло сравнение с часом пик в метро на Киевской. Набережная была заполнена людской рекой, и нам приходилось уже просто маневрировать в этой плотной праздной толпе отдыхающих, среди которой мы периодически натыкались на заторы, создаваемые самодеятельными уличными музыкантами, хипхоперами и одиночными артистами и теми же фокусниками. Просто какой-то смотр самодеятельных талантов.

Мы вышли на открытую площадку у часовенки, смотря сверху на морские причалы с катерами и белым маяком вдали на оконечности бухты.

Краски неба и моря постепенно увядая и темнея, сливались друг с другом в восточной стороне в сплошную тёмную "акварель", в то время как на западной части небосклона облака были окрашены в розовый цвет с алыми клиньями света от скрывшегося за горами солнца. Мишка пояснил, что там – он показал рукой на северо-запад, Крымские горы сходят на нет, уступая место равнине, и лучи закатного солнца со стороны степного Крыма окрашивали небо в бледный, розовато-серый, дымчатый цвет, смешиваясь с ночной тьмой, наступающей с востока.

Продвигаясь в толпе людей в сторону памятника Ленину – *я уже начинал ориентироваться на набережной* – Михаила неожиданно увидел какой-то его знакомый и, разговаривая с ним, мы прошли в сторону скамейки в белой, ажурной беседке, почти скрытой в густой листве обвившей её зелёной глицинии и – большая удача— она как раз освободилась словно специально для нас. Мне пришлось поучаствовать немного в ненужном для меня формальном разговоре с этим его знакомым, который затем перешёл в деловую беседу, и я просто терял время, сидя рядом с моим дружком, не слушая их диалог.

Я смотрел перед собой на проходящий мимо меня поток людей, понимая, что все эти люди приехали в Ялту со всех уголков нашей огромной страны, на неделю или две, чтобы здесь отдохнуть, так же, как и я, и набережная ежевечерне превращалась летом в комфортную, прогулочную зону для многих тысяч отдыхающих, закончивших свою дневную "пляжную" программу и, после дневного зноя, собирались огромной праздно-шатающейся массой на неспешный променад здесь, как, скажем, туристы в Ницце на Английской набережной. Но насколько скучной теперь она мне казалась по сравнению с имеющимися доступными развлечениями, сконцентрированными на километровом участке её ялтинского аналога! Проходящие мимо меня люди уже были одеты в вечерний "прикид" и готовы к началу активного времяпровождения в многочисленных ночных клубах, увеселительных заведениях и ресторанах на набережной Ялты, а сама набережная уже превращалась постепенно в зону "дефиле" для прекрасной половины человечества и их спутников.

С моря потянул освежающий бриз. Стало немного прохладнее и жара, которая держала нас в своих дневных объятиях, понемногу начала спадать. На Ялтинском моле загорелся красный, мигающий огонь маяка. Чем ближе к ночи, тем громче везде стала слышна музыка-зажигательные мелодии и просто музыка, казалось, звучала здесь во всех уголках набережной –

во всех барах, ресторанах, открытых площадках и просто из звуковых колонок всевозможных самодеятельных певцов и исполнителей.

Мишка, наконец, распрощался со своим, по его словам, очень важным для него знакомым и мы, повернув назад, пошли в сторону “Ореанды”. Я взглянул на часы – почти восемь вечера! Праздник жизни бил на набережной музыкальным ключом, создавая приподнятое, праздничное настроение, приглашая отдыхающих и гостей курорта к вечерне – ночным развлечениям и приятному досугу.

С интервалом в пятьдесят метров, отовсюду звучала музыка – зажигательные мелодии, шлягеры или попса, слышавшиеся тут и там в общем приглушенном, оживлённом шуме людской толпы. И ведь днём ничего подобного не наблюдается, поскольку, по словам Михаила, народ с утра пропадает на пляжах и чуть ли не до двенадцати дня набережная обычно полупустая и тихая.

– Да…Ялта— город счастья, как верно написано на том огромном билборде у автовокзала”, – опять подумалось мне. *Хлеба и зрелищ. Что ещё не хватает для полноты ощущений на отдыхе здесь. Для этого народ и приехал сюда…*

На меня порой находили такие вот философские, порой прозаичные, мысли и сентенции, и я порой рассуждал сам с собой, как сейчас, идя за Михаилом и стараясь быть рядом с ним, смотря, словно со стороны, на публику вокруг меня, размышляя о вечерней жизни набережной и её таким стремительным превращением в огромную, развлекательную площадку с приближением вечера, когда на её улицах появляются ещё в большем изобилии “актёры” и “зрители”. Ну, а после вечерних зрелищ – нужных или не очень— можно приятно провести время где-нибудь в подходящем питейном заведении, коих здесь было на любой вкус и кошелёк.

Прогулка на свежем воздухе по набережной с её ночными барами, ресторанами и уютными, небольшими кафе, рано или поздно должна была закончиться сегодня для нас в одном из таких вечерне-ночных “бухенхаузов”.

Проходя мимо очередной летней кафешки (*ночью они все работают уже как рестораны*), я невольно втянул в себя аромат свежеприготовленных мясных блюд и Михаил, ухмыльнувшись, сказал, что “клиент” созрел для хорошей кухни и объявил, что мы сегодня поужинаем в одном из ресторанчиков на набережной.

– Есть здесь одно тихое, приличное заведение “для своих” с хорошей кухней *без обмана*, – заверил он меня.

Тем временем незаметно наступил сумеречный вечер и, неожиданно-откуда, выползшая из-за гор с востока серая, плотная облачность ускорила визуальное наступление ранних сумерек в городе. Барашки лёгких облачков над морем в восточной стороне, ранее вытянутые в линию у размытого горизонта, часть которого была закрыта из виду холмистой местностью и горными склонами побережья слева от меня, исчезли, растаяв в темноте. И лишь западная часть открытого взору небосклона ещё не была затянута облачностью, оставаясь светло серым, с голубоватой дымчатостью, пространством, свободным от тёмно-серой мглы, наступавшей вместе с дождевым фронтом с востока – там виделись участки неба серо-матового, с нежным розовым оттенком, как у агата, цветом.

Над городом сгущалась ночная тьма, зажигая повсюду многочисленные уличные фонари и словно знаменуя окончательный переход изо дня в ночь со сменой светил на небосводе, в вышине над тёмной равниной спокойного моря встала хозяйка ночи – огромная, бледновато-жёлтая, полная Луна. Она поднялась уже выше над почти тёмным морем и приобрела чуть ли не осязаемую плотность— хоть снимай её с неба, как небесный светильник. На набережной также зажглись неярким лимонным светом фонари на красивых высоких чугунных столбах. Вытянувшись светящейся цепочкой вдоль центральной части набережной, они бросали жёлтый свет вокруг себя и походили со стороны на длинную новогоднюю светящуюся гирлянду. Всё вокруг погружалось в темноту, сменяя облик дневного города на ночные деко-

рации – набережная стала выглядеть ещё наряднее и эффектнее в электрическом свете сотен ярких неоновых вывесок освещённых магазинов, красиво подсвеченных витрин, огней фешенебельных бутиков, ресторанов, баров и ночных кафе.

Мы свернули в какой-то проулочек справа от нас, и подошли с тыльной сторон к зданию с высокими стенами, белевшему за разлапистыми соснами. Из освещённых, огромных прорезей в бетонных стенах для дневного света и естественной вентиляции, слышалась громкая музыка, гул и аплодисменты сотен зрителей, – Ялтинский концертный зал “Юбилейный”, – пояснил Миша.

К нам подошли несколько человек, спрашивая, есть ли у нас лишний билет. Оказалось, что здесь уже шло выступление Григория Лепса.

Направившись к небольшому 4х-этажному зданию справа от концертного зала, мой ялтинец провёл меня к полуподвальному арт-кафе в его цокольной части с маленькой неоновой вывеской на входе – мы спустились вниз по короткой каменной лестнице и зашли внутрь небольшого помещения с десятком обеденных столиков. Почти все они были пока что свободны, кроме одного, где сидели, ужиная, парень с девушкой и ещё один столик, видневшийся в затемнённом углу, был уже сервирован.

Михаила, видно, здесь хорошо знали – к нам подошёл метрдотель (он же был и нашим официантом) и поприветствовав нас, сказал, что всё готово. Оказалось, мой Михаил Викторович позвонил и заказал здесь столик на троих и я, естественно, заинтересовался этим неведомым третьим участником нашей предстоящей вечеринки, но мой друган, ничего мне не ответив, лишь хитро улыбнулся, сказав, что это сюрприз для меня. Видя моё лёгкое недоумение на лице, он попросил меня набраться терпения.

Официант проводил нас к накрытому столику – на белой льняной скатерти лежали на сервировочных салфетках три набора столовых приборов рядом с белыми тарелками, и красовалась, выложенная на блюдах, разнообразная закуска и снедь – селёдка с отварным картофелем, салаты и солёные огурчики, мясная нарезка и сырное плато. Там же стояла бутылка тёмного, “Черного Муската”, бутылка сухого, полуконьячного “Хереса” Массандра и бутылка заиндевевшей водки, а также хрустальные рюмки, бокалы для вина и соков, стоявших здесь же на столе в литровых графинах.

– *Будем сегодня пить по-полной,* – вздохнул я про себя. – *Мишка любитель таких застолий ещё тот! Только вот кто же будет этот третий? Очевидно, он пригласил какого-нибудь своего важного клиента, но, почему он решил, что это будет для меня таким сюрпризом?* – озадачился я.

Мишка, садясь за столик, продолжил наш разговор будничным тоном, сказав:

– Ты знаешь, я часто здесь бываю, потому что меня никто здесь не достает – заезжая публика сюда почти не ходит. Они же все тусуются на набережной и открытых площадках, где шумно и доступно. А сюда-то дорогу не все знают. Здесь хорошая кухня. Здесь и музыку можно “живую” послушать.

– Сегодня? – спросил я с интересом, оглядываясь вокруг, словно ища взглядом, *кто-там-будет-сегодня* выступать. Но увидел в углу лишь чёрные корпуса небольших звуковых колонок и сиротливо стоящую микрофонную стойку у стены.

– Нет, у них завтра будет здесь петь Александр Саввин. Кстати, он сейчас здесь на отдыхе в Ялте. Вот его и пригласили. Слышал о таком?

Я пожал плечами.

– Классно поёт. Не хуже Лучано Паваротти. Ваш, московский… Для меня, так он по вокалу на уровне Градского.

Увидев мою скептическую улыбку, Брагин улыбнулся.

– Напрасно сомневаешься! – и поняв, что не убедил меня, сказал:

– Ладно. В любом случае, здесь можно и без музыки хорошо посидеть, расслабиться. Ну и деловые встречи иногда здесь провожу днём. Мне здесь комфортно, – вальяжно закончил он.

Вынув из своего заплечного рюкзачка пакет с рыбой – *я уже и забыл об этой его покупке у "рыбачки "Сони"* – он попросил официанта отдать рыбу повару, чтобы приготовить из неё что-нибудь вкусненькое, по-домашнему. Он здесь явно был "своим" завсегдатаем и всё же, я немного удивился его выбору этого кафе – для меня было бы естественным сейчас сидеть где-нибудь в ресторане на свежем воздухе, под лёгким вечерним бризом, а не под кондиционером в подвале. Видя моё какое-то сомнение, он добавил:

– В Ялте ведь не всегда такая хорошая погода, а зимой вообще половина всех этих кафешек закрыта или убыточна. А здесь надежно, да и всё почти по-домашнему.

Я с сомнением огляделся вокруг меня – да, всё здесь было неплохо обустроено, но вот отсутствие клиентов в столь самое востребованное у рестораторов, время, меня удивило.

– Как-то непонятно, – протянул я.

Мишка не стал спорить со мной, сказав беззаботно:

– Ну, если закроют, то у меня есть на примете и другой спокойный, типа этого, ресторанчик. Но ты погоди – увидишь потом. Народ сюда ходит… Особенно, когда здесь "живой звук" … Как бы там ни было, нам, и правда, все здесь были рады и улыбались – было видно, что персонал этого кафе старается создать максимум удобств для своих клиентов.

– Ну, что, начнём? Объявляю наш скромный "симпозиум" открытым! – с деланной важностью проговорил Михаил, и поднял свою рюмку со "Столичной" за мой хороший отдых в Ялте.

Выпив, мы приступили к лёгким закускам, начав с сырного плато и мясной нарезки. Проголодавшись, я с удовольствием ел выставленные на стол блюда – всё было и впрямь вкусно по-домашнему.

В зале звучала приятная негромкая музыка, свет с нашей стороны был приглушен по просьбе моего Михаила Викторовича, и мы сидели пока одни без всяких неудобств – ну, точно, как дома. Нам никто не мозолил глаза – официант, как тень, возникал сзади и приносил по очереди блюда, заказанные Михаилом, не забывая наполнять наши рюмашки водкой. А минут через двадцать, после третьей "стопки", мне уже стало реально интересно, кого же это так ждал мой друг? По его поведению я видел, что он был как-то немного напряжён и явно был уже в лёгком нетерпении в ожидании запоздалого гостя. Он сидел, поглядывая на дверь и, периодически, на свои часы, крутя сотовый в руках.

Кафе понемногу заполнялось посетителями и клиентами. Пустующие места за столиками впереди нас заняли несколько молодых пар нашего возраста и какие-то мужики в шортах и футболках.

Здесь был, похоже, универсальный для всех дресс-код – шорты и футболки. Никаких выходных костюмов. Хотя несколько человек были в рубашках с короткими рукавами. Ну, а присутствующие здесь несколько девушек и женщин за соседними столиками никак не заинтересовали меня ни своими бермудами, ни фасоном платьев.

Мишка понемногу оживился и порой, вспоминая очередную занятную историю (*он любил травить разные байки*), хлопал себя по колену и смеялся. Хорошо, что не громко.

Сдержанно, а не так, как вчера, когда мы распили с ним мой коньячный гостинец уже за полночь, он стал заливисто-громко хохотать, вызвав этим возмущение своих соседей за стеной. – *В этих панельных ялтинских домах такая слышимость! – извиняющее оправдывался он потом.*

Понимая, что Мишкин гость задерживается, я сидел, гадая про себя, кто же это будет? На Мишкин сотовый пришло сообщение и он, нажав на кнопку вызова официанта, попросил его налить вина в бокал и принести горячие блюда – как оказалось, рульку, запечённую с кол-

басным набором, горячей капустой и тремя соусами. И отдельно, порционный жульен и запечённая рыба с картофелем – тем самым, Мишкиным луфарем.

Его сотовый меня не заинтересовал – мой айфон был круче, но я обратил внимание на его наручные *часы* – стильные и красивые, они невольно вызвали у меня интерес. Мишка снял их, протянув мне с самодовольным видом, польщённый моим неожиданным вниманием к ним. Это были фирменные Diesel DS. Ничего особенного, средней ценовой категории, и Мишка, не поняв, что я поинтересовался ими просто так, заполняя время разговором, начал мне рекламировать их достоинства.

Прошло ещё пять минут. Я взглянул на вход – метрдотель встретил очередного гостя и проводил его к свободному столику.

– Ну, и где твой сюрприз ходит? – полюбопытствовал я, глядя на десертное вино, уже налитое официантом в бокал рядом с белой тарелкой, догадываясь, что он ждал какую-то девушку. *У него, вроде, была здесь в Ялте двоюродная сестра. Симпатичная, по его словам.*

– Уже здесь, – радостно ответил Мишка и подскочил, вставая с кресла: официант подвёл к нашему столику *ту*, кого ждал мой друг. Это была красивая (*даже очень*) длинноногая дива в короткой бежевой юбке – молодая, черноволосая девушка лет 25–26.

За столиком с подвыпившей мужской компанией послышались какие-то оживлённые комментарии. Я с изумлением воззрился на неё, а потом на сияющее лицо Михаила, подмигивающего мне, и кивнул одобрительно головой, показывая ему мимикой, что я действительно приятно удивлён.

– Добрый вечер! – сказала она мне с приветливой улыбкой, смотря на меня так, как будто мы с ней знакомы.

Я встал, церемонно кланяясь ей. Она протянула мне руку и представилась:

– Влада!

Её улыбка была мне приятна и, вместе с тем, немного непонятна – я видел её впервые и, она меня – тоже, но по её поведению я видел, что она явно знала меня. И точно.

– А вас я знаю по рассказам Миши – вы Антон, его друг из Москвы, – она перевела свой взгляд на довольное лицо Михаила.

– Так точно, – почти по уставу, как учили на курсах военной кафедры, ответил я неожиданно для себя.

– Антош, расслабься, – ты мой друг, и я много о тебе рассказывал Владе, – вступил в наш разговор Мишка. – Она сама уже просила познакомить её с тобой или, хотя бы сказать, что она у меня есть.

– Да, – подтвердила его очаровательная подруга. – Я видела и ваши с Мишаней фотки раньше.

– Вот это реально сюрприз, друган, – повернулся я к Михаилу. – У тебя такая симпатичная девушка, а ты мне за весь день даже ничего о ней не сказал!

– Ну, извини. Хотел тебя удивить, – ответил Михаил дружески, положив свою ладонь на мою. Было видно, что ему понравился мой комплимент в адрес Влады, и что её неожиданное появление здесь, как – будто с конкурса красоты, произвело на меня тот самый бомбический эффект, на который он, очевидно, и рассчитывал.

Официант опять налил нам “Столичной” по 50 грамм, Я хотел было произнести тост за Михаила и его прекрасную спутницу, но Влада опередила меня, сказав:

– Мальчики, я хочу выпить за вас, за вашу дружбу.

Я поблагодарил Владу за её слова, невольно рассматривая её лицо и задерживая взгляд в её красивых, прямо каких-то цыганских, чёрных глазах. Ну, а дальше я старался привыкнуть к тому факту, что в нашей мужской компании появилась такая очаровательная девушка, как Влада. Мне было приятно смотреть на них – Мишка-то и сам мужик, что надо. Не красавец, но похож чем-то неуловимо на знаменитого французского актёра Бельмондо в его лучшие годы.

Правда, не такого спортивного вида, каким тот был в его молодости (*я лишь недавно открыл для себя этого великолепного актёра*).

К моему удивлению, Влада понемногу выпила в разговорах, ужиная с нами, почти треть бутылки десертного вина, похвалив Михаила за вкусную рыбку и, заодно, попросила потом официанта передать “респект” повару за вкусно приготовленные блюда.

Мы разговаривали, произносили тосты и т. д., и я понемногу “запал” на эту красивую, обаятельную девушку, понимая, как повезло Мишке с ней и, чем дальше длился наш дружеский вечер, тем больше и чаще я пялил глаза на Владу, внутренне почти завидуя Мишке. Он сидел с видом падишаха, наслаждаюсь видом своей очаровательной гурии и моим нескрываемым восхищением её красотой, видимым на моём лице.

Официант принёс ещё одно горячее блюдо – каре ягненка – как оказалось, специально для меня, хотя я уже реально наелся и просто для вида, ковырялся в тарелке. А Влада, кроме рыбы, так почти ничего и не ела.

– Миш, ну куда столько еды! – искренне недоумевал я.

– Антош, – с чувством произнёс он. – Неужели я не могу себе позволить угостить от всей души своего московского друга?

От избытка дружеских чувств и выпитой “Столичной”, он хотел, было, привстать и обнять меня, но, перехватив иронический взгляд Влады, остался сидеть на месте. Я много выпил, расчувствовался, говоря добрые слова в адрес моего ялтинца и, при этом, смотря на его девушку, не скрывал, что она явно произвела на меня впечатление. Михаила это, как я потом понял, немного забавляло, и, увидев в очередной раз мой не в меру ласковый взгляд к себе, Влада неожиданно встала и сказала:

– Ну, милые мужчины, спасибо за вечер. Рада была познакомиться с вами, Антон.

Она протянула с улыбкой мне свою руку, и я с чувством пожал её. На удивление, у неё было не нежное девичье, а какое-то крепкое рукопожатие.

– Ну, почему вы – можно на “ты”, – пробормотал я как-то неуверенно. Она явно смущала меня обволакивающим, чувственным взором своих больших, выразительных глаз. – Ладно, ладно, – проговорил с торжествующей улыбкой Михаил. – Влада сама решит, как к тебе обращаться. Он был уже явно навеселе и чувствовал сейчас себя, между нами, хозяином положения.

Девушка, слегка укоризненно посмотрев на него, чмокнула его в щёку и пошла на выход в сопровождении официанта, сказав нам в пол-оборота, что её не нужно провожать. Мы проводили её взглядом. Мишка тоже много выпил, как и я, но пил, не запивая соком, в отличии от меня. За всё тем же столиком с мужиками, опять послышались какие-то дифирамбы в адрес Влады и один из них, вроде, как грузин, сказал одобрительно Михаилу, подняв большой палец вверх:

– Ай молодца!

Мой ялтинец довольно улыбнулся, кивнув ему с понимающей улыбкой. Помолчав, он повернулся ко мне, убрав самодовольную улыбку с лица:

– Антош, без обид. Мы скоро поженимся, так что извини, если что не так. Похоже, он угадал моё настроение романтической влюбленности – на отдыхе на юге, тем более, здесь в Ялте, это обычное дело.

Он дружески обнял меня за плечо, дыхнув на меня водочными парами:

– Найдём мы тебе твою Вероничку-клубничку. Д-дай в-время.

– Да с-з-далась мне эта твоя Веро-ника! – запальчиво ответил я слегка заплетающимся языком.

– Что я, сам н-не могу найти её или к-кого мне нужно?

Наш разговор уже привлекал к себе внимание. Мишка встал и переставил свой стул прямо ко мне и переключил моё внимание своим тостом за Россию. А уж такой тост дорогого стоит. Я, покачнувшись, попробовал встать, но Мишка вовремя удержал меня.

Мы провели в кафе ещё больше двух часов после ухода Влады и выпили этот “Херес”, но не стали пить десертное вино, заказанного для Влады, и Мишка потом забрал его с собой.

За это время сюда входили и выходили посетители, которых мы, в общем, не замечали и просто не видели, сидя спиной к входу, кроме той подвыпившей компании их четырёх человек, обращавших порой на себя внимание своим подвыпившим галдежом. Столики вокруг нас постепенно опустели один за другим, и эти мужики были последними, кто ушёл из этого ночного заведения – расплатившись и весело галдя между собой, они вышли на улицу.

Михаил нажал кнопку на звонке у стола и к нам тут же подошёл наш официант. – А г-де же на-род? – неожиданно для себя, спросил я у него, словно меня очень заботил этот вопрос. Мишка, видя моё тупое недоумение на лице, рассмеялся, сказав, что уже все разошлись. – А я ни-ко-го и не ви-дел здесь! – не понимая, пьяно возразил я, уставившись на него.

– Э, милейший Антон Игоревич. Да вам нужно на свежий воздух! – шутливо-подвыпивши ответил мне друг.

Рыбу, которую нам пожарил повар, мы так и не попробовали, и Михаил Викторович попросил положить луфариков в бумажный пакет, чтобы забрать с собой (*вот молодец, а я и забыл опять про эту рыбу) и* принести счёт.

Увидев затем, что он достал карту “Мир”, чтобы заплатить за наш ужин, я запротестовал и достал свою карту” Viza”. Мишка ухмыльнулся и сказал, что здесь эта карта бесполезна из-за санкций.

– Так что, переходи, на нашу, отечественную, “Мир”, – хлопнул он меня по плечу. У меня была и эта карта, но, как оказалось, она осталась в кармане моих джинсов в Мишкиной квартире.

– Ну, и с-сколько там вышло? – вяло полюбопытствовал я.

– Без разницы, – ответил Михаил, вкладывая тысячную купюру в чековую книжку официанту на чай. Я порылся в карманах своих шорт и понял, что у меня кончились наличные —, там было пусто (а *последнюю соточку я ранее отдал тому уличному певцу у платана*).

– Ну н-надо же, – пролепетал пьяно я. – Не-удоб-но вы-шло.

Я не привык, чтобы за меня платили мои друзья.

Мишка видел, как я ковырялся в кармане шорт и, почему-то, эта сцена моего рыскания так рассмешила его, что он еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. Официант проводил нас до дверей, учтиво пожелав доброй ночи. Я машинально взглянул на часы – было уже полдвенадцатого ночи, и понял, почему почти все столики в этом маленьком арт-кафе уже опустели. Мои мысли, в отличии от моих раскоординированных движений рук и ног, были, в общем, ясными и контролируемыми.

– Ну, и что делать будем дальше, ми— стер— Ан— тон? – шутливо протянул Михаил, когда мы поднялись по ступенькам наверх, в темноту пространства, еле освещённого призрачным светом одинокого фонаря над нами. Прямо напротив нас стояли высокие, густые сосны, за которыми где-то впереди виднелись огни набережной.

– Я б-больше с-сотни или пяти-с-сотки, не д-даю на чай, – пошатываясь, с каким-то вызовом ответил я Мишке, всё ещё досадуя на себя, что у меня не оказалось с собой нужной наличности. – И я не даю, когда один, – заверил меня Михаил. – Но ты же мой гость!

Он обнял меня, и мы оба пошатнулись, чуть не упав вниз на ступеньки.

– Скажу больше – ты гость Ялты! – он, как на сцене, потряс вверх рукой. – Поэтому, старик, давай не будем ме— ло— читься! – выговорил он по слогам. – Завтра мы поедем в Лива-ию! Он икнул. – Покажу тебе всЁ! – выдохнул шумно он.

Его язык, хоть и заплетался, но держался Мишка молодцом и почти не шатался. В отличии от меня.

Он опять икнул и выдохнул мне в лицо водочный дух.

– Я ему (*официанту)* сказал, что ты из Москвы. И, что завтра мы едем в Ливадию! – проговорил Мишаня, и покачнулся опять вместе со мной, пытаясь удержать меня от падения. – Пусть он, и они, – он повернулся неизвестно к кому в сторону кафе, – будут добрее к москвичам!

Я умилился:

– Н-ну, спас-сибо, братан! – и обнял его за плечи, чуть не повиснув на нём.

Надо сказать, что, когда я выпью, и мне хорошо с моими друзьями, я всех называю братанами… А пить много я не умею, как Михаил.

Он достал сигареты и закурил, вызвав во мне протест вонючим дымом, который я вдохнул невольно в себя. Мы стояли и никак не могли шагнуть в темноту из круга призрачного света, а затем пошли понемногу, пошатываясь слегка, в сторону жёлтых пятен фонарей на набережной.

Мишка, выкинув сигарету по моей просьбе, вёл меня под руку в сторону освещенной, уже близкой, набережной, обходя припаркованные вокруг автомобили, а я упрямо убеждал его в том, что это кафе закроют, так как здесь такая тьма. На улице стало попрохладнее – в сторону моря дул откуда-то непонятно взявшийся ветерок – *наверно, с гор*, – вяло подумал я, смотря в сторону, где должны были быть горы. В этой темноте я так и не понял или забыл, с какой стороны здесь были горы, а небо было тёмное от туч. Хорошо, что ещё не было дождя.

Ну, а, дальше, мы направились по набережной, как я думал, домой к Мишке, а навстречу нам шли такие же, как и мы, многочисленные "ночные романтики", курортники и туристы, приехавшие сюда со всех концов России и из ближнего зарубежья вовсе не для того, чтобы ложится спать в это время суток, а наоборот, именно в ночное время получить свой кайф, порцию ночных развлечений в многочисленных ресторанах, барах и питейных заведениях Ялты. Что, собственно, я сегодня и делал с моим ялтинским другом, ни о чем не заботясь и расслабляясь по полной. Ну, а лучшее место для этого – это набережная.

Она дает массу впечатлений и положительных эмоций в любое время суток, а любители ночных фейерверков (*типа, у Иван Иваныча – День рождения – как пошутил Мишка*) пускают, порой, в ночное небо Ялты раскатистые салюты, не заботясь о том, что местным жителям завтра на работу с утра – Ялта гостеприимна для курортников, питающих своими, порой шальными деньгами, городскую казну и кошельки бизнесменов торгово-развлекательной сферы. И почти вся эта денежная река шла раньше, по словам Мишки, мимо налоговиков (*особенно в сфере частного извоза автотранспортников Ялты – такси и автобусов*). А о жадности местных таксистов (и *их снобизме*) ходит прямо-таки нехорошая молва.

Да… мы о многом поговорили сегодня с моим друганом на набережной и здесь, в кафе, пока я не утратил интерес к Мишкиным наблюдениям и критическим оценкам этого чудесного города, выпив водки, а потом и "Хереса" и, ещё, уж не помню, что. А о чём мы говорили друг с другом, продвигаясь в сторону бывшего Макдональдса, было, в общем, несущественным.

Мы шли по ночной, весёлой набережной, как по Бродвею в Нью-Йорке (*ничего себе сравненьице, а?)* и, в отличие от него, где за пару кварталов от этой главной авеню у них там темно и опасно для ночных прогулок, в Ялте, в этом плане, очень безопасно. Ну, с Бродвеем я сравнил шутливо, но для Ялты это реально самая главная и широкая улица, с кучей дорогих бутиков, магазинов, концертных площадок, выставочных залов, гостиниц и ресторанов. А что касается любителей чрезмерного веселья – здесь с пониманием относятся к гостям курорта здесь, на набережной, и никто тебя не осудит или не оштрафует, если после 23 часов вечера, кто-то пьяно закричит в подвыпившей компании во всё горло или запоет какую-нибудь шальную песню.

Во всяком случае, нас никто и не остановил, и не оштрафовал – возможно, нам повезло, не буду спорить. Местные власти (*как мне сказал позже мой друган*) не судят строго таких загу-

лявших гостей— ведь они, тратя большие деньги на отдыхе, наполняют бюджет города столь необходимым средствами и дают работу и возможность заработка половине жителей Ялты.

Неожиданно, словно ниоткуда, из темноты пошёл дождь, вызвавший небольшую суматоху среди всё ещё многочисленных в это позднее время суток, таких же, как и мы, любителей ночных прогулок по “разгульной” Ялте. Дождь, впрочем, закончился также быстро, как и начался, и я даже не обращал внимание на то, что моя рубашка с короткими рукавами промокла, как и мои шорты.

Мишка, такой же мокрый, как и я, шёл со мной, обняв меня дружески за плечи, и нам было, что называется, кайфово. Прошедший кратковременный дождь освежил меня *(я хотел пить воду, и моя кожа буквально впитывала в себя небесную влагу)* и, вроде как, зарядил энергией и добавил мне драйва.

Так мы и шли по ночной набережной, останавливаясь и весело-беспричинно хохоча, вспоминая эпизоды из нашей дружбы и Мишкиных визитов в Москву и, попутно, ко мне в гости. Я периодически пытался прокричать, как мне нравится Ялта и мой друг Мишка.

В нашем неспешном продвижении по набережной мы зашли ещё в пару питейных мест на улице у порта, где мы добавили “градус”. А что было, потом я почти не запомнил в калейдоскопе пятен света и тьмы, обрывков разговоров, женского смеха и Мишкиного лица, говорившего и тянувшего меня куда-то. Скажу лишь одно – утром я ничего не мог вспомнить о том, что мы делали в нашем загуле, идя, как я думал, на Московскую.

Глава 3
День третий. Воскресенье.
Планы моего отдыха меняются

Утром я проснулся, как мне казалось, также, где-то в середине десятого, правда, не от солнечного света, бившего мне в глаза, а от громкого голоса Мишки, хлопотавшего на кухне. Он что-то мыл или готовил там, гремя посудой.

– Уважаемые москвичи и гости курорта, – услышал я его нарочито гнусавый голос, – вас, майн херц, приглашают к обеду на нашей кухне. И дальше:

– Многоуважаемый Антон Игоревич – вставайте, одевайтесь, умывайтесь. Вас ожидает к столу Михаил Викторович!

Приходя в себя, разлепив глаза, я невольно улыбнулся – ну, юморист! И потянулся в бок, пытаясь встать с кровати, но не смог. Я почувствовал, что меня как-то ведёт в сторону и вообще, оказывается, был не в состоянии встать, потому что ещё совсем не протрезвел. При этом, меня мучила жажда и мне очень хотелось пить. В голове все кружило и меня повело куда-то в сторону, и я рухнул на подушку, обхватив голову руками. В этот момент в комнату вошёл Мишка.

– Ну, ты как, Антош? – спросил он меня участливо.

– Не знаю, – ответил я с закрытыми глазами. – Не могу смотреть, всё кружится в голове. Хочу пить. Воды, – еле проговорил я, не открывая глаза, и услышал, как он пошёл на кухню.

– Ну, ты был хорош вчера! – услышал я. Он уже вернулся, протягивая мне стакан с долгожданной водой, которую я жадно выпил и, словно обессилив от моей попытки сконцентрироваться, сидя на кровати, опять упал головой на подушку, стараясь не поворачиваться, чтобы не “опрокинуть” своё дезориентированное сознание и остановить бесконечное кружение в голове. Выпив воды, я почувствовал себя словно опять пьяным.

– Ты хоть помнишь, что ты там орал на набережной вчера? – продолжал Мишка. Не отвечая на его вопрос, я попросил его пока не разговаривать со мной, надеясь, что мне полегчает после воды. Он замолчал, но стоял рядом со мной у кровати, не уходя и что-то жуя с хрустом.

– *Огурец,* – догадался я.

Прошло несколько минут. Мишка молчал – может, он вышел в гостиную, я не знал, но, когда он заговорил со мной в следующий раз, мне было уже полегче.

– Антош, может, тебе ещё водички дать? Или водочки? – пошутил неудачно он, потому что при упоминании о водке, меня чуть ли не стошнило, и я беспомощно взмахнул рукой, чтобы он не продолжал дальше эту тему.

– Ну-ка, выпей! – услышал голос Михаила.

Не открывая глаз, я на ощупь взял стакан с водой или что там было и, приподнявшись немного в кровати с его помощью, выпил солёную, холодную, приятно пахнущую огурцами и укропом, жидкость. Это был огуречный рассол. Не поняв вначале, как и что, я почувствовал себя затем немного лучше. Кружение в голове стало замедляться, и я смог открыть один глаз, чтобы увидеть, где там Мишка. Он стоял с банкой огурцов домашнего засола, смотря на меня, и тут же всунул мне в руку холодный, солёный огурец, и я схрумкал его ядреную, упругую мякоть, чувствуя, как капли рассола стекают с губ на подбородок. Увидев, что я смотрю на него одним глазом, он улыбнулся – а мне было легче смотреть на него именно так – мир вокруг меня хоть как-то замедлил своё вращение.

Удивительно, но скоро круговерть в голове реально уменьшилась и даже, как-то остановилась, и я смог посмотреть перед собой обеими глазами. Моё сознание стало чётче, а мысли

– яснее, и, хотя мне было как-то по-прежнему муторно в моём после-алкогольном отравлении или что это было, я спросил его:

– А во сколько мы с тобой пришли домой?

– В третьем часу ночи. Еле-еле отговорил тебя идти в море купаться с твоими нимфами.

– Какими нимфами? Морскими?

– Обыкновенными! – ты же сам их так назвал! – весело ответил Михаил.

– Кого?

Ничего не понимая и чувствуя, что от этих усилий поддерживать с ним разговор, на меня пять накатывается приступ головокружения, я замолчал.

Мишка, поняв, что я ничего не помню о том, что было с нами после вчерашней ночи, рассказал мне в своей шутливой манере, что я тягал его по всяким злачным местам, где тусовался народ. А потом пошли на Массандровский пляж, куда мы добрались, потихоньку, за полночь. И там мы, вернее я, увидев двух девчонок-симпатяшек, сидевших за столиком и пивших кофе напротив освещенной ночной кафешки, и стал с ними знакомиться, сказав: – Девоньки, а невесты в вашем городе есть? Девчонки тоже были навеселе и мы, типа, понравились друг другу. – Как так, их же было двое? – недоуменно спросил я, не глядя на него.

– Ну, да, – подтвердил Михаил. – Вот ты им обеим и понравился. Ты подтащил стул к их столику, уселся, и стал делать им комплименты. Называл их нимфами и очаровашками, и звал купаться в море.

– А они?

– Девчонки называли тебя симпапусиком и весело смеялись над тобой. А, может, и не над тобой – просто ржали и давились от хохота. Уж больно ты их веселил. Они, кстати, тоже были немного поддатые. Так что, вы нашли друг друга.

Мишке явно нравилось рассказывать мне о том, о чём я совершенно не помнил сейчас, и он выступал, вроде, как единственного очевидца моего такого отвязного поведения. Его искренне забавляло это и, даже, если бы он и присочинил к своему рассказу что-нибудь ещё, чего не было на самом деле, мне бы пришлось верить ему на слово.

– Ну, а когда ты их обеих взял под руки и попробовал спуститься на пляж к морю, я понял, что тебя надо спасать.

– От кого? – не понял я.

– От тебя самого и этих безбашенных, таких же, как ты, девчонок.

– Симпатичных? – поинтересовался я.

– Ну, да, – одобрительно отозвался Мишка. – Ты же уже спрашивал! Если бы ты не был таким пьяным, ты бы реально мог закадрить любую из них.

– А ты? – побеспокоился я наивно о друге.

– Я, братан, уже нашёл свою нимфу или фею, как хочешь, называй.

Тут я вспомнил про Владу, и кивнул одобрительно и от этого неосторожного движения головой моё сознание просто расплескалось.

Я закрыл глаза, застонав и, наверное, помертвел – моё дыхание сделалось частым и поверхностным. Мне было опять так муторно, что голос Мишки стал причинять мне чуть ли не физические мучения. Я бы с удовольствием закрыл бы уши и так бы лежал с закрытыми глазами, чтобы изолировать свое сознание от внешнего мира. А Мишка, между тем, стал лицедействовать, не понимая, как мне было плохо.

– Ай, яй, яй, – какого человека не уберегли от пьянства! – патетически воскликнул он, заламывая руки, изображая сценическую драму. Но, видя, что я никак не реагировал на его добродушное паясничество, понял, что мне, действительно, поплохело. И продолжил серьезно:

– Всё, Антош, больше никаких водок и пивасиков! И никаких посиделок в ресторанах. Ты нам нужен здоровый. Ты приехал в Ялту не для того, чтобы квасить и бузить, а знакомится с местными достопримечательностями, понимаешь.

Он опять кого-то изображал.

– И мы не позволим тебе морально, так сказать, разлагаться! – с пафосом продолжал он, тряся рукой перед моим лицом. Я, реагируя, приоткрыл опять один глаз и тут же закрыл его.

– Отстань!

У меня – *в моём сознании или наяву* — всё по-прежнему кружилось перед глазами.

– Никакой водки! – изгалялся Мишка. – Ты понял? Пить вредно! – он словно давал мне психологические установки. А между тем, в голове у меня всё просто плескалось от алкоголя, наполнившего вновь все мои извилины в мозгу. Я застонал от ощущения беспомощности и физической немочи.

– Не могу встать, – прошептал я. – Голова кружится…

– Это ещё хорошо, что она у тебя не болит! – "успокоил" он меня. – Воистину, чем лучше вечером, когда в охотку пьёшь, тем хуже утром протрезвенье, – продекламировал он сам себе и, поняв, насколько мне хреново, пожав сочувственно моё плечо, вышел из комнаты.

Я лежал с закрытыми глазами, потому что как только я пробовал их открыть, мир вокруг меня начинал вращаться и смещаться в сторону, опрокидывая меня и кружа моё оцепеневшее сознание.

– Ну-ка, выпей вот такую интересную таблетку! – услышал я вдруг голос друга. – Сейчас мы её растворим. Это Алька-прим. Применяется от тяжкого помелья и от головной боли, – проговорил он, будто читая инструкцию. – Эффект наступает через тридцать минут, – закончил он ознакомление с инструкцией по применению. – Как раз твой случай. Так что, проверим.

Попробовав приподняться в кровати, затем я взял на ощупь стакан с шипучей жидкостью.

– Мне её Влада как-то принесла, – проговорил Михаил, словно оправдываясь. – Говорит, что очень помогает при тяжком похмельном синдроме. Мне как-то было хреново пару раз. Но я так и не пил их, а просто выпил утром полстакана вод…, – он осёкся, вспомнив, что меня мутит от одного упоминания этого слова.

Он смотрел на меня в тревожном ожидании и, убедившись, что я всё выпил и лежу, вроде как засыпая, сказал, что пока займется делами.

– Ладно, Антош, приходи пока в себя, а я пока поработаю с документами. Мне как раз надо кое-что доделать. Если проснёшься, и меня нет дома, значит, я поехал в офис. Я быстро вернусь. Так что, лежи, спи – у нас сегодня воскресенье. Отдохнём, пока, дома. И, кстати, Ливадия сегодня отменяется. Ну, ты и сам понимаешь…

С этими словами он вышел из комнаты.

Не помню, как заснул и не знаю, как долго спал, но проснулся от звука защёлки замка, закрывшей входную дверь. Я открыл глаза. Солнце, за то время, что я спал, переместилось за дом на другую сторону, и в комнате было немного сумрачно. Я посмотрел на часы – Ого, уже было почти начало четвёртого дня! В квартире кто-то был – я услышал приглушенный голос Мишки, отвечавший что-то женскому голосу.

В закрытую дверь моей комнаты постучали. Я приподнялся на кровати, прислушиваясь к своим ощущениям в голове. В ней, вроде бы, уже ничего не дребезжало, и не опрокидывалось, и не вращалось – я реально протрезвел.

– Миша, ты? – спросил я.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Мишка. Он был явно в хорошем настроении. – Старик, ну ты как, очухался? – фамильярно спросил он.

– Да, вроде как-то так. А ты с кем там разговаривал?

– Так ты не понял? А говоришь, протрезвел, – сыронизировал он.

И тут же в полуоткрытой двери появилось красивое лицо Влады. Она заглядывала в комнату из-за спины Михаила – помахала мне рукой и тут же деликатно отошла в сторону.

– Давай, приводи себя в порядок, а мы пока на кухне что-нибудь придумаем вкусненькое, – сказал Мишка и прикрыл дверь, шепнув мне, что у Влады есть сюрприз для меня.

Сев опять на кровать, я потёр затылок и растёр лицо ладонями, а потом и уши, пытаясь вспомнить, что же я делал вчера ночью на Массандровском пляже, и не мог по-прежнему ничего вспомнить.

– Ну, да ладно… – проговорил я вслух, окончательно придя в себя, и встал с кровати, надев затем шорты и футболку и, открыв дверь, вышел в гостиную – там никого не было. Мои друзья разговаривали на кухне, и я прошёл быстро в ванную, не смотря на них.

Ну, а потом мы втроём сидели на маленькой кухоньке за обеденным столом. В начале нашего общения в ходе импровизированного запоздалого обеда, я чувствовал себя неловко – Влада действовала на меня магическим образом, чуть ли не лишая меня столь привычной мне раскованности в общении с девушками, но затем чувство неловкости пропало – она оказалась милой и общительной девушкой, и мы быстро перешли с ней на “ты’.

Влада проявила себя расторопной хозяйкой – она сделала маленькие ржаные бутерброды с кусочками рыбки в томатном соусе и отварной картошкой на тарелке, и разогрела на газовой плите Мишкин вчерашний “улов” (*оказалось, что после нашего застолья в арт-кафе, оставшейся жареной рыбки хватило и на обед*), поставив затем на металлическую подставку на столе горячую сковороду с рыбешкой – как там её называли, кефалька? луфарик? Здесь же стояла большая тарелка с сыром, оливками и листьями салата с майонезом, и пшеничными сухариками. Рыбка мне понравилось, хотя и была суховатой. А вот консервированная обжаренная рыбка в красном томатном соусе была просто деликатесом! Мишка сказал, что это азовский бычок – *никогда и не слышал о такой рыбке, живя в Москве* – но это оказалось лучшее из тех обычных рыбных консервов, которые мне довелось пробовать, хотя и редко, когда мы ездили на дачу. Я с удовольствием съел почти все бутерброды, приготовленные Владой, нахваливая эти бычки.

Закончив обед, попив чай с инжирным вареньем (*тоже вкуснятина местная!),* мы прошли в гостиную и сели на удобный, широкий, матерчатый диван. Михаил включил большой плазменный телевизор, висевший на стене напротив нас— там шёл блок дневных новостей “НТВ”– и нашёл какой-то музыкальный канал. Влада принесла с кухни 3 бокала и бутылку вина – это был “Черный мускат”.

– *Вчера, кроме неё, его никто так и не пил,* – вспомнил я.

Наполнив бокалы, мы выпили это приятное на вкус десертное, тёмно-красное вино. Честно говоря, мне не хотелось никакого спиртного, даже такого приятного, сладкого вина, но не мог же я показаться слабым перед Владой, которая, с каким-то изяществом и непринужденностью “дегустировала” свой бокал. И тут я неожиданно вспомнил с сожалением, что наша поездка в Ливадию сегодня отменилась.

– *Ну ещё бы, столько выпить вчера – да Мишка и завтра не пройдёт алкотест. Так что, до вторника придётся ходить пешком,* – подумал я.

Тем временем, он переключил телевизор в режим присмотра фотографий и подсоединил какую-то флешку к разъему сзади экрана.

– Ну, что, Антош, готов к сюрпризу? – я и забыл, *что* он мне там шепнул в комнате.

Я отвлёкся на Владу, стараясь держаться молодцом, хотя моя голова была какой-то пустой и плохо соображающей. Она встала, поправив свое коротенькое платье, выйдя из гостиной.

– Сейчас покажу тебе кое-что интересное, что нам принесла Влада, – он улыбнулся, глядя на неё, и продолжил, садясь на диван. – Я сам увидел эти снимки сегодня днём, после звонка Влады. Пришлось ехать срочно к ней домой, и вот что она мне там показала, – он показал рукой на экран с какими-то большими снимками.

В его голосе звучала загадка, и я уже был слегка заинтригован этим, хотя для меня было бы лучше сейчас посидеть просто так на диване, ни о чём не говоря.

– Так что, смотри, и удивляйся, – воскликнул он, довольный тем, что заинтересовал меня. На экране пошли сочно-цветные, красивые фотографии какого-то небольшого городка, а затем несколько высотных зданий в парке с пальмами на фоне массивной горы.

– Где это? – спросил я, поворачиваясь к Владе.

Она, пока я смотрел фотки, вернулась, принеся в красивом подстаканнике стакан горячего чая с лимоном, сказав, что крепкий, сладкий чай поможет мне окончательно восстановиться. Я уже чувствовал на себе власть её черно-жгучих, красивых "цыганских" глаз.

– Это Партенит, куда ты так стремишься, – вставил он, отвлекая меня от "чар" Влады.

– Курортный поселок городского типа, – пояснила, улыбаясь, Влада, видя невольную Мишкину ревность. – А этот горный массив с кустарниковой растительностью, часть Медведь-горы, – пояснила она.

Дальше на экране пошли великолепные фотки видов Партенита, снятых, очевидно, с горы, с высоты метров в 200. Посёлок был, как на ладони, с его десятками больших зданий современной постройки, и большим холмом ближе к морю. На холме стояла высоченная телевизионная вышка— и весь этот вид красовался на фоне окружающих гор, безбрежного моря и, где-то вдали, каких-то неясно видных прибрежных мысов в 30–50 км, на горизонте (*не пойму, почему это поселок, когда его впору называть городком*). А далее следовали фотографии видов круч и скал, стоящих прямо у моря в зоне прибоя. Затем виды природных ландшафтов и потом опять крутые склоны Медведь-горы и фото какой-то бухточки, с крутой скалой у дикого пляжа с огромными валунами. А затем отдельно, увеличенное фото этой же скалы с каким-то рубиново-красным пятном, в центре которого горел золотой круг (п*ятно округлой формы реально золотого цвета).* Потом та же скала была снята с других ракурсов. И на всех снимках сиял этот золотой "глаз?" в обрамлении рубиновых пятен… Судя по размерам кустарникового деревца, прилепившегося на крутом склоне скалы в паре метров от этого рубинового пятна на каменной круче скалы, оно было около двух метров в диаметре.

Михаил нажал на стоп-кадр на дистанционном пульте управления и, повернувшись ко мне, спросил:

– Ну, что ты об этом думаешь?

– Об этом "цветке"? – спросил я.

– Ты называешь его цветком? – переспросил Михаил.

– Не знаю, просто напоминает нечто вроде цветка. Я понимаю, что это какое-то природное образование, но издалека это смотрится для меня, как цветок. Или как какая-то, извините, клякса, которую кто-то шлёпнул сверху и поставил в центре золотое клеймо. *Со стороны – золотая краска или что за состав там был – реально выглядел и блестел жёлто-золотым цветом!*

– Как золото инков. В общем, Знак – проговорил я (*на днях закончил читать приключенческий бестселлер Клайва Касслера "Золото инков*").

– А вот это неожиданная мысль, – одобрительно проговорил Михаил, оценив моё образное сравнение. – И эта штука, значит, служит, как "Знак", – вопросительно-утвердительно сказал Мишка.

– Какой "Знак", и что он означает в таком случае? И, кто нарисовал или сделал его? – спросил я, смотря на Мишку и Владу.

– Ты задаешь мне те же самые вопросы, которые я задавал Владе, когда я сегодня днём приехал к ней, и она показала мне эти фотографии.

– А откуда они у тебя, Влада? – спросил я, опять смотря в её пленительные глаза.

– Расскажи ему, девочка моя, всё, что ты знаешь об этом, – как-то неуместно фамильярно-шутливо, сказал Мишка Владе, мягко потрепав её за щёку. – О ***нашем***, – сделал он ударение, – "*естествоиспытателе*", – и хохотнул непонятно для меня.

Она отмахнулась от него с улыбкой, и повернувшись ко мне, рассказала удивительную историю.

Оказывается, этим утром к ней заехал её хороший знакомый – он переехал с родителями лет десять назад в Партенит, где его отца назначили главным врачом военного санатория "Крым", расположенного прямо у Медведь – горы. Отца, правда, потом, после перетрубаций в 13-м году, сделали заведующим какого-то там лечебного отделения. Не знаю подробностей. Парня зовут Олег Баженов – в просторечье Алик. Во всяком случае, все друзья, и сама Влада, называют его именно так. Так вот, Алик – неутомимый ходок, любитель исследовать в одиночку тайны Природы, её заповедные места в Партените и его окрестностях, изучая местные леса и горные массивы, и он облазил почти все уголки Медведь-горы.

Он и раньше много рассказывал Владе о красотах этого места: о сказочных февральских (!) полянах с подснежниками на вершине горы, о дубах, расколотых снизу, как будто, "подземными" молниями, о странной форме деревьев и камней, которые периодически попадались ему в чащах на вершине горы, о диких пляжах с кристально чистой водой и дельфинах, которых он видел прямо у берега, и о странных блуждающих ночных огнях на склонах горы, свидетелем которых он был лично несколько раз. И этот Олег утверждал, что, когда он несколько раз ночевал один на поляне на вершине горы, он просыпался от непонятной тревоги, а вернее, от какого-то низкого вибрирующего звука, который периодически шёл откуда-то из глубины горы. Более того, он специально пошёл в ночевку на гору, чтобы более детально исследовать этот феномен, но среди ночи он увидел каких-то непонятных людей, которые прошли почти беззвучно мимо его места ночлега. И ещё кое-кого, как он говорит – некие Сущности – о чём он не может пока рассказать даже Владе. Но делал намёки о том, что он знает кое-что о базе НЛО в недрах Медведь-горы.

– Ух ты! – воскликнул я.

У меня эти описания, похожие на сюжет, словно взятый из какого-то романа с элементами приключений или, даже, триллера, вызвали всё более и более растущий интерес к этой горе и связанной с ней тайнами, с которыми я мог бы познакомиться чуть ли не в живую, там, в Партените. И, конечно же, мне уже хотелось увидеть эту притягательную Медведь-гору самому, и я слушал дальше Владу, что называется, во все уши, забыв о своей сегодняшней "немощи". – Ему повезло тогда, – продолжала Влада нагнетать мистерию, – что он устроился со своим спальным мешком в выемке между двух больших 3-х метровых валунов, а тропа шла метров в пяти от него.

Она остановилась, перехватив мой взгляд, явно наслаждаясь эффектом, который оказал на меня её рассказ, а, вернее, её чарующие глаза.

– Давай, продолжай, не тормозись! – поторопил он Владу, видя, что она явно кокетничает со мной. – Шехерезада ты моя ненаглядная! – и подмигнул мне по-свойски, видя, что она оказывает неотразимое воздействие на меня.

– Слушаюсь и повинуюсь, о султан моих грёз! – шутливо подыграла она, сложив ладони вместе, в условном наклоне перед ним, и продолжила дальше, улыбнувшись ему, свой обстоятельный рассказ, подобно той сказочной, рассказчице-красавице из "1000 и одной ночи".

– Ну, так вот, мне рассказывали, *о счастливый царь*, что дело было так…, – она опять бросила на меня обворожительных взгляд её чёрных, красивых, глаз.

– *Хотел бы я им быть,* – мелькнула у меня неожиданная шальная мысль. – *Какая же она красивая! Ах ты, Мишка, султан – ты – наш – счастливчик,* – и я невольно взглянул на него, понимая, что он прекрасно осознаёт, что Влада мне очень нравится.

Дальнейшее содержание её интересного и очень занимательного для меня рассказа так заинтересовало и озадачило меня, что я смотрел на неё, думая уже не о её красоте, а о смысле услышанной информации.

– Как-то раз, поздней осенью, его застала непогода на вершине горы, и на неё опустился невесть откуда взявшийся туман. Алик, спускаясь вниз с горы, пошёл в тумане не той тропой. Сбился с пути и, в итоге, пошёл, что называется, напролом через заросли колючего кустарника прямо вниз, избегая каменистых осыпей. Он знал, где примерно располагаются осыпи и обрывы на этом боку горы, напротив Партенита и, спускаясь, таким образом, вышел на какие-то пещеры на склоне горы. Обследовать эти пещеры у него не было возможностей, но он смог хотя бы внешне посмотреть, как и что там было. По его словам, они носят искусственный характер и сложены из огромных каменных глыб, по типу дольменов. И он слышал даже какой-то странный голос, звавший его оттуда.

Мишка, в концовке её рассказа, скептически ухмыльнулся – *мол, знаем мы эти байки*, но я воспринял её рассказ крайне серьёзно.

Закончив свой рассказ, Влада смотрела на меня с довольным видом – она была явно польщена вниманием, с которым я слушал её и, ещё больше интересом, проявленным мной к ней самой. А я смотрел на неё, опять погружаясь в чарующую глубину её глаз и, как будто ждал продолжение её рассказа.

Мишка, заметив мой интерес к “рассказчице”, отвлёк меня от неё, вступив в разговор, делая свои ненужные комментарии, “приземляя” её неторопливое повествование. – Это всё, старик, из серии Олеговых баек для вот таких бырышень, – он взглянул снисходительно на свою подругу, – которым я не очень доверяю.

Влада капризно надула губки.

– Нет, нет, моя Шехерезада! – воскликнул шутливо он. – Не тебе, а рассказам нашего чудн’ого партенитского друга. – Вообще, – он хлопнул меня приятельски по плечу, отвлекая на себя моё внимание, – это отдельная история, о которой можно поговорить потом. Так вот. Продолжаю. Вчера вечером этот Олег позвонил Владе *(Михаил позже рассказал мне подробнее об этом парне, но, по большой части, эта информация была пересказом со слов Влады. Она знала Алика ещё с Симферопольского университета, который она закончила 2 года назад, и они были в дружеских отношениях. А он там работает преподом на кафедре истории – вернее, работал, пока не уволился по личным обстоятельствам— по слухам, там была какая-то его интрижка со студенткой. Но Влада ничего больше не знает об этой теме. Она поддерживает с ним хорошие отношения, но не больше. Мишка терпимо относится к этим контактам Влады, и она даже познакомила их, пригласив на свой день рождения. У Михаила и сейчас нормальные отношения с ним, и пару раз Олег приезжал к нему за юридической консультацией в Ялту по вопросам оформления недвижимости в собственность*) и рассказал ей об этом самом “Знаке”, который он сфотографировал дня четыре назад с пешеходной тропы на склоне Медведь-горы. Сегодня он был в Ялте и, попутно, заехал к ней и дал ей флешку с фотками и разными видеозаписями где-то на пять гигов.

Слушая дальнейшие пояснения его и Влады, меня настолько увлекла эта поразительная информация, о которой я узнал сейчас, что, когда они оба закончили говорить, я сидел, молча, переводя глаза с Влады на Михаила и обратно, не думая о красоте его подруги. Там, на горе, явно была какая-то тайна! Меня охватил исследовательский драйв.

– Ну, вы даёте! – выдохнул я возбужденно, выйдя из-под гипноза глаз Влады. – Да это же надо исследовать! Надо написать в РЕН ТВ Игорю Прокопенко – пусть снимет репортаж о Медведь-горе!

– Какой там Прокопенко! – возмутился Мишка. – Он нас отожмёт от этой темы, снимет сливки и уедет. Ты видел, сколько в сети на *youtube* бродит разных сюжетов о Медведь-горе, всяких там НЛО и прочей лабуды? Ничего конкретного, типа ОБС.

– Это что такое? – озадачился я этой странной аббревиатурой.

Влада прыснула от смеха, а Мишка снисходительно сказал, что это – “*одна баба сказала*”.

– Ты как-то слишком грубо обобщаешь всё, – с лёгким недовольством возразил я. – Не веришь сам…

– Не мешай верить другим, – подхватила мою мысль Влада.

– Ладно, проехали, – сказал примиряюще Михаил. – Если серьёзно, то, не думаешь ли ты, что у него будет столько времени, чтобы детально вникнуть в эту историю? Он же профессионал-маркетолог от ТВ! Клепает свои 60-минутные сюжеты каждый день на недели и месяцы вперёд. Кто-то что увидел, кто-то что-то услышал – поди проверь, правда, во всём этом, или вымысел! А вам интересно смотреть…, – он разговаривал с нами, чуть ли не как бывалый старший товарищ в группе с детьми-подростками. – Снимет репортаж на десяток минут, и всё. Сливки ему, а нам пшик. Уедет, наделав здесь шороху, наслушавшись разных непроверенных слухов, и покажет потом ТВ-интервью с местными разносчиками подобных сенсаций.

– Вот поэтому, Олег и не поддерживает каких-либо связей ни с нашим ялтинским, ни с партенитским самодеятельным сообществом по изучению подобных случаев. У него есть своя база подобных сведений, и он не распространяется о ней. Но он всё видел сам! – вступилась за своего партенитского друга или товарища, Влада. – А там столько интересного! – она показала рукой на экран.

– Ну, не буду спорить! – Мишка поднял шутливо вверх руки. – Он, возможно, и впрямь знает на порядок больше всех тех подобных исследователей этой темы. Ведь для чего-то он и шастает на Аю-Даг, как…, – недоговорив, он подошёл к нашему фуршетному столику и пригубил вино из маленького бокала.

По тому, как он взглянул на неё при этом, в нём чувствовалась какая-то досада из-за этого неведомого мне Алика. – *Может, он как-то ревновал её к нему?* – мелькнула у меня неожиданная мысль.

– Да любой факт, о котором Олег рассказал мне, заслуживает отдельного рассмотрения и изучения! – Влада, вроде, как, не на шутку рассердилась на Мишку из-за его неуместного скепсиса. – Но, при всём этом, может, он и сам не захочет раскрывать такие сведения для всеобщего ознакомления!

– Ладно, ладно! – воскликнул примиряюще Михаил. – Спросим потом у самого Олега на этот счёт. Но, в любом случае, обойдёмся пока без РЕН-ТВ. Сами снимем, если что, а уж потом свяжемся с Прокопенко. Или, “Комсомольской правдой”, – подытожил он свой спор с Владой.

– Но, он мог бы нам помочь организовать исследования под его патронажем, – возразил я запальчиво, продолжая свою линию, сердясь, *что Михаил принимает решение, даже не спросив моего мнения об этом*. – Может, кое в чём профинансировал…

– Не будь таким наивным! – сказал, как отрезал, Михаил. – И, потом, зачем нам его патронаж?! Как и эти… телевизионщики. Забудь о телевидении, Антош, – судя по его примиряющей интонации он, вроде, как уговаривал меня, теша моё самолюбие. – Местные лесники, кстати, и так жалуются, что на Медведь-гору ходят все кому не лень. Особенно, в последнее время. Да, если Олег что-то расскажет или сболтнёт “чужим хлопот потом не оберёшься! Начнут и ходить, и снимать, доставать местное начальство санаторское и прочее, просьбами о разрешении на съемки в этом заповеднике! А там и без того хватает разного “*приходяще-уходящего*” люда. Вот поэтому, Олег и не связывается ни с кем, – он бросил изучающий взгляд на Владу. – У него же там, в режимном санатории, отец работает. Начнут у отца спрашивать, зачем Олегу вся эта никому не нужная шумиха…, – он опять посмотрел на свою “капризульку”.

– *Ах, Влада –Лада!* – вздохнул я, почему-то с лёгкой щемящей грустинкой, глядя на неё.

– Я уж не говорю, Антош, – оторвал меня Мишка от её глаза, – о пионерских сборищах, типа прощание с Аю-Дагом и ритуальных походах на его вершину. Да ещё и костры разводят там.

– Разводили, – поправила его Влада.

– Ну, да. Теперь, им, правда, запретили это делать. А всякие там доморощенные любители природы, которые охапками рвут подснежники весной для продажи?! А графоманы, которые испоганили миллионолетнюю скалу над тропой, с которой были сняты эти фотки.

– Только не “графоманы”, а “граффитиманы”, если можно так выразиться, – мягко поправила его Влада.

– Ну, да. Ты же у меня такая умная! Университет закончила, как ни как, – с шутливой досадой проговорил Мишка, целуя Владу в щечку.

– *Хорошо, что не в губы,* – ревниво подумал я.

– Нет! – решительно повторил он, перехватив мой косой взгляд, обращая опять моё внимание на себя. – Нам не нужна шумиха в масс-медиа. И местным жителям это не надо. Партенит – тихий поселок и отдыхающие приезжают туда, в основном, профильные – это же военный санаторий. И им лишней огласки не надо. Ну, и, к тому же, всякие там противопожарные и природоохранные органы тоже держат ситуацию под контролем – вокруг же природный заповедник!

– Ты знаешь, Антончик, сколько миллионов лет этой горе? – спросила меня Влада. Я пожал плечами, приятно удивившись, прозвучавшей в её голосе некоей симпатии ко мне.

– 160 миллионов лет!!!

– Да, ну?! – поразился я.

– То-то и оно! А это же еще и геологический заповедник. Здесь есть уникальные минеральные породы.

– А какие там эндемики растут! – подхватил Михаил.

– Что такое эндемики? – переспросил я.

– Да… Антоша… живешь ты в своей Москве, ездишь на отдых по всяким заграницам, и ничего не знаешь о родной природе, – притворно – осуждающе проговорил Мишка, подмигивая Владе. – Так ведь не в Крыму же живу, – возразил я, оправдываясь.

– А у вас, что, в Подмосковье нет никаких редких, уникальных цветов и растений? Эндемиков? – вдруг поддержала Влада высказывание Михаила в мой адрес. И для чего-то сказала на латыни “ Ignorantia non est argumentum”, с улыбкой посмотрев на меня, и пояснила, что – это уникальные растения, которые встречаются только в каком-либо одном определенном месте, и больше нигде в мире!

Я промолчал и кивнул головой, хотя и понял сказанную ею фразу, мол, “*незнание – не довод*”. Но, чтобы ни сказала сейчас мне эта “Шехерезада”, даже слегка обидное по смыслу, было для меня несущественным. Да и к тому же, я и впрямь не могу всё знать!

– Так вот, на Медведь-горе полно этих самых эндемиков! Например, орхидеи. А какие грибы здесь водятся осенью! – продолжила Влада, мило улыбнувшись мне. – Мы как-то с Олегом ходили за грибами в позапрошлом году – обалдеть, как их там много после затяжных дождей! По лицу Мишки я увидел, что это ненужное упоминание об Олеге и его “грибалке” с Владой было ему неприятно.

– И нашли удивительные грибы и, даже знакомый моего отца— большой знаток и любитель грибов – сказал, увидев их фото, что и не знает, что это за грибы! – беспечно продолжала Влада, не замечая тени недовольства, пробежавшего по лицу моего друга.

– *Ах, ты, ревнивец!* – подумал я иронично, обращаясь между тем к Владе со словами: – И ты, что, их выкинула?

– Зачем, – пожала плечами Влада. – Попробовала понемногу. Грибы-то шикарные были — какие-то, как на кораллы похожие, светло-коричневые, крупные. По полкило каждый! Позже, в Википедии, я нашла, что это была редчайшая разновидность гриба под названием “заячья капуста”. Ты даже не представляешь, какой он вкусный. Я вначале чуть-чуть попробовала – запах у него, как у трюфелей!

– Никогда не ел и даже не слышал о таких удивительных грибах! – в моём голосе звучало искреннее удивление, смешанное с условным сожалением.

– А мне повар знакомый дал как-то трюфельную эссенцию синтезированную, – взял Мишка опять разговор в свои руки, видя, что моё внимание целиком переключено на Владу и её лицо. (*а я и правду смотрел, чуть ли не восхищенно, в её огромные чёрные* глаза – *как я потом узнал, родители Влады были украинцы, и они переехали из Крыма в Киев несколько лет назад, а она осталась здесь. А украинки такие гарные барышни!).*

– Польешь на грибы любые и – вуаля – получай трюфель! – в пол-уха слышал рассеяно я Мишку, посматривая на его красотку.

– Они там, в ресторане, на разные грибочки лили эту эссенцию и впаривали лохам, что это трюфель, – продолжал мой друг, отвлекая моё внимание на себя.

– Ну, так по форме же можно понять, – возразил я обоснованно Мишке, посмотрев на него.

– Какая там форма! – воскликнул он. – Мой повар работает в паре с обрусевшим китайцем. Так тот, прямо, кудесник натуральный – он такие трюфеля из сои лепит, закачаешься! Правда, его один французский турист, знаток трюфельной кухни, подловил на этой эссенции. «Так-тож француз!» – многозначительно протянул Мишка. – Он у себя во Франции какие-то делянки имеет в лесу, где растёт трюфель, и знает всё об этих грибах, что называется, из первых рук.

Мы с Владой переглянулись, улыбнувшись, с какой важной интонацией это было сказано. Мишка, не замечая нашей лёгкой иронии, продолжал расхваливать дальше неведомого нам китайского умельца:

– Ну, а заезжие “бузинусы” (*это мы с ним так бизнесменов зовём*), которые, отведав эти ”китайские трюфеля”, пальцы веером держат потом и их так и прёт потом небрежно сказать, что, мол, в “Gussi” (*ресторан, где работал тот китаец*), ел настоящие трюфеля! А ты понимаешь, *сколько* они стоят!?

Я кивнул, соглашаясь с ним, переведя глаза на улыбающуюся мне Владу. – Кстати, в Ялтинских лесах реально встречаются трюфеля, просто никто не знает, где и как их искать, – продолжал увлеченно эту неожиданно-возникшую тему Михаил. – А вот кабаны – знают. Они, как чумовые, перепахивают порой дёрн в поисках грибного лакомства. Да, кстати, и на Медведь – горе встречаются кабаны, – вернулся он к теме горы. – А вот есть ли там трюфеля – не знаю.

Высказавшись, он посмотрел на Владу, словно ожидая от неё некоей поддержки и одобрения. Она благосклонно улыбнулась и, наклонившись к нему, что-то шепнула ему на ухо.

– *Ну, прямо, идиллия какая-то*, – невольно подумалось мне с лёгкой завистью об их отношениях.

– *Заворковали, как голубки…*

Неожиданно, я вспомнил о Веронике и её образ, помимо моей воли, занял моё сознание, словно отвлекая от Влады и её чар. Я почувствовал какое-то неприятное ощущение в голове – видно мой мозг, перегруженный всей этой информацией, обрушившейся на меня, протестовал и требовал отдыха вследствие его недавней алкогольной интоксикации. Столь интересную информацию, не говоря уже об этом загадочном “Знаке” и рассказа о неких тайнах Медведь-горы следовало бы слушать на трезвую, ясную голову, а не с недавнего похмелья. У меня как-то стала странно вспухать затылок— аж бугры какие-то набухли сзади. Я пощупал затылок и стал массировать его и шею обеими ладонями – *вроде, помогло*. Мишка с Владой озадаченно смотрели на мои манипуляции, прекратив разговор. Я продолжал сосредоточенно давить на затылок.

– Антоша, с тобой всё нормально? – спросил Михаил.

Я объяснил, в чём дело и попросил Мишку дать мне перекись водорода, сказав, что мне она очень помогает в подобных случаях. Надо лишь затылочно-плечевую зону смочить перекисью водорода и интенсивно массировать.

– И что, помогает? – иронически поинтересовался он.

– Да, – заверил я его. – Хочешь попробовать?

– Ты, верно, шутишь? Перекись водорода же в ракетном топливе используется!

– Так-то ж в твёрдой фазе! – с видом знатока ответил я.

– Ох, пудришь ты мне мозги, Антош! – в его голосе зазвучало недоверие.

Я хотел, было, ему возразить, но получил неожиданную поддержку от нашей черноглазки.

– Ребята, мальчики! – призвала нас к порядку Влада. – Спорить будете потом и по другому поводу. Я верю тебе, Антоша, – благосклонно обратила она на меня свой взор. Её взгляд при этом излучал невысказанную симпатию ко мне – у меня аж, как бальзам на душу вылили. Мишка перестал подначивать меня и, наклонившись к Владе, что-то ей опять прошептал.

В общем, у нас наступила пауза в обсуждении этой захватывающей темы. Влада, между тем, сама (!) предложила мне помассировать затылок и шею. Ну, вы представляете, как реагировало моё интоксифицированное сознание на её прикосновения! Я забыл и про голову, и про шею, и про тот Знак на горе. Это был такой расслабон, что я блаженно закрыл глаза в неге, сидя на стуле на кухне – там Владе было удобнее делать мне массаж.

Мишка сидел рядом за кухонным столиком и с довольным видом смотрел на меня. Открыв глаза и перехватив его ухмылку, я и сам улыбнулся в ответ, и ему, и Владе. – Ну, как, полегчало? – спросил он участливо, но всё так же с какой-то лёгкой иронией в голосе. Я не стал обращать внимание на его ироничный тон и серьезно ответил, что Влада прямо вернула меня к жизни.

– Ещё бы, – ответил Мишка. – У Влады скоро будет второй диплом. Она у нас учится на врача— специалиста по акупунктуре и всяким этим восточным массажным премудростям. И работает, кстати, пока массажисткой в лечебном Центре. Я и попросил показать на деле её искусство тебе. Мне не оставалось ничего, как кивнуть ему, а потом и Владе, с благодарностью. – А первый диплом у неё, – добавил он с хитрецой, – не падай! Учитель истории!

Мишка сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Обалдеть! – только и смог выговорить я.

– Ну, да какая она там учительница! Влада слишком независимаz, чтобы её кто-то поучал и контролировал в рамках школы, да ещё за те деньги, что ей там платили! И слишком молодая, и красивая.

Он окинул самодовольным взглядом её фигуру:

– Моя девочка. И потянулся к Владе, чтобы поцеловать её, но Влада увернулась, показывая ему взглядом, что она занята.

– Ну, и что ты думаешь? – продолжил Мишка, самодовольно глядя на свою красотку. – Она уволилась и радикально поменяла свою профессию!

Но для меня эта информация о её неудачном учительском опыте ничего не значила – я был рад в этот момент, что, к счастью для меня, она поменяла свою профессию – волшебные прикосновения её пальцев были бы для меня такими же чудесными, даже, если бы она работала, скажем, простой уборщицей в школе…

Мы опять прошли в гостиную и сели на диван. Пока нас не было здесь, экран телевизора отключился, сэкономив Мишке пару рублей в его счёте за электричество. Он опять включил его через пульт и, усевшись, на этот раз, между мной и Владой, определил следующую тему нашего разговора.

– В свете этой новой информации, которая представляет интерес для нашего московского гостя, я предлагаю внести корректировку в планы его дальнейшего отдыха, – начал он, как на совещании. – Если возражений нет, – продолжил он, обращаясь ко мне, а затем к Владе, –

то Ливадия, пока, отменяется, как и поездка в Алупку и Симеиз. Мы съездим туда позже на неделе. А завтра мы едем все вместе в Партенит, к Олегу. Ну, и заодно, наш москвич, – тут он подмигнул мне, – ознакомится с тамошними достопримечательностями и совершит морскую прогулку вокруг Медведь-горы, и посетит местный пляж. Возражений нет? – он посмотрел на нас обоих. – Возражений нет! – утвердил он моё невысказанное желание поехать в Партенит. – Да, и чуть не забыл! К тому же, у тебя будет возможность поискать там твою Веронику!

Он подмигнул мне и посмотрел на свою красотку. Влада улыбнулась понимающе и кивнула головой, и они опять о чём-то зашушукались, почти не обращая на меня внимания и, более того, Мишка, извинившись, пошёл с ней опять на кухню, сказав, что поможет ей приготовить ужин.

– Какой там ужин? – подумал я. *Мы же только что поели, а потом до меня дошло, что Влада действовала обжигающе-горячо не только на меня… Ну, да, ладно. Понятное дело,* – и подумал опять о Веронике.

– Значит, он ей уже рассказал о Веронике? Она даже ничего не спросила меня о том, кто это? Кто бы сомневался! Я же не брал с него слова ничего не говорить Владе о моей сероглазке! Насколько же они были разные с ладой и, при этом, красивые по – своему. Так что, мне следовало бы не пялиться на Владу, а думать о Веронике. Так будет лучше для меня, и для нашей дружбы с Мишкой.

Мои мысли переключились на моего другана. Его манера общения и то, как он разговаривал и вёл себя, словно мы не выпили вчера столько бухла, вследствие чего я оклемался сегодня, чуть ли ни к трём часам дня только после его таблетки, удивляли меня.

– Я был в таком дауне полдня, а Мишка, как ни в чём ни бывало, встал бодрячком, пообедал, съездил в офис, поработал там, да и к Владе съездил, и они там ещё наверняка…, – я остановил нить своих рассуждений. *В общем, молодец, что и сказать*. Мне по этой шкале выносливости “алкотестера” далеко до него…

В нашем разговоре наступила, так сказать, техническая пауза. Я сидел на диване и прокручивал через дистанционный пульт десятки красивых, видовых снимков, записанных на Олеговой флешке. Честно говоря, меня так заинтриговала тема, связанная с Медведь-горой и всеми этими анормальностями, что мне не терпелось хоть сегодня отправиться туда. Правда, ехать на ночь глядя было ни к чему. И ещё – меня смутно преследовал образ Вероники. Даже смотря все эти красивые сочно-цветные виды, я думал о Веронике.

– Кто же она? Где же мне искать её в Партените. Это же целый город! Как же самонадеянно я рассчитывал найти её там за пару дней! Да там неделю, наверно, нужно будет провести, чтобы увидеть или встретить её где-нибудь случайно на улице или на пляже, как я рассчитывал ранее… Периодически вспоминал её профиль, невольную улыбку, которую она мне подарила на прощание, выходя из автобуса… Может, завтра я вдруг каким-то чудом увижу её там?

На кухне, между тем, слышались какие-то звуки открываемого крана с водой, стук ножа о твёрдую доску, хлопки двери холодильника – *похоже, Мишка и вправду что-то помогал готовить Владе?* – с удивлением подумалось мне.

После некоторого затишья на кухне, они вышли, наконец, в гостиную и первым делом он сказал, обращаясь ко мне, что здесь так жарко.

Я пожал плечами, улыбнувшись, думая о своём, смотря на его и впрямь какое-то раскрасневшееся лицо. Влада, словно забыв что-то на кухне, вышла из гостиной и вернулась через минуту с подносом, где на большой тарелке виднелась нарезанная колбаса, сыр и кусочки ржаного хлеба на шпажках, который она поставила на журнальный столик. Михаил тем временем подошёл к окну, выходящую на северную часть со стороны гор, над которыми уже склонялось к закату солнце, поливая своей лучистой энергией город и его окрестности.

Не знаю, был ли сегодня местный температурный рекорд, но кондиционер в гостиной Мишки, работал не покладая своих холодильных сил, поддерживая комфортные +22 в комнате. Михаил задёрнул полупрозрачную штору, сквозь которую проявился лик солнца с приглушенным огненным ореолом – ну точь, в точь, как тот Знак на скале… Я обратил внимание моих друзей на это несомненное сходство, и они сказали, что я – молодец. Во всяком случае, нам действительно стало всем ясно, что это был некий знак Солнца, который кто-то или что-то нарисовало или "распечатало" на крутом боку скалы. Мы все опять были в "теме" и у нас затем возникла дискуссия о том, мог ли этот знак быть действительно нарисованным каким-нибудь чудаком-альпинистом, которому удалось забраться на эту 30-метрову скалу, чтобы из чудачества или самоутверждения, взять и нарисовать этот "золотой знак" на этой недосягаемой для непрофессионалов, высоте.

Едва начав обсуждать это предположение, мы тут же сами нашли столько контраргументов против этой теории, что не стали дальше заморачиваться с этой, вначале, правдоподобной идеей. И в самом деле – ну, какой альпинист?! Забираться туда с бочонком краски одному или даже в компании сподвижников, было нереально сложно, а главное просто не имело смысла. Если бы это делалось в целях рекламной акции, с привлечением дополнительных сил и помощников, это можно было бы ещё как-то объяснить, и понять, и сделать. Об этой акции в таком случае, узнали бы местные жители, или те же владельцы моторных лодок— пёхом, по крутой тропе сверху, с альпинистским снаряжением и банками с краской, спуститься сюда трудновато – а по воде – без проблем. Ведь эта скала, по словам Олега, стоит на диком пляже, возвышаясь на сорокаметровую высоту почти неприступной стеной. Крутые скальные склоны здесь покрыты колючим кустарником и кустами, перемежавшихся с участками каменных оползней. И спускаться вниз, таща с собой бачки с условно-рубиновой и золотой краской, не представлялось возможным. Ну, а выше этой скалы находились крутейшие склоны, и пройти оттуда вниз было тем более невозможно, если только не использовать для этого вертолёт, подготовленную команду и спецназовское снаряжение.

Таким образом, мы утвердились в мысли, что подняться на эту скалу можно было лишь с пляжа.

– Ребята, нам надо самим, на месте, подняться туда или, хотя проверить возможность подъема наверх, – предложила Влада.

Мишка оценивающе посмотрел на свою подругу и застрял взглядом на её лице, причём он делал так все чаще и чаще в ходе нашего разговора и я, словно ревнуя его к Владе (*глядя в её чёрные, завораживающие глаза, у меня у самого, невольно возникало какое-то смутное томление и желание смотреть на неё*), перевёл внимание Мишки на себя.

– А что, если, кто-нибудь выстрелил туда, наверх, как в пейнтболе, краской?

– Не получится, – уверенно ответил Мишка. – Обрати внимание, что это золотое пятно чистое, на нём нет никаких красных пятен, которые бы неизбежно попали в таком случае на этот знак. – *Да, он прав,* – подумал я, – следы рубиново-красной краски, или что там было, аккуратно шли вокруг золотого пятна. Так что предложение Влады было более, чем уместно. Естественно, что я поддержал её идею. Мишка тоже не возражал, и мы решили, что надо будет на моторной лодке сходить к этой скале завтра.

– Или, послезавтра, – сказала Влада.

– Почему послезавтра? – недоумённо спросил я.

– Там, вроде, на море с вечера пошла "низовка", – пояснила она, – эта "низовка" может длиться несколько дней. Море в эти дни беспокойное и может слегка штормить. Перспектива шторма на море меня никак не устраивала.

– Так ведь, вчера же море было таким спокойным, прямо ласковым! – протянул я.

– Да здесь такое часто бывает— "низовка" и "левант" сменяют регулярно друг друга— проговорила Влада, – я опять окунулся в обворожительную глубину её глаз.

– Низовка", это, по— научному, "апвелинг", – пояснил мне Михаил.

Он явно хотел поразить меня, неискушенного в местных реалиях, москвича, знаниями особенностей Черного моря и, оторвав мой взор от Влады, продолжил.

– Это когда к поверхности поднимаются более глубокие холодные и солёные водные массы из-за сгона воды юго-западным ветром. Это явление ученые называют "апвеллингом". Так что, наша "низовка" может кратковременно понизить температуру прибрежных вод на 10–15°. И, такое случается у нашего побережье 2–3 раза за лето и длится порой по 3–4 дня. Если хочешь, я тебе кое-что об этом расскажу из своей практики.

Мне всё было интересно, и я согласно кивнул головой. И мои друзья рассказали мне особенности местной погоды, розы ветров, смены течений и мы явно отвлеклись от главной темы нашего разговора, пока Влада не напомнила нам затем, о предмете нашего разговора.

На улице, вроде, потемнело, и я даже не заметил, когда кто-то из них включил свет в гостиной.

Естественно, что мы не сидели до этого всё время, как приклеенные, к дивану. Влада периодически выходила на кухню, чтобы сварить им кофе (я не люблю кофе – оно слишком бодрит меня). Так что она заваривала для меня пару раз какой-то целебный чай из крымских трав с чабрецом, который я с удовольствием пил с инжирным вареньем. И мы выходили, также, несколько раз, еще, когда было светло, на балкон, где у Мишки стоят удобные табуретки у маленького столика, где он курил кальян (вот же сибарит!). Влада, морщась, уходила вместе со мной в гостиную и, пока Мишка курил там, я, пользуясь его временным отсутствием, задавал Владе интересующие меня вопросы о Горе, ответы на которые мне было интереснее и приятнее получить именно от Влады, "купаясь" в её глазах.

Мы опять вернулись к обсуждению этого загадочного "Знака", когда Мишка вдруг спросил Владу, а не могло ли быть такого, что Алик просто не замечал этого рубиново-золотого пятна раньше, и увидел его только на днях? И Влада пояснила, что, по словам Олега, он почти каждую неделю по субботам или воскресеньям поднимается вверх на поляны Аю-Дага к местам Силы, совершая затем пробежки по тропе Раевского в её ровной части со своей овчаркой— собакой. А этот знак увидел то ли в эту среду, то ли в четверг.

– А что за тропа? – поинтересовался я.

– Э, братан! Как же тебе повезло с нами! – улыбнулся Мишка, хитро глядя на меня и сказал, что он, когда впервые поднялся по ней наверх, был буквально ошарашен открывшимися сверху видовыми площадками незабываемых ландшафтных пейзажей южнобережья и новизной впечатлений знакомства с Медведь горой.

– Правда, это было давно. Я тебе даже немного, вроде, завидую, что ты сможешь всё это увидеть впервые! Там так здорово! Если что, я тебе и расскажу, что знаю, и помогу.

– Да, – поддержала его Влада. – Виды там потрясные. А вот, чтобы добраться до тех видовых площадок придётся попотеть, – посмотрела она на меня своим чарующим взором.

– С непривычки, Антош, ты там, наверно, выдохнешься после первых двадцати минут подъёма, – вставил свои "пять копеек" Мишка, заметив кокетливый взгляд Влады ко мне.

– Да ещё по жаре, – продолжала Влада. – Тем более, идя следом за Олегом. Он, как лось, попрёт вперёд за своей собакой.

– Это, какое же здоровье надо иметь, чтобы с собакой по горам бегать! – восхитился невольно я.

– Да, Олег у нас выносливый, – смеясь, сказала Влада. – Он и в университете был лучше всех по физподготовке на своем курсе.

– Да, что, ты, заладила опять о нём! – не выдержал Михаил. – Больше, что, не о чем говорить?

– Ну, так вот, – проигнорировала Влада ревнивый комментарий Брагина. – Если ты захочешь узнать у Олега что-нибудь об истории Крыма, Партенита, не говоря уже о Медведь-горе, –

она опять посмотрела на меня, улыбаясь своими чарующими чёрными глазами, – и, ***если*** он потом разговорится, будь готов слушать его не перебивая и следовать за ним, как Сэм за Фродо…

– Бери круче! За Гэндальфом, – подхватил Мишка, иронично улыбнувшись (*это они на тему из "Властелина Колец" понял я*). – Антон же не хоббит-полуросли́к, хотя, – он взглянул на меня, – пониже Олега будет. Да… Тренированный мужик, что говорить, жилистый и крепкий, – он повернулся к Владе и, увидев её какую-то непонятную улыбку, как у Моны Лизы, не сходившую с её лица, нахмурился, словно ему что-то не понравилось в её поведении. – Хотя и чудаковатый, – закончил он с каким-то внутренним подтекстом свою краткую характеристику этого Олега, смотря на свою подругу. Её улыбка Джоконды ему была чем-то, вроде, неприятна.

– Да нормальный он парень, – заступилась Влада за этого неведомого мне их партенитского друга. – Ну, хобби у него такое! Мы там как-то поднимались с ним, – и она запнулась, увидев, наконец, эмоциональную реакцию на Мишкиной физиономии.

– Давно…, – скомкала она концовку предложения, заметив, наконец, что он уже давно хмурился от её дифирамбов Олегу.

– А какой Раевский? Тот самый, герой войны с Наполеоном? – спросил я, устремляя наш разговор в новое русло, и как оказалось, речь шла именно о Николае Раевском, участнике войны 1812 года и его бывшем имении – большом наделе земли прямо у склона Медведь горы со стороны Партенита. Но тропа, о которой они говорили, была проложена не им, а его внуком – полным тёзкой своего славного деда.

Мои друзья вкратце рассказали мне о судьбе этого внука, последнего владельца лесистого участка с ранее "бесхозной" частью горы, где благодаря совместным с его матерью усилиям часть горы была облагорожена высадкой декоративных растений и кедров. А главное – проложена благоустроенная тропа, вернее, гравийная дорога, которая шла наверх к видовым площадкам на краю головокружительных обрывов. А сам внук, словно лермонтовский герой из аллегорического стихотворения "Парус"

– *а он мятежный просит бури, как будто в буре есть покой* – и в самом деле, нашёл этот вечный покой в бурном лихолетье сербско-турецкой войны, сложив свою молодую, в общем-то, голову, в 1878 году, сражаясь за славянофильские идеалы освобождения южных славян от турецкого владычества.

Влада – начитанная девушка (*она же закончила, по словам Мишки, вроде, истфак)* даже прочитала мне это самое стихотворение, и я вспомнил, что учил этот стих ещё в школе.

Услышав печальную историю гибели этого отважного патриота России, отдавшего жизнь за такие благородные идеи (*но бессмысленные, как оказалось в будущем, по моему мнению, в свете новых реалий, сложившихся в Европе)*, я никак не мог согласиться с его решением воевать за их свободу или вообще, за свободу тех же болгарушек и южных славян, и пожертвовать за это своей жизнью.

– *Ну, сам бы я никогда бы не пошёл на это без особых причин. Может, у него и были такие, личные, причины?* – неожиданно подумалось мне. – *Э-эх,* – сетовал я про себя, – *знали бы те наши прапрапрадеды-солдатики российские, какими оказались неблагодарными болгарские потомки тех братушек, за которых отдали жизни сотни тысяч наших солдат и офицеров! А вот сербы и сейчас признательны россиянам.*

И неважно, что это всё имело место в других исторических реалиях в прошлом – я прямо – таки чувствовал сейчас ту незримую связь наших поколений. Тем более, что сербы по—прежнему нуждались в нашей помощи и сейчас, в нынешней политической обстановке. Главное – они помнили о той давней жертвенной помощи от России, и её отважных сынов.

– *Болгарские-то "славянушки" просто предали память тех россиян, погибших за них в те Балканские войны с турками… Да… давно это было. Хотя в новых реалиях и мы сами с турками сейчас чуть ли не союзники кое в чём.…*

– И та дорога, которую обустроил молодой Раевский на Медведь-горе, – слушал я словно издалека голос Мишки, – донельзя запущенная и уже почти непроходимая для транспорта, ведь раньше позволяла ехать чуть ли не в каретах до видовой площадки над морем.

– А ты там был с Владой? – поинтересовался я неожиданно, перебив его.

– Да нет! – ухмыльнулся Мишка. – Это же давно было! – сострил он, но его шутку никто не поддержал, и в продолжение темы сказал:

– Ну вот завтра и сходим все вместе пешком, моя Шехерезада, там, где баре на каретах ездили, – с довольным видом посмотрел он на свою чаровницу и, увидев, что я невольно опять застыл взглядом в её глазах, повысил голос, обращая на себя моё внимание:

– Ну да ладно. Хватит пока об этом говорить. Мы, кажется, отвлеклись от нашего "золотого символа" с твоими историями о пробежках Олега по тропе Раевского, – взглянул он с "подтекстом" на Владу.

– О, султан моих грёз, – начала, было, она их очередную интермедию, но я поспешил спросить её об упомянутых ею местах Силы на горе, и тут она, заметив ревнивый взгляд Михаила, не стала говорить со мной на эту тему, сказав, что о Медведь-горе можно рассказывать хоть до глубокой ночи.

– И всё равно у тебя, Антон, будут всё новые и новые вопросы, – она, вроде, как закончила наше обсуждение олеговского "Знака".

Мне стало ясно, что наш ревнивый Мишаня сбил её настрой на продолжение темы о горе. Пользуясь наступившей паузой в нашем разговоре, он собрался пойти покурить на балкон и позвал меня с собой постоять там с ним.

Взглянув на зашторенное окно, а потом на часы в углу комнаты, Влада воскликнула:

– Мальчики, а вы знаете, сколько уже времени?!

Занятые нашим обсуждением этой интереснейшей темы, мы заговорились, не замечая наступления сумерек за окнами. Я взглянул на свои часы – оказывается, уже было около девяти вечера. В комнате у нас было светло, а за пластиковыми стёклами гостиной, закрытых матерчатыми жалюзи, уже наступила темнота, расцвеченная сотнями светлых окошек из домов через речку на Киевской улице и многочисленными фонарями уличного освещения.

Мишка предложил мне выпить кофе с "мензуркой" коньяка и перекусить в лёгком ужине с бутербродами с сырокопченой колбасой и сыром – нашем мини-фуршете, о котором мы все забыли, увлечённые разговором. Поднос с едой так и стоял одиноко на журнальном столике, не заметный на фоне раскиданных там каких-то глянцевых журналов.

У меня проснулся аппетит и я съел, не церемонясь, всё, что было выставлено для угощения на том столике, благодарственно кивая Владе головой (*она с улыбкой наблюдала за тем, как я лихо уминал остатки еды на столике*) и выпив кофе, но без мишкиного коньяка, я опять заговорил на тему о "Знаке", загадках Медведь-горы и мы просмотрели затем оставшиеся короткие видеосюжеты, скачанные Олегом для Влады на этой флешке.

Было уже начало одиннадцатого, когда Брагин опять захотел уединиться с Владой на кухне, но она мягко, но твёрдо сказала ему, что ей нужно идти домой на Ломоносовскую улицу. Конечно же, мы пошли её провожать и, заодно, прогуляться по набережной, провожая до дома нашу очаровательную спутницу. Она жила, по словам Михаила, в районе овощного рынка у Спартака и пояснил, что "Спартак"– это бывший ялтинский кинотеатр. А теперь там "Столовая по-домашнему", – он проговорил это с таким сожалением в голосе, что мне стало ясно, что с этим кинотеатром у моего друга связано немало ностальгических воспоминаний…

Мы быстро собрались и выйдя на улицу, я тут же почувствовал разницу между комфортными +22 в Мишкиной комнате и + 28! на улице. И это вечером!

Влада жила в районе "Спартака" и нам предстояло пройти по всей набережной и дальше, чтобы дойти до её дома. По ялтинским масштабам это было далековато, а вот по московским – прямо рядом.

Перейдя по узенькому, железному мостику через речушку, разделявшую Московскую от Киевской улицы, прошли по пешеходной аллее к “Советской” площади и, не задерживаясь, направились к подземному переходу, где нам неожиданно повстречались там двое энтузиастов— неумех: один плохо играл на гитаре, а второй также безыскусно, но очумело, колотил по импровизированному барабану из большой плотной коробки. Они, судя по их виду и поведению, отчаянно нуждались хоть в каком-нибудь заработке и любом благодарном зрителе, пусть и с тощим кошельком.

Увидев нашу длинноногую диву, они восторженно удвоили свои попытки подзаработать под занавес их трудового вечера, прося, затем, оценить их выступление. К моему удивлению, Влада снизошла до их столько громко выказанной просьбы и дала им затем двести рублей, попросив не шуметь и больше так не играть.

Парни долго благодарили, глядя ей вслед и, похоже, закончили свой балаган, получив хоть какую-то деньгу’.

Выйдя по ступенькам наверх – отсюда было рукой подать до большого, белого здания местного Почтамта на углу пощади— мы оказались, собственно, на набережной. Несмотря на позднее для местных жителей время, здесь было полно гуляющей публики и, что меня удивило, много детей дошкольного возраста.

Видя моё удивление, Влада сказала, что сегодня же воскресенье, и нам приходилось, лавируя в скоплении людей, потихоньку двигаться в нужном направлении и вскоре мы уже пробирались чуть ли не в людском половодье и неожиданно затормозились в районе ТРЦ под названием “Фонтан”.

По словам Мишки, внутри этого красивого, недавно открытого 5-и этажного торгового центра был настоящий фонтан, который исторически находился на этом месте еще с 50х годов. Напротив этого ТРЦ растет большой платан, дающий днём прохладу публике, а вечером служа своеобразной музыкально-развлекательной площадкой.

Так вот, у этого платана мы увидели очередное собрание зевак, закупорившей неторопливое шествие праздной публики. Оттуда, из-за спин собравшихся, неслись громкие ритмические звуки ударника и пронзительный стон соло-гитары какой-то самодеятельной группы, игравшей рок-музыку.

Подойдя к толпе, я узнал, что это группа приехала из Севастополя, называет себя “Курага” и они уже почти неделю в Ялте, бесплатно выступая здесь по вечерам. Вот это было настоящее шоу! – мы были просто очарованы их выступлением, особенно голосом их молодого вокалиста с длинными русыми волосами. Они реально классно играли и мы, без всяких, уговоров или просьб о помощи артистам, дали девушке-помощнице, обходившей по кругу собравшуюся публику, по 500 рублей.

Слушая отличный вокал молодого парня из “Кураги”, мы простояли под платаном почти до половины одиннадцатого вечера, когда эти ребята ушли на перекур, который затянулся, и Влада предложила нам идти дальше.

Мы пошли дальше, разговаривая об этих талантливых ребятах и об уровне уличных исполнителей на набережной. Хорошее, классное выступление заслуженно-денежно вознаграждается ялтинской публикой.

Кстати, выступления российских исполнителей, вроде Григория Лепса, Земфиры, Стаса Михайлова, не говоря уже о заграничной Лободе, и короле нашей эстрады Филиппе Киркорове, пользуются просто огромной популярностью у местной и отдыхающей публики, приехавшей сюда из всех уголков России. Другого шанса увидеть и послушать вживую знаменитых исполнителей, дающих здесь всего один концерт, у подавляющей части публики никогда и не будет, а Ялта предоставляла возможность свиданий с подобными артистическими знаменитостями почти каждый вечер!

– Да и концерты других популярных исполнителей, старых звезд второй величины типа Агутина и компании идёт здесь также при полном аншлаге. А в августе, когда людей здесь приедет ещё больше, так просто каждый день выступают супер— звёзды нашей эстрады! Ведь Ялтинский "Юбилейный" зал – это как Знак Качества для артистов – менее известных исполнителей сюда просто не приглашают, – пояснил Михаил.

– Знак! – вдруг выкрикнул я, удивляя его.

– Ты это о чём? – воззрился он на меня, останавливаясь.

– Тот "Знак" в Партените!

– Что с ним? – опять не понял Мишка.

– Да то, что это Знак для тех, кто знает! Имеет скрытый подтекст, обозначая место встречи.

– На той скале?

– Не обязательно! Может, место встречи в условленном месте где-нибудь на Горе после появление этого условного Знака!

Мишка, наконец, понял, что я имел ввиду и хлопнул меня по плечу, сказав, что "в этом что-то есть" и, догнав Владу, которая шла дальше вперёд, объяснил ей, в чём дело. Она не заметила нашей заминки в движении и, узнав в чём дело, мило улыбнулась мне со словами "Умничка!" Ну, а потом, Мишка вернулся к своим наблюдениям о реалиях ялтинской набережной, её жизни, как и города в целом, идя и говоря мне о том, что я, как *new kid in town*, сразу и не замечу, и не пойму.

Вчера ночью, идя не-зная-куда по ночному городу из того "арт-кафе", где мы так славно посидели с Владой, а потом и вдвоем с Мишкой, я почти ничего не помнил, где мы шли тогда, и не видел вот такого ночного, людского половодья, которое, очевидно, схлынуло и исчезло с набережной ближе к полуночи.

По его словам, к вечеру вся курортная жизнь сосредотачивалась здесь, стекая людскими ручейками со всех сторон города, на призрачно-освещённую набережную. И, пока все обычные, местные, жители после трудового дня и недолгого вечернего отдыха и занятий своими насущными, повседневными делами, готовились ко сну, здесь, на набережной, как на местном Бродвее, празднично – одетая публика выходила и собиралась в широкую людскую реку, оккупировавшую набережную ежедневно в период с 19 по 23 часа ночи каждый погожий вечерне-ночной период в курортный сезон. Ну, а поскольку в июле погода всегда хорошая, если только не идет дождь или не дуют ветра' с моря, эта картина праздничного, прогулочного выхода-хождения по набережной с целью посмотреть на других и себя показать, повторялась в той или иной вариации почти каждое вечерне-ночное время. Состав публики менялся здесь почти ежедневно ввиду убытия одних граждан по окончанию срока их отпуска и прибытия на отдых новых туристов – естественная замена и обновление их рядов проходило незаметно для самой публики. И, периодически, в Ялте появлялись шикарные блондинки, которые также быстро и исчезали, как белые красивые бабочки в ночи…В вечерне-ночные заведения Ялты— кафе, рестораны, бары и питейные заведения шли внешне всё те же курортники, чьи лица и отдельно-запоминающиеся девушки, проходили бесконечно-меняющееся пёстрой массой для местного персонала всех этих заведений.

Пользуясь этим постоянным, сезонным обновлением, как рыбаки в путину, местные "промысловики" общепита и питейного бизнеса торопились завлечь в сети своих ресторацией всё новых и новых клиентов, готовых выложить за свой заслуженный и долгожданный отдых значительные средства, которые они, собственно, копили весь трудовой год, готовясь к их трате в отпуске. Находясь здесь, они были готовы выделить и потратить— щедро или прижимисто – на все эти свои увеселения в городе, который заслуживал и требовал от них ежедневно соответствующих дневных и ночных расходов. И неважно, хорошо ли готовят, обслуживают или привечают клиентов в местных многочисленных торгово-развлекательных

заведениях и в сфере питания этого южного города. Вся эта праздная здесь публика, постоянно меняясь в своем составе, представляла собой подобно безликой, разносортной рыбе, идущей на нерест в сети рыбаков в путину, денежную клиентуру, "мечущую" деньги, охочую до развлечений в курортный сезон, длящийся в Ялте с мая по октябрь каждый год, с небольшими вариациями, в зависимости от погоды. И пик этого сезона "прихода" отпускников в Ялту приходится на конец июля – середину августа, когда пришлый народ заселяет всё что можно на ЮБК, включая все её окраины и городские поселки, относящиеся к Большой Ялте.

– Ну, а, вообще, так называемая Большая Ялта включает в себя как минимум с десяток населённых пунктов на побережье, таких, как Ливадия, Гаспра, Мисхор, Кореиз, Алупка, Симеиз, Кастрополь, Форос, с той стороны, – Мишка манул рукой в сторону Ласточкиного гнезда, – и Большой Массандры, Никиты и мелких населённых пунктов вплоть до Гурзуфа. А сама Ялта разрастается от побережья вверх на холмы и предгорья. Что же будет здесь, – обвёл он рукой пространство вокруг себя, – через 100 лет?

– *Хороший вопрос,* – подумал я философски про себя, понимая, что здесь, конечно же, всё изменится со временем. В лучшую, или в худшую сторону – это, уже, другая тема…

Идя дальше по удивительно многолюдной в это позднее время набережной, Михаил много чего порассказывал мне об её прошлом и нынешнем облике с её всевозможными ночными заведениями. Он же, как местный, знал все эти реалии дневной и ночной жизни его родного города. Влада по большей части молчала, слушая наш разговор, идя с ним под руку.

Было очевидно, что пользуясь наличием этого периода массового заезда приезжих (почти как миграции лосося в реку образно пошутил он), в Ялту шёл и невидимый поток иной категории граждан, которые хотели и имели неплохие возможности получить свой кусок праздничного пирога с праздной публики, отдыхающей на набережной. К ним относились, как всевозможные воровские гастролеры (но это – отдельная тема), так и добропорядочные граждане, которые за счет своего искусства, умений, каких-либо музыкальных или артистических талантов или отчаянного энтузиазма, могли попробовать раскрутить публику на деньги. К этой когорте тружеников имели отношение, как молодые ребята, которые в костюмах зверушек, котов, зебр, лошадей и т. д., честно отрабатывавшие свой заработок днём и вечером, ходя в жарких, потных, плюшевых костюмах, раскручивая публику на фотографии с ними, так и многочисленные самодеятельные певцы и, талантливые и не очень, музыканты и исполнители всех мастей.

Их было реально много на таком ограниченном пространстве набережной около полутора километров в длину, соглашался я с наблюдениями моего ялтинского друга: молодых и не очень-скрипачей, баянистов, аккордеонистов, трубачей, саксофонистов и даже какого-то затесавшегося сюда дедка – "щирого" хохла с оселедцем, одиноко перебиравшего струны на своей огромной домбре, а также фокусников – по большей части мнимых – я вспомнил мою вчерашнюю предвечернюю прогулку с Мишкой по Ялте. И, в конце этих честных и не очень, самодеятельных тружеников, стояли нищие и бомжи, которые тоже рассчитывали на свою краюху подаяния от щедрой ялтинской публики…

Пару раз нам встретились здесь группы ребят— поклонников хип-хопа, собиравших под свою ритмическую музыку и акробатические "па" большие толпы народа, стоявшего, как запруда на стремнине, мешая обоестороннему движению людского потока на набережной.

Свернув с освещённой части набережной по ступенькам к морю, мы немного не дошли до огромной, красиво изогнутой сосны, видневшейся впереди нас дальше по набережной. Красиво подсвеченная белыми, призрачными светодиодными шарами, она невольно привлекала к себе внимание, склонившись поперёк улицы, опустив свой ствол с огромной пышной ветвью на белое здание трёхэтажной гостиницы напротив неё.

Сойдя вниз к зоне причалов, пошли затем в полутьме мимо полуразрушенных причалов, призрачно-освещённых лунным сиянием, заглушаемым ближе к набережной неярким светом

желтоватых фонарей. Пройдя дальше мимо часовни, красиво-рельефно подсвеченной жёлтым светом на фоне чёрного неба (*здесь были вчера*), мы очутились на берегу "дикого" пляжа у длинного, высокого причала для катеров.

Здесь было пустынно и тихо, и у кромки спокойного моря сидело на камнях несколько молодых пар, негромко разговаривавших и любовавшихся ночным морем, огромной жёлтой луной с призрачно-светящейся дорожкой над ним и слева – красной дорожкой от фонаря маяка, смутно белевшего на моле вдали прямо напротив этого необустроенного пляжа.

Идя рядом с Михаилом и Владой, которые держались, как влюблённые за руки, я невольно завидовал своему другу.

Когда же, наконец, и я сам смогу вот так пройтись с Вероникой?

Мишка, видя, что я загрустил, словно поняв мои мысли, прервал, наконец, свои воркования с Владой (*видно, вечером, он вместо кофе наливал себе коньяк),* предложив мне взять Владу под руку, уступая место рядом со своей красавицей.

И шёл рядом с другой стороны, "контролируя" обстановку, разговаривая, в основном, со мной. Влада, по большей части, шла, молча, смотря на спокойное ночное море, периодически останавливаясь и почти не участвуя в нашем разговоре, смотря в черноту ночного моря, где периодически возникала и пропадала искрящаяся призрачным светом лунная дорожка.

Луна время от времени затягивалась полупрозрачной, а, иногда и тёмной вуалью редких облаков, и тогда здесь, в плохо освещённой части нижней набережной у моря, становилось ещё темнее, словно скрывая нас в какой-то романтической темноте, нужной, наверное, влюблённым, и таким, как я, мечтательно-созерцательному, молодому человеку, томимому неясными мыслями о любви, идя с такой красивой, молодой девушкой, как Влада.

Не знаю, что на меня нашло, но мне хотелось сейчас прижать её к себе, и я порой просто уговаривал себя не глупить и не думать о её такой неожиданно-волнующей для меня красоте. Мишка, словно не замечая её присутствия с нами, не втягивал Владу в наш с ним разговор, отвлекая на себя моё внимание и я, досадуя на него за его излишнюю сейчас для меня разговорчивость, поддерживал внешнюю видимость моего оживленного разговора с ним. Влада не мешала Михаилу в его дружеском общении со мной и, идя со мной под руку, была немногословна, благосклонно давая ему возможность чувствовать себя хозяином положения в нашей маленькой, дружеской компании, смотря, по большей части, в сторону моря на лунную дорожку.

Идя с задумчиво-молчаливой Владой, я невольно поддался её настроению и тоже, потом замолчал, постепенно перестав отвечать на Мишкин лёгкий трёп, и шёл, молча, бережно ведя под руку мою прекрасную спутницу, стараясь не думать о её чувственной красоте, и неожиданно для меня самого, мысли о Веронике, такие несвоевременные для меня сейчас, наполнили моё сознание. Её нежный образ, возникший словно наяву перед моими глазами, как-то охладил невольное влечение к роскошной Владе, и мне стало так грустно на душе – *как же хорошо мне было бы сейчас с Вероникой, если бы, найдя её, я бы смог вот так, как те молодые люди, или как Миша с Владой, гулять, отдыхая с ней здесь. Идти с моей "белоснежкой", вот так, как сейчас, по ночной набережной, любуясь красотой южнобережья, вдыхая в себя запахи моря, тамарисков, сосен и кипарисов, восхищаясь картиной звёздного неба на фоне пальм, и чувствуя в себе какое-то умиротворение, без дневной суеты и спешки, в своём единении с природой и романтическим притяжением любви к ней, но ещё большее, к сероглазой Веронике…*

Эти щемящие душу размышления бередили мою душу, наполняя меня неосознанным любовным томлением. Были ли бы мои мысли созвучны душевному настроению этой девушки, если бы она, вдруг, была бы со мной рядом, здесь и сейчас? В какой мере всё это было бы для неё таким же необыкновенным и упоительно-новым, как и для меня? Да, я хотел любви, и быть любимым. Этой девушкой… Не зная совершенно ничего о ней.

– *Прямо, наваждение какое-то*, – мелькнула у меня в голове неожиданная мысль. Я провёл ладонью по волосам, словно пытаясь прекратить поток этих уже каких-то навязчивых мыслей.

--Горбоносый высокий человек восточной внешности хищно улыбнулся, смотря невидимо со стороны на молодую пару и их спутника, медленно шедших в темноте по нижней набережной…

– Мой дорогой Друг Дэл'шед. У нашего молодого влюблённого наступил период "лунной" романтики. Не переусердствуй в его любовном влечении к Веронике. А не то он вместо Апотрея будет искать эту девушку…

– Не беспокойся, дорогой Друг Аб'бас. Джин'нан уже в курсе. Наш будущий Друг найдёт Его вместе с моим Кандидатом. И дальше примет решение на месте.

—И пообещал сам себе, что не буду тянуть с её поисками, а при первой же возможности, оказавшись в Партените, отправлюсь искать её, и словно успокоившись, приняв это решение, повеселел, упоённо вдыхая ночной свежий воздух, обозревая над собой огромное бездонное пространство бархатно-чёрного неба с группкой редких облаков, подсвеченных ярким лунным светом – я на Юге!

Ялта была прекрасна, как чёрная жемчужина в блёстке оправы раскинувшегося над ней бездонного ночного звёздного неба, освещённая огромной Луной, висящей ночным солнцем над бескрайней тёмной водной равниной морской глади.

Вчера, в такое же время, над Ялтой нависли тучи, и даже пошёл дождь, которого, я както не заметил и смутно помнил, хотя и вымок и уж, конечно, мне было тогда не до красот южной ночной природы.

А сегодня всё было по-другому и выглядело так свежо' и красиво для меня, и я был готов впитывать в себя, как капли того, вчерашнего дождя, картины ночной Ялты.

Интересно, что после нашего разговора о том "Знаке", о котором я вспомнил, после комментария Мишки о советском "Знаке качества", мы так, больше, и не возвращались к этой столь загадочной для меня теме его странного появления на скале у Медведь-горы, как если бы мы все разом забыли или перестали думать о Нём. В тишине волн, с еле слышным вздохом плескавшихся у гранитного, низкого края береговой части набережной, до нас доносился приглушенный гул шумно-развлекательного праздника жизни на её освещенной части наверху, который мне сейчас был безразличен и не нужен.

С моря тянуло морской прохладой в лёгком дуновенье бриза, и мы всё также медленно шли, попав в романтическое настроение южной ночи. Влада не торопилась идти домой, думая о чём-то своём, или ей наскучило кокетничать, и она хотела, как и я, любоваться сейчас ночной Ялтой, морем, избегая поздних ночных аттракционов или уже редких в это время ночи, музыкальных номеров – было уже начало двенадцати ночи. Я почти не разговаривал, почувствовав какое-то странное для меня самого охлаждение к Владе, и стал воспринимать её затем, именно, как чужую для меня девушку – *подругу моего друга* – и стал, скорее философствующим наблюдателем, размышляя над словами и пояснениями моего крымчанина, порой делавшего уместные комментарии обо всём, что касалось ночной жизни Ялты. Хорошо знавший, как дневную, так и ночную, "теневую" действительность этого южного приморского города, его жизненных ритмов и особенностей, он продолжад охотно делиться со мной известными ему фактами и сведениями об этом курортном городе, хотя я его об этом и не просил сейчас.

Мы прошлись до самого конца полутёмной нижней набережной в сторону красиво-освещённого разноцветными огнями силуэта судна – ресторана "Апельсин". Ночное море отражало у берега в своей чёрной, почти зеркальной глади, красно-бело-синее полотно цветовой иллюминации обводов судна, что было, само по себе, очень красиво. Мимо нас проходили такие же, как и мы, любители вечерне-ночных прогулок, которые, пользуясь случаем полюбоваться видом огромной, полной Луны с её серебряной, искрящейся дорожкой, над морем, стояли или

сидели на скамейках в полутьме у длинной, высокой, защитной каменной стены на нижней набережной (*по словам Михаила, такая красота открывается для обозрения ночью с берега здесь нечасто*).

Поднявшись, затем, по каменным ступенькам в проходе в полукруглой стене каменного парапета на обзорную площадку с видом на город, мы вышли наверх к видневшимся ещё раньше, снизу, своими верхушками, красивым зонтикам – грибкам с накинутой на них светящейся, белоснежной паутинкой, словно новогодней, светодиодной иллюминации.

Покрытые множеством призрачно серебряных, лучистых крошечных огоньков, высокие "грибки" словно приглашали нас по-дружески посидеть на больших, белых скамьях под ними напротив иллюминированной ладьи "Апельсина". Здесь везде было много для столь позднего времени, гуляющих и сидящих на скамьях людей, и я с интересом оглядел вокруг, подойдя к полукружью невысокого каменного ограждения, откуда открывалась великолепная панорама ночной картины города: видом искрящейся серебром лунной дорожки от полной Луны над морем напротив набережной; невидимых в темноте склонов бухты зданий с тысячами светлячков электрических огней и жёлтых пятен нарядно-подсвеченных зданий, спускавшихся мозаичными пятнами света сверху к воде с невидимых тёмных склонов; красного мигающего огонька почти невидимого в темноте портового маяка и далёких, одиночных огоньков на мачтах яхт, скрытых во мгле чёрного, как самая безлунная ночь, тихого моря – и всё это на звуковом фоне рулад неугомонных сверчков в ночном воздухе, напоенном влажными, чувственными ароматами испарений пахучих трав и растений с земли, и морских водорослей и солей, с моря.

Всё это вместе создавало и будило во мне какие-то романтические чувства и желание поделиться с кем-то своими ощущениями благолепия мира и любованием ночной красотой окружающей природы, дразняще-невидимой и скрытой в бархате ночи, и столь ярко демонстрирующей свои прелести и великолепие при свете яркого солнечного дня.

Михаилу, как местному жителю, всё это было привычно и даже буднично. Да и романтиком он, как я понимал, уже не был давно. Скрывая зевоту, он предложил Владе присесть, но, взглянув на свои изящные золотые часики, она с сожалением отказалась.

Полюбовавшись отсюда прекрасным видом на набережную и бухту с огнями ночного города вокруг неё при полной Луне – царице ночи, которая зависла над городом в столь ясно видном призрачно-белом, с желтоватыми оттенками, ореоле в тёмном небе над городом, мы направились к огромному платану.

Почему я так подробно живописал эту нашу прогулку по ночной Ялте? По той же самой причине – Время изменит облик этого чудесного города, жизнь горожан и его гостей, и мне было важно сохранить, запечатлеть, как на картине, написанной словами, образ этого пока ещё беззаботного курорта и его жизни, которую я увидел и узнал в этих двух днях моего пребывания в нём. Тем более, что как оказалось позже, у меня затем не было ни возможности, ни желания описать мою новую встречу с Ялтой, в которой я опять оказался вследствие поистине необыкновенных происшествий, не зная и не помня ничего о себе и об этом месте, о котором я сейчас пишу, словно стараясь запомнить для меня самого всё, что увидел за это время в компании моего лучшего друга, не зная о том, что он вскоре предаст меня в совершенно новых для меня и него, обстоятельствах….

Войдя в аллею за уже знакомым мне гигантским платаном, который был расцвечен, подобно огромной новогодней ёлке, большими лёгкими шарами на каркасе, обтянутом светодиодными лямочками, периодически менявших свой свет, мы прошли по тёмной песчаной дорожке к вернисажу художников (*мы уже были здесь вчера*) и затем вышли к проезжей дороге, где у моста через речку стоял ещё один огромный, подсвеченный огоньками, кряжистый платан.

Здесь, на обочине дороги, стояли, покуривая, таксисты с “тачками”, всегда готовые за тройную (п*о Мишкиным словам)* плату, отвезти запоздалых путников, скажем, в гостиницу “Массандра” или “Ялта” на окраине города или, куда там потребуется. Проблема была в том, что та же тройная такса, по его словам, была у них здесь и днём.

В общем, на такси в Ялте мне пока ездить было ни к чему.

Ну, а дальше, мы шли по красиво расцвеченной ночной подсветкой широкой аллее – Пушкинскому бульвару – с его высокими, эффектно-подсвеченными, красивыми разлапистыми платанами и каштанами. Этот бульвар располагается вдоль второй ялтинской речки – “Водопадной”, текущей с центральной части высоких гор, смотрящих на Ялту со стороны Пушкинского бульвара.

Мы прошли мимо бронзового памятника Пушкину напротив какой-то итальянского вида, подсвеченной скрытыми фонарями, белоснежной, высокостоящей летней беседке, как будто парившей над аллеей в ночной мгле, окружавшей её. Влада предложила нам сфотографироваться всем вместе у “Пушкина”, и мы попросили проходившего мимо парнишку сфоткать нас на её сотовый.

Здесь, на бульваре, было тихо, при полном отсутствии освежающего бриза, дувшего на набережной с моря. Из редких здесь ресторанов и кафешек звучала негромкая, в отличие от шумной набережной, музыка.

Дойдя до фасада видневшегося ещё издалека красивого здания, подсвеченного скрытым жёлтым светом, я увидел на его фронтоне вверху белеющий там барельеф с эмблемой ордена Ленина и, по бокам от него, символы рельефных стягов из советской эпохи. А на самом верху здания, чуть ли не на крыше, виднелась какая-то каменная прямоугольная композиция, плохоразличимая в полутьме, увенчанная пятиконечной звездой. И много одинаковых белых барельефов с завитушками, воспроизводящих какой-то другой советский орден. Ниже виднелись какие-то стилизованные овальные щиты или что это было, с завитушками по сторонам, украшавших верхнюю часть высоких, квадратных колонн, стоявших напротив фасада здания.

– Там, наверху, под звездой, барельеф гидроэлектростанции. Здание ГЭС. Это же бывший санаторий советских энергетиков, – пояснил Михаил. – Уже закрыт лет пять.

– Значит, не работает. Жаль, санаторий “Энергетик”, – сочувственно прочитал я название из рельефных букв вверху на фасаде.

– Да. Закрыт, – с лёгким сожалением в голосе опять повторил Мишка. – Как и все его постперестроечные магазинчики, выставочные салоны и помещения. Там, сзади, кстати, есть небольшой закрытый парк, где раньше была отличная столовая с едой на вынос в огороженную зону со столиками под навесами. С баром. Можно было, и поесть недорого, и посидеть с приятелями и…

– Выпить, – смеясь, сказала Влада, – что же нашему господину *Брагину* ещё нужно после трудового дня?

Я не стал развивать эту тему, и не поддержал шутливую иронию Влады.

Мне это название ни о чём не говорило, и Мишка вкратце рассказал об этом здании. – Сейчас он в ожидании перемен – хозяин поменялся, а новый не спешит его открывать. Наверно, перепрофилирует, – с сожалением добавил он.

Здесь же, у этого “Энергетика”, находился красивый, вытянутый в восьмёрку, фонтан – его полная чаша воды красиво отражала жёлтый свет подсветки этого здания. По сторонам от большой полированной диоритовой вазы, стоявшей в центре фонтана, стояли по три маленьких вазы-розетки. Мишка сказал, что фонтан не работает ночью, а вот вечером его фонтанирующие потоки водных струй светятся неоновой красно-сине-зелёной подсветкой – очень зрелищно. Я поверил ему на слово – в Ялте всё такое красивое и приятное на вид – и этот фонтан, вернее, бассейн с водой, был по-своему красив и без струй и подсветки.

Мы прошли дальше и уже на подходе к остановке из павильона слева от нас— *какое-то пивное заведение у речки* – послышались пьяные крики и ругань.

– *Вот тебе на,* – подумал я. – *И никакой милиции поблизости.*

Кстати, это одна из особенностей города – вы почти нигде не увидите милиционеров на улицах Ялты (только *в проносящихся патрульных машинах*). Наверно, в городе очень спокойно и афишировать присутствие стражей порядка не требуется. Но Мишка сказал, что по набережной регулярно проходят наряды милиции по двое и трое молодых парней в светлой, а иногда и в чёрной, летней форме. И всё же, эти пьяные крики показали, что в Ялте отдыхают не только культурные граждане, настроенные на беспроблемный отдых. *Ну, да это мои наблюдения…*

Перейдя через широкую здесь улицу по подземному переходу и, вышли к зданию этого самого кинотеатра "Спартак" – права, бывшего, где неподалёку от него и жила Влада. Этот кинотеатр с оригинальным фасадом – выдвинутой вперёд открытой площадки-терраски на втором этаже – перепрофилировали, оказывается, под столовую. Тут же, слева, стояла пара маленьких, торгово-продовольственных, палаток у огромного платана с видневшейся дальше автобусной остановкой. Здесь было тихо и почти никого из прохожих— почти полночь на моих часах. Местные уже спят, а все приезжие или на набережной или сидят во всевозможных кафешках, ресторанах, барах и питейных заведениях, или же уже незаметно разошлись, а затем и разъехались по своему местному съёмному жилью и гостиницам. Здесь, похоже, все уже спали – за тёмными окнами почти нигде не было видно света.

Неожиданно, как будто споря с моими наблюдениями, где – то далеко за на нами (*на набережной?)* прозвучали гулкие, с эхом, раскаты фейерверка, похожего на звуки салюта в День Победы, или на весенний гром.

– У Ивана Ивановича день рождения, – снова пошутил Михаил.

Ну, да теперь я и сам знал, что это за "*Иван Иванович*" … Мы прошли мимо входа на Пушкинский рынок и дальше по узкому тротуару вдоль двух— этажных домов старой, наверное, дореволюционной, постройки, с кафешкой на углу, где, лет сорок назад, по словам моего ялтинца, был общественный туалет – я пожал плечами, не понимая, зачем он мне это сказал и тут же, впрочем, подумал, что, напрасно его закрыли, хоть и так давно.

– Преемственность, хоть какая-то, должна всё же, сохраняться, – пошутил я, шепнув затем Мишке на ухо по – английски насчёт *natural call.* Мишка понял, заулыбавшись.

– Потерпи, мы уже почти пришли, – шепнул он, подмигивая мне и смотря на свою фигуристую подругу, шедшую впереди нас.

Выйдя к торцу красивого современного 9-этажного здания с вывеской банка на фронтоне второго этажа, мы обошли его сбоку, подойдя к металлической двери с кодовым замком. Мишка стал прощаться – обниматься с его супер-вумен – мне стало даже как-то неудобно стоять рядом с ними, и я почувствовал при этом чуть ли не ревность, внезапно охватившую меня при виде Мишкиных объятий и поцелуев Влады.

Впрочем, она почти тут же повернулась в мою сторону, протянула мне свою руку (*я пожал её с чувством*) и затем активировала кодовую комбинацию замка, открыв массивную сплошную стальную дверь. Зайдя внутрь подъезда, Влада одарила меня воздушным поцелуем и пошла к видневшемуся справа от двери, лифту.

Ну, а затем, стоя у подъезда, Мишка вызвал такси и через пять минут мы уже ехали, к моему облегчению, на Московскую…

Вот так и прошёл мой, фактически, второй, полный впечатлений, незабываемый день в Ялте.

И ничто не подсказывало мне тогда, что эти два дня моего летнего "тусовочного" отдыха в Ялте, наполненные ожидаемо-приятным времяпровождением на знаменитом крымском курорте, сменятся буквально завтра чередой поистине удивительных событий, положивших конец моей прежней, обыденной жизни молодого человека, и, в дальней-

шем, для меня всё изменится самым кардинальным образом в моих попытках отгадать тайну появления того "Знака" на скале. И что Он собственно представлял из себя…

Глава 4
День четвертый. Понедельник. Начало моих приключений. Мы едем в Партенит. Знакомство с Олегом

На следующее утро, в понедельник, мы, как и было решено вчера, собрались поехать на Мишкином “Фольксвагене” в Партенит.

Позавтракав где-то в 8 утра, Мишка быстро, по-деловому собрал свой рюкзак, положив туда продукты, воду, походную куртку для Влады и себя, и даже кроссовки походные для своей ненаглядной.

– Ну, не будет же Влада тащить всё это в своём рюкзачке, – пояснил он, перехватив мой любопытный взгляд. – И тебе кое-что уже положил в рюкзак, – с загадочным видом сказал он. – Пришлось повозиться – у тебя там проблема с молнией.

Рюкзак был новый – я купил его накануне моего отъезда и толком не проверил. Но, во всяком случае, продавец при мне проверила все его застёжки и молнии, и никаких проблем с ним не было. – Не знаю, как получится, – продолжал он, – может, и с ночевкой едем к Олегу. Там видно будет, – в его голосе прозвучала какая-то неопределённость. – Но, в любом случае, бери с собой кроссовки, – посоветовал он со знанием дела. – На Медведь-горе в шлёпках делать нечего – на участках каменных оползней и обилия мелкой обломочной породы, там можно легко упасть, а то и покатиться вниз…

– Ну, спасибо, братан! – поблагодарил я Мишку за совет и его такую заботливость обо мне.

Взяв рюкзак, не став смотреть, что он мне там положил, решил, что, если что, в Партените докуплю продукты для похода…

Минут через десять мы выехали затем со двора на уже знакомую мне Московскую улицу с односторонним движением, и проехали по ней до моста через речку, где мы повернули влево напротив овощного рынка и выехали на параллельную, Киевскую улицу. И дальше, в утренних пробках, медленно проехали мимо Торгового Центра с красивой площадью с фонтаном и, затем, вверх по улицам Садовой и Кирова к остановке у бывшего кинотеатра “Спартак”. Влада уже должна была ждать нас на этой остановке около половины девятого утра.

Михаил ознакомился по своему навигатору о ситуации с дорожными пробками в Ялте и выбрал маршрут – выехать по кольцу вокруг местного стадиона опять к “Спартаку” и дальше через весь город назад на Московскую. Ну, а дальше к автовокзалу и далее загород по южнобережной автотроллейбусной трассе мимо Гурзуфа до съезда на боковую дорогу в Партенит.

Подъехав к остановке, мы увидели среди людей, стоявших в тени уже знакомого мне огромного платана рядом с торговыми ларьками в ожидании троллейбуса, молодую красивую девушку – *стройная и красивая, в брендовых солнцезащитных очках, она словно сошла с обложки журнала “Vogue”.* Я уже начинал привыкать к “бомбическому” виду Влады, выхватив глазом её короткую джинсовую юбку, а потом уже и её белую футболку – ей всё шло к лицу. За спиной у неё был компактный, красный рюкзачок, а на ногах – симпатичные кроссовки того же цвета. Рядом с ней там стоял какой-то парень, что-то спрашивая у неё.

– *Да,* – улыбнулся я иронически про себя, – *с таким рюкзачком только на Медведь-гору в поход и ходить!*

Брагин, дружески попросив меня пересесть на заднее сиденье, приветливо помахал ей рукой, Увидев нашу машину, она подошла и села в салон на переднее сиденье, сверкнув своими длинными, красивыми ногами, чмокнув улыбающегося Мишку (*счастливец!*).

Погода стояла замечательная – было солнечно и безветренно – и чувствовалось уже с утра, что будет опять жарко. У Мишки в “Фольксвагене” не было кондиционера (*или не работал – сломался?)*, и это скоро очень почувствовалось всеми нами. Но, всё же, мне так не доставало именно этого ощущения знойного лета и жары в холодной и дождливой этим июлем, Москве. И я не обращал внимания на эти несущественные для меня мелочи по сравнению с теми красотами и видами на побережье и безбрежное синее море с лёгкими барашками, которые открывались нам с трассы, куда мы выехали минут через 20, проехав крутой поворот у Массандры.

Трасса шла дальше по высокому предгорью над побережьем, петляя вдоль высоких лесных склонов слева, обрамлённых снизу, у дороги, высокими каменными подпорными стенами, и обрывистым, уходящим вниз к морю, зелёным пространством пересечённой местности, где внизу, справа, виднелись пригороды Ялты. Пользуясь отсутствием дорожных пробок, мы мчались “с ветерком” – благо дорожное покрытие не доставляло нам каких-либо проблем.

Всё так же, справа, открылся и почти тут же пропал из виду прекрасный вид на Ялтинский залив и горный амфитеатр, увенчанный зубчатой короной Ай-Петринских скал. Город огромным полукругом обступил бухту, заканчиваясь новыми высотками в районе Приморского парка, куда я так и не дошёл с Мишкой позавчера. Дальше, вдоль морского побережья за Ялтой виднелись редкие белоснежные здания пансионатов и санаториев – и всё это на фоне зелёных природных ландшафтов вплоть крошечного отсюда, мыса Ай-Тодор с “Ласточкиным гнездом”.

Удобно устроившись сзади на матерчатом сидении, я разглядывал из салона Мишкиного авто картины постоянно менявшихся живописных ландшафтов, разговаривая с моими друзьями, делясь моими впечатлениями от видов видневшегося внизу побережья. – Смотри, смотри, пока видно, – обернувшись ко мне, сказал Михаил. – Берега дальше с трассы не будет видно вплоть до Ай-Даниля.

– Это где?

– Потом увидишь. Будем там минут через десять, – он отвернулся, руля одной рукой, а второй поглаживая руку Влады на её колене.

Внизу, в зелени растительности мелькали многочисленные виноградники и коттеджные постройки, и различные одиночные симпатичные разно-этажные здания. Солнце уже достаточно высоко поднялось над морем с правой стороны и слепило глаза раскаленным огненным шаром, отражаясь в воде широкой, сверкающей полосой солнечных бликов. И, несмотря на мои солнцезащитные очки, без которых на улицах Ялты днём просто не обойтись, смотреть на искрящуюся водную поверхность утреннего моря, было невозможно даже в них. С правой стороны трассы, на дорожный асфальт падали длинные, синие тени от высоких кустов, деревьев и многочисленных кипарисов, росших вдоль трассы на всём её протяжении. С обеих сторон виднелись периодически встречавшиеся вдоль дороги невысокие, пышно-густые зелёные кусты с длинными высокими стрелками, усыпанных ярко-желтыми высокими соцветиями. – Испанский дрок, – сказал Мишка, увидев, что я заинтересовался ими.

Дорожная трасса шла, извиваясь поворотами, по живописной гористой лесной местности, с выходившими со стороны гор, почти к дороге, высокими земляными обрывами, заросших кустарниковой зелень. В поле моего зрения попадались и быстро исчезали позади, одиночные или стоящие в группе, серо-белые скалы, высившиеся над лесом с левой стороны. Густая лесная растительность подступала слева к трассе зелёной стеной, выходя к обочине дороги, и прерывалась в местах, где периодически встречались различные домики, коттеджи, магазины и подпорные бетонные и каменные стенки, и снова возвращалась к трассе, обходя их поверху.

Придорожные участки зелёного ландшафта, спускавшиеся к невидимому из-за холмистого рельефа, морю, были освоены разномастным жилым частным сектором, с участками многочисленных виноградных плантаций, разбросанных по местности вдоль трассы.

Отличная горная дорога, была, в общем, и дальше свободной от заторов, и мы проносились мимо местных пригородных посёлочков с магазинами, жёлтыми и красными автозаправками и старыми бетонными коробками автобусных остановок по обеим сторонам, обгоняя троллейбусные “рогатики”, раскрашенные пёстрыми рекламными надписями, жёлтые юркие небольшие автобусы, грузовые машины и автомобили.

Вскоре, справа от нас, промелькнула бело-кремовая округлая ротонда остановки “Никитский ботанический сад“ с заправочной станцией напротив, а затем мозаичная остановка у санатория “Ай-Даниль” – *прочитал я название*, и, метров через 50 от неё, Мишка сбросил скорость и свернул вправо к видовой площадке, почти не видной с дороги для проносящегося мимо автотранспорта. Отсюда открывался шикарный вид на Медведь-гору и Гурзуфскую бухту с двумя маленьким скалами, стоящими в море поодаль друг от друга. Мы подъехали и встали рядом с каким-то автомобилем с московскими номерами (777), стоявшего рядом с пешеходной дорожкой, ограждённой белой цементной балюстрадой – за ней был крутой обрыв внизу.

Выйдя из машины, я невольно задержался взглядом на короткой юбке Влады, которая, зная о силе своей женской красоты и своём неотразимом для мужского внимания внешнем облике, не обращая ни на кого внимания, подошла к ограде и встала в позе манекенщицы, готовой для фотосессии с синевато-зелёным Аю-Дагом вдали. Мишка привычно сновал вокруг неё с айфоном, стремясь найти самые выигрышные ракурсы для снимков своей фото-дивы на фоне не менее впечатляющей, огромной и красивой, с поперечными, коричнево-серыми, скальными боками, Горы на заднем плане.

Мужики из соседней машины, стоявшие радом с нами на этой площадке, тоже стали срочно фоткаться на фоне Влады с Медведь-горой, сделав свои незабываемые снимки.

– *Ну, нельзя же так*, – подумал я о нашей прелестнице, – *она просто не жалеет мужиков!*

Влада никак не реагировала на восхищенные взгляды этих “фотографов” – было очевидно, что она внешне равнодушно воспринимала все эти привычные для неё знаки внимания к своей роскошной фигуре со стороны сильной половины человечества.

– *Да, у Мишки губа не дура*, – подумал я с чуть ли не с завистью.

Это, ранее незнакомое мне чувство, стало возникать у меня как-то уж слишком часто. Он же, видя восхищенные взгляды мужиков (*да, и порой перехватывая мои взгляды в сторону Влады*), был явно доволен тем неотразимым эффектом, который Влада оказывала своими ножками на случайных зрителей. *Ладно, мужики есть мужики…* На лице Мишки просто читалось экспрессия – *мол, смотрите, завидуйте, она моя, а я – её парень*. Поняв его эдакое самодовольство и ублажающее эго самолюбование посредством своей красотки, я решил больше не тешить его самолюбие и запретил себе смотреть на Владу. Вернее, стараться смотреть на неё без всякого эмоционально-чувственного восхищения.

Ну, девушка, ну красивая, и что из этого? У меня в Москве тоже были девчонки-подружки красивые. Но, все они заочно уступали во всём этой “*чаровнице”.*

Мы опять сели в машину, и выехав на дорогу, помчались дальше по почти пустой трассе в Партенит. Я по-прежнему невольно восторгался Владой, смотря сбоку на её точёный, как у греческих статуй, профиль.

– *Ну, просто бомба*! – подумал я про себя (как *у Тома Джонса в его знаменитом шлягере Sexbomb*). И, как нарочно, именно эту песню Мишка прокрутил несколько раз, пока мы ехали в машине в Партенит, поглядывая с улыбкой на свою спутницу, сидевшую справа от него, как бы говоря всем своим видом, что эта песня для нее и про неё. Он даже не постеснялся пару раз погладить, при этом, её коленки, и Влада с деланным смущением убрала его руку.

– Антош, ты, как там? Всё нормально? – спросил он меня, не оборачиваясь, то ли серьезно, то ли с подтекстом, имея ввиду, что я “неровно дышу”, глядя мимо них вперёд на дорогу.

Вот не ожидал, что Мишка может подкалывать меня в присутствии своей девушки. Это было неприятное открытие для меня. А он опять улыбнулся Владе, подмигнув мне затем в водительское зеркало.

Дорога почти тут же пошла вниз под уклон – горы, заросшие густым лесом слева от нас, стали ближе и выше, и ушли, скрылись из виду в невидимой мне из машины, вышине, а прямо впереди перед нами открылся вид на высоченные отсюда лесистые вершины, стоявшие в полукружье горного амфитеатра над Гурзуфом, и синее небо с белоснежным одиночным облаком, словно вырезанным из воздушной ваты, повисшем в вышине над горами.

Не успел я восхититься этим видом, как всё тут же быстро изменилось – горная гряда с высоченным склоном ушла влево, а впереди показался изгиб моста со столбиками перил по всей его длине, и я успел более детально, чем в прошлый раз, рассмотреть в окно, справа от меня, этот городок *(неправильно* – поправил Михаил – *это посёлок городского типа)*. По моим прикидкам, он был больше компактного Партенита, который я видел с трассы, когда ехал в Ялту три дня назад, и более просторно разбросан по холмистой, зелёной местности внизу. Влево от высокого, заросшего растительным покровом, холма над Гурзуфом, опять мелькнул огромный синий бок Медведь-горы.

Двух больших скал в море, которые я видел со смотровой площадки у Ай-Даниля, разглядеть не удалось.

– А, что там были, за каменные островки в море напротив Аю-Дага? – я вспомнил о них сейчас.

– Они очень похожи на почти такие же скалы на Капри. Видел их в прошлом году в турпоездке в Италии, – пояснил я Владе и Михаилу.

Мишка, не отрывая взгляд от дороги, сказал мне, глядя в зеркало над лобовым стеклом, что эти скалы – Адалары – являются обломками гор. То есть, они оторвались в результате разрушительного землетрясения, Бог знает сколько лет назад, скатившись, как мячики, с горных высот скального массива над Гурзуфом. И, зачем-то добавил, что Крым лежит в сейсмической зоне и подобные вещи (*к счастью, не столь масштабные*) происходят здесь периодически.

Мысль об этих скалах, катящихся с гор, в этом таком красивом и привлекательном для жизни месте, неприятно поразила меня. Картины прошлого этих мест и мысль о людях, их судьбах, которые, возможно, жили здесь в те далекие времена, завладели моим сознанием *(у меня хорошее воображение)*.

Я потрясенно молчал, представляя себе эту геологическую катастрофу.

– Жуть какая, – в итоге пробормотал я. Мне стало как— то неуютно, и моё хорошее настроение в ожидании встречи с Партенитом куда-то улетучилось.

Мишка, взглянув в зеркале на моё озабоченное лицо, хмыкнул:

– И что тебя так впечатлило? Тебе же в Италии вид местных скал в море не портил настроение?

– Антоша, – спросила Влада, полуобернувшись ко мне, – там реально такие же скалы у берега?

Похожие на скалы в море у Гурзуфа?

– Да, похожие. У острова Капри, – вяло подтвердил я без всякого интереса продолжать этот разговор. Влада, поняв по моему озабоченному лицу, что меня надо срочно вывести из этого ступора, повернулась ко мне, сняв свои шикарные солнцезащитные очки, смотря мне в глаза, и спросила:

– Антончик, а, где ты, там, ещё был в Италии?

Понимая, что она просто хочет отвлечь меня от тревожных думок, отвечая ей, я словно каждый раз попадал под волнующий душу, чарующий гипноз притягивающей красоты её глаз.

В итоге, я и впрямь разговорился, увлёкшись своим рассказом о моей прошлогодней поездке в Италию. Владе было неудобно сидеть всё время в пол-оборота ко мне и, в середине

моего рассказа, она повернулась вперёд. Я скомкал конец моих воспоминаний и замолчал, смотря вперёд на дорогу.

Горы отступили здесь куда-то высоко в бок, и дорога шла по пересечённой, холмистой местности. Кипарисов на обеих сторонах дороги стало, даже, как-то больше, и везде виднелась свежая зелень виноградников, прятавшихся за придорожными кустами и высоким кустарником за ними. Мы, между тем, промчались мимо поворота вправо, вниз, на “Артек”, с асфальтовой площадкой, где стоял высокий, бетонный красный факел на фоне интерактивного, электронного панно. Отсюда трасса понемногу опять пошла вверх, поднимаясь по холмистой местности к вершине холма, прорезанного ниткой шоссе.

Справа, и слева стояли частые, дружные ряды невысоких кипарисов, возвышавшихся над зарослями кустарника с вкраплениями густых кустов дрока, скрывавшими за собой виды на Медведь-гору справа, и виноградники – слева.

– Из Артека, – сказал Мишка, не глядя на меня, – идёт тропа по западно-северной части Медведя, по которой артековцы поднимаются в пешие прогулки на Аю-Даг. Я там ходил когда-то в детстве. Сейчас там стоит охрана и всё очень строго стало – никого из чужих не пускают вверх на тропу.

Справа промелькнул поворот на дорогу, идущую перпендикулярно к шоссе.

– А отсюда, с трассы идёт дорога к военному санаторию “Крым”, на берегу моря, – разъяснил Мишка, обернувшись ко мне. – Но, она, в общем, тупиковая, – продолжал он, отворачиваясь и смотря на дорогу. – Там стоят охраняемые ворота с КПП, и въезд разрешен только по пропускам. А метров в трёхстах выше от этих ворот находится лесная тропа, ведущая на самую вершину Аю-Дага. Она трудная для подъема, но с неё открывается шикарный вид на Партенит и окружающие горы на десятки километров вокруг. Мы потом сходим по ней…, – пообещал он мне.

Медведь-гора, между тем развернулась к нам своей тыловой частью – *эдаким огромным медвежьим задом* – и выглядела с дороги в этот момент округлой по форме, слегка скошенной в левую сторону, и опять пропала из виду за крутой обочиной справа. Наш “Фольксваген” добрался до вершины холма. Справа промелькнула очередная остановка – посёлок *“Лавровое”*– прочитал я надпись на придорожном столбе. После холма, за которым скрывался этот невидимый с дороги посёлок, опять начался спуск под уклон и вскоре отрылся, в очередной раз, вид на Аю-Даг. Его вытянутая к нам, северная часть, уже осталась позади, и нам теперь была видна верхняя, боковая часть горы. Внизу показались белые, маленькие отсюда, высотки Партенита.

Проехав мимо остановки – бетонного знака с витиеватой, окрашенной в красный цвет, надписью-названием “Партенит”, тут же свернули на боковую дорогу, скрытую от глаз в этом месте частоколом кипарисов у трассы.

– Ну, вот, сейчас будет недолгий спуск к морю, – улыбнулась мне Влада, повернувшись опять вполоборота ко мне.

– Пешком здесь идти вниз где-то полчаса займёт, а на машине за 5 минут доедем, – весело сказал Миша.

Дорога шла, изгибаясь, вниз мимо множества всё тех же кипарисов, спускавшихся по обе её стороны длинными высокими зелёными свечами. В промежутках вдали между ними, на фоне голубого неба, мелькал огромный массив горы в лёгкой, светло-синеватой, дымке. Вся видимая здесь местность, спускавшаяся от горной трассы к побережью, представляла собой огромную котловину, лежавшую на пересечённой местности с холмами и возвышенностями ближе к дороге и, оврагами и низинами между ними, ближе к Горе, заросшими густой кустарниковой растительностью. Тут и там виднелись виноградники, периодически выныривавшие салатными пятнами из низин на возвышенности с видневшимися там коричневатыми пятнами сельскохозяйственных угодий, очищенных от зелени и деревьев. И повсюду виднелись маленькие, отдельно стоящие домики и хозяйственные постройки, разбросанные по местности.

Навстречу нам по узкой дороге попался местный жёлтый маршрутный автобус “Богдан” под завязку набитый пассажирами, ехавшими в Ялту. Не хотелось бы мне ездить в тесноте местных автобусников, да ещё по такой жаре. Судя по автомобильному термометру, на улице было + 31С, и это в 9:20 утра!

Наш “Фольксваген” выехал вскоре к площадке с небольшим продуктовым магазином справа от нас, и автобусной остановкой, с другой. Мишка слегка притормозил, чтобы обратить моё внимание на какую-то белую сторожку слева от нас, с охранниками и воротами, за которыми, ниже, виднелся спуск вниз.

– А вот, прямо перед нами, знаменитый ландшафтный парк редких деревьев “Парк Парадиз” – он же “Айвазовское” *(где-то там, ниже, находился одноименный посёлок),* – объявил, как экскурсовод, Михаил. – Мы с Владой здесь были и зимой, и летом, и каждый раз интересно. Но, летом, конечно, здесь лучше – там есть отличный пляж и набережная с великолепными скульптурными группами из античной мифологии. В парке можно прогуляться и просто отдохнуть. А какие там растут цветы и редкие декоративные деревья! Они даже зимой цветут!

– Да! – добавила оживленно Влада, – это новый конкурент Никитскому саду!

– Будет время, – продолжал Мишка, – мы заедем сюда позже, да и посмотришь на всё сам. Увидишь, какая здесь шикарная, длинная лестница со ступеньками, украшенными итальянской мозаичной плиткой!

Спускаясь дальше, мы свернули вправо, лавируя по узкой дороге и въехали непосредственно в городской посёлок. Навстречу нам попадались многочисленные пешеходы и отдыхающие (*курортники*) и много встречных машин и автомобилей – чувствовалось, что и здесь, вдали от Ялты, тоже был пик курортного сезона.

Пока Миша молчал, занятый дорогой, Влада продолжила его рассказ о парке “Парадиз”, да и о самом Партените, и я опять попал под невольную магию её глаз.

Между тем, мы уже подъехали к маленькому “пяточку” перекрёстка, где дорога шла вправо и влево, и прямо вниз. Справа была автобусная остановка, и там стояло несколько жёлтых пригородных маршруток, и за ней виднелся какой-то скверик. Отсюда, массив Медведь-горы, находившийся где-то в километре от нас, был закрыт высоким пригорком с кипарисами и высоким, фешенебельно-выглядевшим, жилым зданием.

Следуя указаниям, Влады, Мишка повернул влево по Партенитской улице (*висел дорожный указатель*) и включил третью передачу – дорога пошла круто вверх мимо магазинов и домов. Затем, мы свернули вправо к 4-х этажному дому и остановились у тротуара.

– Ну, мальчики, приехали, – громогласно объявила Влада, сняв солнцезащитные очки. Мы вышли из автомобиля и направились к ближайшему от нас подъезду, следуя за идущей, как на подиуме, нашей фото-диве. – Здесь живёт Олег, – пояснила Влада, идя впереди меня, разговаривая по сотовому – она позвонила этому её партенитскому другу, сказав, что мы уже здесь.

Мужики пенсионного возраста, игравшие в домино на скамейке, здесь же, у подъезда, в тени дома, отвлеклись от игры, смотря ей вслед.

– *Играть, играть. Не отвлекаться!* – хотел я было громко сказать им шутливо-приказным тоном, видя, как они дружно уставились на Владу.

Дверь в подъезд была открыта – сам дом имел потрёпанный вид и явно нуждался хотя – бы в косметическом ремонте. Олег жил на предпоследнем, третьем этаже и, предупрежденный Владой о нашем прибытии, уже ждал нас – едва Мишка нажал на дверной звонок, из-за двери послышался громкий голос:

– Открыто!

Мой ялтинец хотел было открыть дверь, но замешкался, увидев, что Влада не спеша посмотрела на себя, слегка пригнувшись, поправляя свои локоны, глядя в мои зеркальные солнцезащитные очки, которые я, не снимая, поднял себе на лоб.

– Заходите! – последовало повторное предложение.

– Да можешь не смотреть! – сказал шутливо Михаил, подталкивая свою очаровашку к двери. И, на правах хорошей знакомой хозяина квартиры, она первая вошла в квартиру, а мы – за ней.

Олег, высокий, загорелый, худощавый парень с аккуратной русой бородкой, лет 35, вышел нам на встречу в коридор и видя, что нам всем явно будет тесно в коридоре, поприветствовал нас, отступая в гостиную, приглашая нас пройти в ярко-освещённую солнцем комнату. Чем-то неуловимо он напомнил мне актёра, игравшего Александра Невского в этом одноименном фильме – *смотрел его как-то раз по компу с подругой с истфака.* Не знаю фамилию того актёра, но вот такая ассоциация пронеслась у меня в голове…

Мы сняли обувь в крохотной прихожей, несмотря на протесты Олега, и прошли внутрь квартиры. Мишка, как и я, впервые оказался в этой квартире и с любопытством оглядывался вокруг. Оказывается, он, зная Баженова и пару раз встречавшись с ним по его юридическим вопросам, у него в гостях так ещё и не был.

Это была стандартная “двушка” советских времен (такая *же, как и у Мишки*). Пусть и не чета нынешним современным квартирам улучшенной планировки, но, здесь, на Юге, да ещё на ЮБК, её рыночная стоимость могла составить конкуренцию московской недвижимости где-нибудь на новых окраинах. Олег оказался общительным, гостеприимным хозяином – он по-дружески обнялся с Мишкой, приобнял Владу, и приветливо протянул мне руку.

– Это Антон, – представила она меня ему, как московского друга Михаила.

–“Москвич 412”, – прошутил Олег, неприятно кольнув меня этим несуразным сравнением со старой, ранее очень известной, моделью автомобиля (*из времен автопрома СССР*).

Извинившись перед дорогими гостями, он вышел на кухню, откуда тут же вернулся, неся бокалы и штопор, и пригласил нас сесть за накрытый журнальный столик, где он по-холостяцки, выставил нам угощение в виде бутербродов из пшеничного хлеба с сыром, маслом и полукопченой колбасой (*кстати, в Ялте выпекают замечательный, вкусный хлеб – здесь, видно, ещё не пользуются московскими наработками по переработке и вторичному использованию непроданного хлеба).* Тут же стояла большая тарелка с огурцами и нарезанными ломтиками помидорами (*турецкими?*), бутылка красного вина и стеклянная ваза с жёлтой – *той самой* – крупной местной черешней. Невольно, я сравнил это холостяцкое угощения с тем, чем меня потачивал Мишка, и не нашёл большой разницы. Никто из них не любил готовить что-нибудь посерьёзнее и повкуснее, чем вот такие, холостяцкие, “бутеры”.

– Ого, – сказал одобрительно Мишка, окидывая взглядом угощение на столе. – Ты меняешь свои привычки? – иронически спросил он.

Олег не понял, и Мишка показал взглядом на бутылку вина (*как мне стало понятно из их дальнейших дружески-смешливых комментариев, Олег придерживался абсолютно трезвого образа жизни*). Отшучиваясь и желая сменить тему разговора, он подошёл к окну, чтобы задвинуть на него полупрозрачную тюль, сквозь которую была видна верхняя часть огромного, дымчато-зелёного массива Медведь горы.

– *Здесь, поди, во всех окнах одна и та же картина,* – подумал я, глядя на Гору сквозь тюлевый занавес. Не привыкнув ещё к её столь близкому расположению здесь, всего в полутора километрах от Олегова дома(!), я с удовольствием бы откинул тюль, чтобы получше рассмотреть её склоны с этой восточной стороны. Но наш гостеприимный хозяин уже торопил нас сесть за столик.

Мишка, извинившись, быстро вышел из комнаты, словно что-то забыл, и тут же вернулся назад из прихожки, держа в руках закатанные в пластик упаковки буженины и ветчины.

– Старик, ну зачем, – начал было возражать хозяин квартиры, – вроде, и так всё есть. Влада мягко, но решительно взяла из рук Михаила “угощеньице” и положила на столик, садясь затем на квадратную табуретку. Небольшие, с мягким толстым ворсом, они были отличной

альтернативой громоздким стульям в небольших квартирах – тем более, что Олег выставил угощенье не на обеденном столе, а на раздвижном журнальном столике, низким и не очень удобным для долгого "застолья".

Усевшись за нашей импровизированной фуршетной "площадкой", я оказался напротив Влады и невольно стушевался, чувствуя себя неловко перед ней – её короткая джинсовая юбка чуть ли не до бёдер уехала вверх, и ей было явно неудобно сидеть перед нами с открытыми голыми коленями. Хозяин квартиры, поняв её затруднительное положение, ухмыльнулся, и принёс ей из комнаты небольшой шерстяной плед. Поблагодарив, она прикрылась мягкой тканью, и села поудобнее за столиком.

– В тесноте, да не в обиде, – весело проговорил Олег, оценивая наше стеснительное (*в буквальном смысле*) положение, и открыл штопором бутылку инкерманского "Пинно"– полусладкого красного вина.

Разлив вино по бокалам, он бодро чокнулся с нами бокалом, начав с меня, произнеся столь естественный начальный тост за знакомство (*и я был благодарен ему за такой тост от "трезвенника"*). Поскольку он уже был в курсе и моего приезда и, кто я был такой, он сразу предложил нам перейти на "ты", и вскоре я чувствовал себя в его компании так же естественно и легко, как с моим давним другом Мишкой. Но моё первое впечатление от хозяина квартиры оказалось обманчивым.

Представившись мне в начале, как Алик, однако, когда я пару раз в ходе их разговора с Владой и Михаилом, назвал его этим уменьшительным именем, он сделал вид, что не слышал меня. То, что я принял вначале за лёгкость и непринуждённость в общении со мной, оказалось затем лишь видимостью внешнего равнодушия и обходительности. Хотя, при этом, Олег оказался не только хорошим хозяином – он был великолепным собеседником, держа нить нашего общего разговора и дальнейшей беседы в своих руках, и вскоре Михаил как-то ушёл незаметно на второй план. Если раньше, Михаил был некой доминантой в *разговоре* и общении со мной, то теперь эта роль успешно выполнялась Олегом по отношению к самому Мишке.

Проявив вначале, как я понял, дежурный интерес ко мне (*отдав мне дань уважения, как гостю*), в дальнейшем он стал как-то равнодушным ко мне – я выпал из сферы его, набирающего активность, разговора, и даже его приятельское обращение ко мне, как "старик", было пустой формальностью с его стороны. *"Ну, москвич; ну ничего не знает о Медведь-горе; ну "чайник", которого нужно сводить и показать ему Гору"* – читалось в его глазах при взгляде на меня.

В его поведении в нашей маленькой компании чувствовалась внутренняя уверенность человека, привыкшего к общению с аудиторией.

– *Ведь, недаром, он работал на кафедре истории в университете* – вспомнил я, думая о нём.

Уметь ясно и чётко излагать свои мысли перед студентами, держа себя при этом свободно и естественно-раскрепощённо, было, очевидно, частью его профессионального имиджа, как преподавателя, и это "читалось" в его общении с нами. И он невольно доминировал над нами в разговоре с нами.

Я не был в обиде, понимая, что моё место в этой компании— просто, пока, сидеть и молча слушать, изредка встревая в их разговор. Как мне затем стало ясно, на тот момент я не представлял для него никакого интереса – ни как человек, ни, тем более, как москвич.

Возможно, Мишка, тоже невольно видел и чувствовал подобное доминирование Олега и в разговоре с ним, поэтому, вскоре отойдя в тень на "территории" Олега, мой ялтинец предоставил ему свободу дальнейшего развития темы нашего разговора.

Мы недолго сидели за столиком, разговаривая на какие-то отвлечённые, неинтересные мне, темы. Влада вспоминала период своей учебы в университете. Олег вспомнил несколько смешных эпизодов из своей студенческой жизни. По лицу Михаила, я видел, что эта тема,

безразличная для меня, вызывала у него какие-то неприятные чувства— пару раз я перехватывал, случайно, его напряженный взгляд на Владу, которая весело болтала и, порой, смеялась на комментарии Олега.

Олег, выполнив свою начальную часть хлебосольного хозяина квартиры, сам и не ел и не пил и, разговаривая затем о нашем предстоящем походе на Медведь – гору, больше обращался к Владе, чем к Михаилу, и мой друган как-то поскучнел, а, потом, и нахмурился, видя, такой неприятный для него, нескрываемый интерес Олега к Владе.

Наш партенитский товарищ оказался действительно большим профи в теме об Аю-Даге и я, как начинающий любитель, ему был пока просто неинтересен. А он был просто увлечён темой Медведь-горы, и все рассказы Влады о том, что он там видел или знал, были лишь прелюдией к тому, что я потом узнал и услышал от самого Олега…

Как оказалось, только я честно выпил мой бокал вина до дна, а остальные-то лишь пригубили его из своих бокалов, включая моего Брагина *(ну, да они же местные, могут пить Крымское вино в любое время – здесь столько вокруг винограда растёт!).* И черешню, сладкую и жёлтую, попробовал, а потом с удовольствием и ел, я один. Вино, хоть и полусладкое, оказало на меня какое-то излишне расслабляющее действие – сидя с моими друзьями и слушая их, я не принимал, затем никакого участия в их разговоре и был, что называется, на третьих ролях. Я же ничего толком не знал об этой горе и не мог ничего советовать или предлагать, да это и не требовалось в их компании, где я чувствовал себя просто, как “green cucumber”. Всё решалось здесь Олегом, хотя Мишка и начал было с ним спорить, вначале, по какому маршруту нам лучше было пойти на гору.

При этом, если Олег и спорил с Мишкой, то немного снисходительно (*а, порой, как мне показалось, как-то даже свысока*), а вот с Владой он был сама любезность и более того, порой задерживая свой взгляд на её лице больше, чем этого требовали приличия.

– *Видно,* – подумал я, – *Мишка что-то утаил от меня, а Влада умолчала – у неё определенно был роман с Олегом…А потом появился Мишка, и всё изменилось в их отношениях с этим её партенитским другом.*

Самое обидное для меня было, что они, увлёкшись своим обсуждением, вообще забыли про меня, и я оказался предоставлен самому себе. Потихоньку— бегло (*чтобы не показаться излишне любопытным*) оглядывая комнату, в которой мы сидели, в моменты, когда Олег был занят разговором с Владой, и/или с Мишкой, я пришёл к выводу, что он был и в самом деле чуть ли не каким-то естествоиспытателем, или, по крайней мере, фанатеющим исследователем местной природы. На стенах его холостяцкой комнаты везде висели большие фотографии видов Медведь-горы, крымского леса, ландшафтных пейзажей, ручьев, пещер и моря, снятого со скальных вершин. По всей видимости, он сам побывал во всех этих чудесных местах и уголках Южного берега Крыма, где и снял эти красивые фотки.

Видя, что на меня сейчас никто не обращает внимания, я встал и прошёлся по комнате за спинами моих друзей, рассматривая фотки и разные занятные вещицы, и сувениры за стеклом на полках мебельной мини-стенки и, в книжном шкафу, стоявшем в углу комнаты. На его полках, забитых справочным материалом о Крыме, впереди книг выстроились разные крымские сувениры, типа красивых раковин-рапан, композиции из мидий, большой сушеный краб песчано-красного цвета с высоко поднятыми огромными красно-черными клешнями, умелые поделки из больших сосновых шишек, красиво-выглядевшие камни и минералы разных размеров, и какие-то деревянные тарелочки и подставки из приятно пахнущего одеколонным запахом, дерева (*позже я узнал, что это был знаменитый крымский можжевельник— реликтовое, кстати, дерево*). И здесь же, в углу над плоским телевизором, висела красивая картина с видом на Медведь— гору с моря.

Картина заинтересовала меня тем, что она показывала носовую часть горы, где стоял большой деревянный крест. Я даже подошел поближе, чтобы более детально рассмотреть её—

как оказалось, эта картина была срисована в увеличенном виде с фотки, очевидно, уличным художником из Ялты. Детализация скал и обрывов и валунов головного мыса Аю-Дага, была просто потрясающая.

Вполуха прислушиваясь к разгоряченному тону Олега, начавшего о чём-то спорить с Мишкой, я понял затем, что у них возникли разногласия насчёт маршрута к каким-то развалинам крепостной стены на вершине горы. Не зная толком, в чём там суть, перестав вслушиваться в их разговор, я прошёл в туалет, а потом на кухню с такой же планировкой, как у Мишки, только с холостяцким налётом— у плиты висело видавшее виды кухонное полотенце (*стирает ли он его вообще?),* а в раковине виднелась тряпка с парой недомытых тарелок и вилок. Невольно, я сравнивал эти однотипные, в общем, квартиры— у Михаила квартира была посовременней, с ламинатом на полу, полотенцесушителем и натяжными потолками и имела, в общем, более комфортабельный, современный вид. А Олег, видно, не заботился с ремонтом квартиры, и она выглядела несколько неухоженной и не такой уютной, как у моего ялтинского друга.

Когда я вернулся в комнату, Олег, уже поостыв, без прежнего словесного напора продолжал обсуждать с моими друзьями, вернее с Мишкой, детали нашего восхождения на гору. Будто вспомнив, кто я, и что я делаю в его квартире, он взглянул на меня как-то озадаченно, а потом, улыбнувшись, махнул мне дружелюбно рукой:

– Старик, извини – у нас здесь возникли свои заморочки. Решаем, как быть. Хочешь, выйди на балкон или посмотри книги, журналы – что найдёшь. Мы сейчас закончим, определимся и пройдёмся потом. Вначале немного по санаторскому парку, а потом влево или вправо, – бросил он пытливый взгляд на Михаила. – Где поинтересней! – он тут же отвернулся от меня, продолжая дискуссию со своими гостями.

– Зачем нам этот парк? Ведь мы же, вроде, планировали пойти сразу на Гору по приезду к Олегу, – посетовал я про себя. *– А меня даже не поставили в известность…* Я не обижался – понятно дело. Я здесь просто гость— хороший друг Мишки. А для Олега я пока никто…, чужой человек, но мне, почему-то, захотелось, чтобы период нашего взаимного привыкания друг к другу не был долгим и “Алик” впустит меня в круг его друзей.

Ну, а пока, я последовал его совету и, пройдя во вторую комнату, огляделся вокруг.

– Смотри-ка, всё, как у Мишки в квартире (прямо дежавю какое-то). Такая же комната, с таким же балконом. Только разная мебель, обои и, что называется, “антураж”.

Здесь не было фотографий на стенах, и было как-то неинтересно и не уютно. У стены стоял узкий платяной шкаф с раздвижными дверцами, табуретка в углу и старая тахта прямоугольной формы с высокими бортиками. Ну и стулья с одеждой – шортами, футболками, накинутых поверх спинок, зачем-то ковёр красный на полу. И, удивительное дело для холостяка – зеркальное трёхстворчатое трюмо в углу.

– От родителей, – догадался я.

А также большой фикус у стены, рядом с выходом на балкон.

Если бы мне сказали тогда о том, ‘Что мне предстоит увидеть здесь в дальнейшем и с кем встретиться здесь же, в этой ничем не примечательной комнате, но уже в других обстоятельствах, я, конечно же, никогда бы не поверил в саму возможность подобных невероятных событий, которые должны были вскоре случиться со мной в Партените.

В комнате было душно и жарко, несмотря на приоткрытую дверь на балкон. Хорошо, что у Олега в гостиной стоял кондиционер, иначе там было бы также некомфортно, как в этой комнате. Любопытствуя, что там у него было на балконе, я потянул ручку двери на себя и вышел на свежий воздух. Здесь не было балконного остекления, как у Мишки – и в лицо мне повеял бодрящий сквознячок с моря, но, при этом, всё равно было жарко.

В углу узкого балкона, справа от двери, стоял старый кухонный столик с какими-то банками и цветочными горшками, и маленький табурет с потрёпанным матерчатым верхом. А

рядом лежала на полу затёртая циновка со следами собачьей шерсти и миска с костью – вроде, как игрушечной, пластмассовой. От коврика несло запахом псины – не сильным, но, каким – то неприятным для меня, запашком.

– Да, Влада же говорила, что у него есть собака! – припомнилось мне. – *Наверно, бегает сейчас, где-нибудь во дворе,* – решил я, подходя к столику. Там, на его желтой пластикой поверхности лежала какая-то коричневая, толстая книга с закладкой. Я посмотрел с любопытством на название (*что, интересно, Олег читает здесь?)* и увидел название – "Геологический словарь".

Солнце светило здесь с торца здания, и балкон находился ещё в тени. Было что-то около начала одиннадцатого дня. Я переставил табурет подальше от этой собачьей "подстилки" к белой, крашеной балконной стене, влево от двери, и, взяв в руки книгу, пролистал её. Закладкой в книге оказалась фотография Медведь – горы на странице со статьёй под названием "Лакколит". Статья носила справочный, суховатый, характер, но была очень информативна, да и просто интересной мне.

Оказывается, Аю-Даг был примером классического лакколита в полном соответствии с научным определением этого геологического феномена – "*линзовидное магматическое тело, образующееся на небольшой глубине в и залегающее среди осадочных толщ. Приподнятые верхние слои лакколита образуют на земной поверхности куполообразное вздутие … и пронизаны жильными магматическими породами, отходящими от ядра. Верхний осадочный покров может быть частично или полностью уничтожен денудацией".*

Здесь же приводились схематические разрезы лакколитов (*разных условных видов – и многие из них имели нечто вроде магматической пуповины, идущей из глубин Земли к нижней части лакколита*). Причём, оказывается, в одном месте, могут, условно быть, несколько лакколитов рядом с друг другом или, даже, один над другим.

Я представил себе ещё одного Медведя, сидящего где-то глубоко, как в берлоге, под нашим Аю-Дагом…

Эта статья разбудила мою фантазию. А вдруг по этим полостям-проходам "пуповины" можно попасть в какие-то пещеры огромные подземные? Читаю дальше…

"Наличие магматического ядра, от которого вверх отходят жильные магматические породы… "

Значит, на Аю-Даге могут быть и какие-то ценные минералы, попутно вынесенных из глубин Земли на дневную поверхность. Может, алмазы?

Прочитанное меня очень заинтересовало, потому что наш Аю-Даг был просто идеально-наглядным примером лакколита и вот, эта геологическая классика стоит над Партенитом во всей своей красе и, мы сегодня сходим и пройдёмся по её миллионолетним склонам! Я не геолог, но, в силу моей любознательности, интересуюсь всем тем, что представляет для меня интерес. И эта новая для меня информация о существовании лакколитов оказалась не только познавательной, но и требовала какого-то практического применения, т. е. натурного исследования и изучения.

Естественно, что я тут же полез искать информацию насчёт "денудации". Попутно, быстро просмотрел и бегло прочёл ряд других, сопутствующих или связанных с этой темой, сведений. Ознакомившись с заинтересовавшей меня справочной горнорудной тематикой, я дальше просто переворачивал страницы наугад и тут заметил, что на последней странице у обложки находилась какая-то сложенная вчетверо, пожелтевшая от времени, газетная вырезка с фоткой горы. Это оказалась статья с информацией о посёлке "Фрунзенское", расположенном рядом с Аю-Дагом (*тюркско-татарским названием Медведь-горы*).

Статья была старая, из ялтинской "Курортной газеты" (была*, оказывается, такая газета в Ялте в советские годы!)*. Вот не знал, что "Партенит" раньше назывался "Фрунзенское" (*по* имени *Михаила Фрунзе, героя Гражданской войны— ну, да не люблю я эту тему и этих прошлых героев гражданской войны*). В той же статье приводились краткие данные об Аю-Даге,

названным самым красивым лакколитом в мире. Я невольно взглянул на цветную фотку этой горы, лежавшую, как закладка, на странице с лакколитами.

– *Да… Он просто красавец!* – восхитился невольно я. В этой же статье было кратко упомянуто о древней истории этой горы и о загадочном захоронении, найденном на территории Артека в 1967 году – могильника с телами молодых, очень рослых (около 2х метров), широкоплечих мужчин (*воинов, охранников?),* лежавших обезглавленными над останками женщины, в богатом убранстве, находившейся в слое ниже на полметра в этом же захоронении, а ещё ниже, скелетик годовалого ребенка.

Меня как-то неприятно поразила это информация – за что их обезглавили, когда это было, в какие времена? Я люблю историю, но всё что связано с захоронениями, изучением могильников, обычаями жертвоприношений, типа скифских ритуальных зверств, меня никогда не увлекали и не интересовали, и я все это пропускаю, без анализа, мимо себя. Так что, я поверхностно прочёл эту информацию и, внимательно, всё, что относилось к геологическому прошлому этой горы, содержавшейся в этой газетной статье.

Прочитав эту сторону газетного листа, перевернул её на другую сторону (*интересно же*) и увидел информацию о событиях в мире в сентябре, 1967 года, включая заметку о Международном Конгрессе астронавтики, который провёл первое заседание Оргкомитета CETI (*Связь с внеземным Разумом*), состоящего из десяти делегатов из Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза, Польши, Чехословакии и Швеции.

– *Да,* – задумчиво почесал я подбородок, – *столько лет прошло, а человечество так и не продвинулось ни на шаг в поисках внеземной жизни, не говоря уже о контактах с внеземным разумом. Да и так ли нужен этот контакт землянам, которые могли бы попасть в ситуацию, сходную с судьбой коренных обитателей новых земель за океаном индейцев, которых европейцы открыли для последующей нещадной эксплуатации и истребления.*

Сильные, по умолчанию, подчиняют себе слабых, и наша человеческая цивилизация, по моему мнению, не стала бы исключением из этого правила.

Пока я с любопытством читал, солнечные лучи перешли незаметно на край балкона и стали слепить мне глаза. Я хотел было пересесть подальше в тень, встав и потянувшись так, что хрустнули суставы, опёрся на перила балкона и, отвлёкся от чтения, осматривая местность напротив этого дома.

Располагаясь ниже по склону, заросшему зеленью, холма, перед этой четырёхэтажкой находилась тенистая узкая улочка с каменной подпорной стеной, напротив которой возвышались кроны нескольких тёмно-зелёных свечей кипарисов, несколько заслонявших мне обзор вышележащей части холма. А прямо передо мной, на пригорке, шла ещё одна улочка – дорога, проходившая мимо огороженных частных участков наверху, с массой каких-то заборов, заборчиков, ворот и калиток – и всё в зелени растений.

Особенно мне нравились видневшиеся там большие, цветущие кусты розовых олеандров и, всё тех же, приятных моему неизбалованному взору московского жителя, свечек кипарисов и раскидистых ленкоранских акаций, за которыми слева от меня виднелись добротные коттеджи. – *И, ведь, что интересно,* – подумал я философски, – *кому-то Москва – мать родная, а живя здесь, в этом тёплом, в буквальном смысле, местечке, местные жители вряд ли захотели бы променять свой Партенит на Москву. Летом здесь такая благодать! Вон, сколько фруктов растёт!*

Мой взгляд удовлетворённо скользил по палисадникам и зелёным дворикам “фазенд” наверху, где всюду виднелись плодовые деревья, на которых проглядывались, местами почти спелые, жёлто-кремовые абрикосы и красные сливы. И, там же, росли узловатые, вьющиеся стволы домашнего винограда – виноградные лозы тянулись вверх по каменной кладке стен или затеняли уютные, все в розово-красных цветах и больших кустах гортензий, палисадники.

А ещё, вверху на пригорке виднелись и большие, развесистые, как огромный кустарник, стволы инжира со светло-серой, как у слона, корой, и со столь знакомой своей формой зеленью широких фиговых листьев. Ну, точно один в один, по размерам и форме, как на картинах библейский сюжетов об Адаме и Еве – фиговый рослый кустарник, так сказать…И везде росли розы и какие-то красные, жёлтые и прочие цветы (*я не разбираюсь в цветах, тем более в местных*). Но вот акации ленкоранские я уже знал, и их красно – розовые соцветия приятно радовали взор там же, на той улочке на склоне холма.

– *Да… Хорошо-то, как здесь!* – опять подумалось мне, окидывая взглядом всю эту местность ниже и выше меня. Справа, за возвышенностью от меня, скрывалось, как я знал, море, но, поскольку дом стоял ниже по склону, деревья, и всякие постройки просто перекрывали обзор слева и справа от меня.

Но, конечно же, самый потрясающий вид скрывался от меня на противоположной стороне дома, где была Медведь-гора.

– *А вот с крыши, наверняка, просто отличная круговая панорама!* – размышлял я, стоя на балконе и почувствовав, что становится слишком жарко, вошёл назад в комнату и, оттуда, в гостиную.

Моё появление заметили.

– Антончик, мы тебя потеряли, – услышал я мелодичный голос Влады, первой увидевшей моё возвращение в эту “кают-компанию”.

Она стояла рядом с Мишкой и Олегом, склонившись над какой-то большой картой, которая была расстелена на старом паркетном полу у торцевой стены.

– Антош, иди сюда, – позвал меня Мишка.

– *Ну да, вспомнил про меня,* – с какой-то обидой подумал я, не показывая виду, идя бодрячком к ним. Олег даже не удосужился, ради приличия, обратиться ко мне. Я машинально взглянул на столик с угощением, приготовленные Олегом – вино в бокалах так и осталось недопитым. Хозяин квартиры сидел спиной ко мне на полу у большой карты (*наподобие контурной*), сделанной на большом ватманском листе, с огромным схематическим рисунком Медведь горы.

– Вот, посмотри, что нам предлагает Олег, – с энтузиазмом сказал Михаил, кивая на карту. Олег, повернувшись к нам лицом, передвинул карту.

– А что это? Карта Медведь-горы? – спросил я, желая войти в тему их разговора.

– Карта, карта, – ответил Мишка вместо Олега, – да непростая!

Оказалось, что это был крупноформатный схематический рисунок (*наподобие топографической карты*) Медведь-горы, сделанный Олегом на большом листе ватмана, где он нанёс не только все известные там пешеходные тропы, но и, даже, новые, открытые им, скрытые, заброшенные тропинки, о которых знал только он один. Более того, на этой схематической карте-плане Медведь-горы он нанёс и все отметки высот, нарисовав 3 проекции горы – вид сверху, сбоку и спереди. Карта была окрашена в светло-зелёный цвет там, где рос лес и деревья и, в светло-серый, где растительности не было (*главным образом на крутых боках с западной стороны горы*). Условные пляжи вокруг горы были окрашены в жёлтый цвет с синей полосой прибрежных вод с бухтами и обозначением глубин на 10–20 метров от берега. На проекции вида Медведь горы сверху, были отмечены главные тропы на хребте горы, защитные стены укреплений(?), а также поляны, культовые сооружения, места Силы (?), “Трон Силы (?)” и даже пещеры!

– Да…, – с уважением в голосе, я обратился к Олегу, – круто, ничего не скажешь!

– А ты и не “кажи”, а, спроси, если вопросы есть, – ответил снисходительно Олег.

Похоже, я был для него не то, чтобы “чайником”, а просто неинтересен, как личность – зелёным юнцом, коим он меня считал…

Тем не менее, несмотря на его снисходительное отношение ко мне, я испытывал к нему какую-то симпатию и даже уважение за его внутреннюю убежденность и умение отстоять свою точку зрения— *я слышал, как он аргументировано спорил с Михаилом Викторовичем* . Я уже понял, что Олег – это реально крутой мужик, чтобы составить такую карту, ему пришлось, наверное, раз сто, залезать на вершину Горы и бродить по ней, исследуя её, да и поплавать вокруг неё на лодке с маской и трубкой. Его какая-то фанатичность, одержимость – не знаю, как и назвать ту силу, которая гнала его на Гору и заставляла его исследовать её в таких деталях – была поразительной. И тут задал ему вопрос, но не тот, которого от меня можно было ожидать.

Как-то неожиданно для меня самого, я сказал, немного пафосно, с напускным видом:

– Слишком энергозатратная тема. Какой смысл всё это изучать, исследовать, тратить время на *То*, что никому, кроме тебя, не нужно? Оправдывает ли это себя?

Хотел ли я этим неожиданным вопросом показать Олегу, что и я не простачок, имею своё мнение и суждение и со мной надо как-то считаться, и я ценю себя, не меньше, чем он себя— не знаю. Но вышло, как вышло, не совсем тактично и как-то в лоб – мол, зачем тебе это всё надо? *В общем, захотел поднять своё реноме в глазах моих друзей. Я же не простачок из провинции…*

Мишка удивленно повернулся ко мне, переглянувшись затем взглядом с Владой – она с недоумением посмотрела на меня (*в её глазах я прочел типа, какой же ты неблагодарный, чувак, мы для чего тогда сюда приехали?).* Но, к удивлению Мишки и Влады, Олег внешне спокойно воспринял мой вопрос. Он взглянул мне прямо в глаза и ответил как-то слишком прямодушно и без всякого пафоса для такого знающего, одержимого исследованиями Горы, фаната:

– Хороший вопрос… Я и сам не раз спрашивал себя, зачем и почему я это делаю. Для кого? – он помолчал, думая о чем-то своём, и продолжил:

– Ведь серьезно этой горой никто не занимается, никто её не исследует, никто не пытается понять, что скрывается в недрах Горы, какие там есть загадки. Ты нигде не найдешь информации о Медведь – горе, кроме общеизвестных фактов о её возрасте, высоте, длине, истории её исследования историками и любителями природы за последние 150 лет. Последнее серьезное справочное издание, написанное профессионалами-историками, вышло в 1975 году! И всё! Открой интернет, и ты не найдешь там никакой новой информации, кроме кочующего с разными вариациями плагиата о нём по просторам Интернета. А я хочу открыть скрытые тайны Горы, которые там есть – я это знаю! Проникнуть в её пещеры, увидеть, наконец, ***Хозяина Горы***… – он помолчал, размышляя о чём-то. – И вот, теперь этот “Знак” появился. Для чего? Похоже, пришло Время. Но вот для чего, конкретно, мы, возможно, узнаем сегодня, или завтра. Когда *Всё* сложится и прояснится. И, к тому, те пещеры, – начал он говорить, и осёкся. Словно сказал что-то лишнее, увидев вытянувшееся лицо Михаила.

В комнате наступила тишина. Мои друзья – главным образом Мишка, в замешательстве смотрели на него, не зная, что и говорить. На лице Влады было написано выражение недоумения и какой— то жалости. К Олегу? Или она вспомнила о чём-то личном, взволновавшем её. По-моему, они слишком серьёзно восприняли все эти Олеговы “страшилки”, а меня распирало обыкновенное любопытство – здесь скрывалась какая-то тайна, которую Олег намеревался выяснить. Это же было так естественно!

Молчание моих ялтинских друзей показалось мне странным, и я пытался понять, что происходит.

Наш партенитский товарищ, между тем, почему-то, замолчал, как будто размышляя о чём-то глубоко личном. Мне стало понятно, что я, не владея всей полнотой информации, воспринимаю всё поверхностно, не понимая сути происходящего и, они, конечно, знали об Олеге больше, чем рассказали мне. Его слова прозвучали так серьезно, и были наполнены таким внутренним убеждением, подразумевая такие тайны на уровне чего-то чуть ли не потусторон-

него, что это всё никак не вязалось с нашим прежнем, легковесным, любительским желанием пройтись по Горе и выяснить чуть ли не сразу, с наскока, природу того Знака, о котором Олег сообщил Владе вчера. Тема о Хозяине, озвученная так неожиданно этим партенитским исследователем древних тайн Аю-Дага, была слишком серьезной для моих ялтинцев, и, в первую очередь, для Михаила.

По его нахмурено-напряжённому лицу было понятно, что он был весьма озабочен этим странным заявлением Баженова. И, похоже, это никак не входило в его планы нашего любительского похода на гору. Странно-прозвучавшее, навязчивое желание нашего чудаковатого, как ранее мне сказал о нём Мишка, товарища встретиться с каким-то там мифическим Хозяином Горы были для моего приземлённого ялтинского друга где-то за гранью здравого смысла и наводили на определенные выводы о психическом здоровье Олега.

Невольно, мне на ум опять пришло, как Мишка обмолвился тогда в разговоре с Владой о какой-то чудаковатости Олега. Может, он имел в виду нечто такое, о чём Олег так вдруг искренне поведал нам в порыве откровенности, видя в нас любителей тайн Природы? Вроде, искателей приключений, как он сам. И, к тому же, этот, одержимый по-сути странной идеей, "поисковик" (*я вспоминал, что' Влада нам вчера рассказала о нём*), мог невольно вовлечь нас в своих поисках во что-то совершенно ненужное им. Выходило, что мои ялтинские друзья не были готовы к тому, чтобы настолько серьёзно впрягаться в тему "Знака" на скале. И не вникали так глубоко касательно причины фанатичного увлечения их партенитского знакомого этой темой, не догадываясь об истинных побудительных мотивов его частых походов на Аю-Даг. А сейчас, видимо, до них дошло, как у врача на осмотре больного, что с психикой "пациента" что-то было не так. Его тяга к этой Горе, в общем-то, понятная мне сейчас, как оказалось, имела какую-то скрытую, глубинную причину, скрытую от его друзей, и я пока пытался разобраться в услышанном, стараясь вникнуть в тайный смысл сути его слов.

– *Ну, выглядит, со стороны, немного, действительно, странновато это его желание,* – пытался я оправдать загадочное утверждение Олега о неведомом "Хозяине". – *Но, почему Мишка так явно продемонстрировал всем своим видом его мнение об этой Олеговой странности? Какой-то там тайный хозяин Горы. Громко сказано! Это наверняка фигура речи – просто Олег так его называет. Ну, может быть, это кто-то вроде искателя истины, добровольного обитателя пещеры, скрывающегося там от людей.*

В крайнем случае, это дело милиции, если этот ***человек*** – а я не сомневался в этом – *прячется там по какой-то криминальной причине. Но, скорее всего, это именно какой-нибудь искатель истины, гуру или мистик, ищущий смысл жизни в уединении от мира людей. А Олег хочет стать его учеником или, хотя бы, просто войти с ним в контакт. И, что с того? Что здесь такого странного или ненормального?* – я взглянул на Олега, ожидая, что он и сам уже понял, что спугнул осторожного Мишку, и ему нужно просто разъяснить конкретнее моему ялтинцу, кого он имел в виду, именуя "Хозяином" и, почему ему так важно встретиться с ним на Горе.

– *Навязчивый синдром,* – неожиданно мелькнула у меня уместное определение. – *Мишка, наверное, считает его теперь слегка ненормальным.*

Мои притихшие друзья, похоже, тоже думали нечто похожее об Олеге или, даже, более нелицеприятное для него. И, что дело-то серьёзное, я понял по лицу Михаила, смотревшего на Олега с недоумением и оторопью от услышанного. Мне стало ясно, что, его мнение об их партенитском товарище очень изменилось. Очевидно, *то'*, что они с Владой считали раньше просто любительским хобби у Олега, оказалось, по сути, чуть ли не клиническим случаем, требующим визита к психиатру.

– Ну, ты даешь, Олежик, – мягко и как-то с сочувствием произнесла, наконец, Влада, опустив руку ему на плечо. Было видно, что она его искренне пожалела. И Мишка даже не

дёрнулся ревниво от этого нежного жеста – он, видно, и сам понял, что у его товарища не всё в порядке со психикой.

– *А что это за "Хозяин"?* – вертелся у меня вопрос на языке, но видя серьёзные лица моих друзей, я не стал дальше развивать эту тему. По лицу Влады я понял, что она, очевидно, и раньше знала об этой теме с "Хозяином", и это ей явно не нравилось. Во всяком случае, ей не хотелось, чтобы Олег обсуждал этот вопрос с нами, а, вернее, с Михаилом, который обладал сугубо— материалистичным— мышлением и сторонился, как и я, всяких страшилок о нечистой силе и быличек о потусторонних случаях, в изобилии кочующих на просторах интернет – подписок, – вроде Yandex.zen.

– Алик, ты, верно, пошутил? – вступил в разговор Михаил, смотря с недоумением на Олега.

Не думаю, что он так полагал на самом деле, но, во всяком случае, хотя бы внешне, своим делано – дружелюбным тоном он хотел, хотя бы внешне, дать хозяину квартиры возможность обратить всё в неудачную шутку.

– Олежик! Может, не стоит так гнобить себя в поисках этой тайны, или её разгадки? Ведь ты же, вроде, исследуешь её, чтобы написать книгу о ней, а тут вот какая, оказывается, тема всплыла, – продолжала Влада, не убирая руку с его плеча.

Похоже, она скрывала раньше от Михаила эту загадочную тему о Хозяине Горы и выглядела очень встревоженной. В её голосе звучала явная озабоченность насчёт душевного здоровья её партенитского друга. Зная давно Олега, она понимала гораздо лучше истинный смысл его слов и намерений, и не пыталась представить всё в виде оговорки или неловкой оплошности с его стороны.

Олег, слегка улыбнувшись ей, мягко убрал её руку со своего плеча, отходя без слов к окну и, откинув занавес на окне, стоял там, молча, смотря на видневшуюся вдали за стеклом верхушку громадной Горы.

– Лучше не трать на это серьёзного времени, оно того не стоит – живи спокойно и побереги своё время и здоровье, – продолжал Михаил вроде, как, по-товарищески, осторожно уговаривать Олега, глядя ему в спину.

Баженов, как мне показалось вначале, задумался над его советом, ничего не говоря Михаилу, уйдя в глубокие раздумья, по – прежнему отвернувшись от него, смотря в окно.

– И, что ты будешь делать, если встретишь этого Хозяина? – вставил я, наконец, свой вопрос в ходе образовавшейся паузы.

– Не мне решать вопрос встречи с Ним. Я увижу Его, когда *Он* захочет это.

Отвечая на мой вопрос, он даже не повернулся ко мне, устремив свой взор на коричневато-зелёную громаду Горы, с её рельефными каменными боками, окрашенные в ещё нежно – розовые оттенки утренним солнцем.

Вероятно, он вспоминал о чём-то сокровенном, что ему довелось там увидеть и наши советы были для него сейчас малозначимыми и, даже, несущественными. Всё оказалось гораздо серьёзнее, чем даже я представлял себе. Выходило, что этот "Хозяин" был для Олега чуть ли не какой-то могущественной личностью и для "рандеву" с ним нужно было получить, вроде, какого-то позволения. Именно на встречу, а не знакомство.

Моё любопытство усилилось до крайности. Конечно же, мне не терпелось расспросить Олега побольше об этой самой загадочной личности, под условным названием "Хозяин", скрывавшейся непонятно, где и как, на Медведь-горе. И, самое главное, *что – он – там— делал??* Если он находился на Горе, на постоянной основе, то, как это было возможно? Он же не лесник, который жил там, где-то в лесной сторожке. Возможно, он лишь периодически появлялся там и вот, именно, поэтому Олегу и нужно было получить согласие этого Хозяина на встречу с ним.

Ответы на эти и прочие мои вопросы мог бы, конечно, дать лишь сам Олег, но для этого мне нужно было его “*разговорить*”. Я смотрел на Михаила, делая ему условные знаки, чтобы он отстал от Олега и дал ему возможность высказаться, объяснить дальше свой “тизер”.

Странно – прозвучавшее для всех нас утверждение Олега ещё больше заинтриговало меня и уже окончательно насторожило Мишку – он озабоченно поджал губу, нахмурившись. Разговор с Олегом явно уходил в какую-то ненужную ему плоскость. Меня же, наоборот, просто тянуло к этой загадочной теме, и я хотел продолжения нашего разговора именно об этом самом “*Хозяине”.*

Для меня, москвича, рационального молодого человека, неизбалованного встречами с чем-то таинственным и неведомым, и не испытавшего никогда в своей жизни настоящих “адренолиновых” страхов, связанных с чем-то мистическим и непонятным, помимо тех обычных, в общем-то, в детском, а потом и в подростковом возрасте, ребячьих “ужастиков” или, позже, фильмов ужаса, которых я сторонился и, вроде, как перерос, считая их щекочущим нервы вымыслом, хотя и в чём-то неосознанно возможным, особенно, когда я оставался один на один с темнотой в полной тишине в ночи на родительской даче у леса под Нарой, желание Олега увидеться с загадочным Хозяином Горы было каким-то крутым, в моём понимании, вызовом первобытным страхам, заложенные в человеке на генном уровне.

Сейчас, в домашней обстановке гостиной, при свете дня, слова Олега воспринимались мной без всякого налёта мистики чуть ли не виде своеобразной приключенческой фабулы условного квеста с щекочущей нервы полуигровой мистической интригой в поисках “Хозяина Горы”. С наличием потенциальной игровой загадки и некоей опасности при прохождении её уровней. Только не в компе, а в реальном походе на Медведь-горе! *И, обязательно, со счастливым концом.*

Не зная ничего об этой загадочной личности, я мог лишь строить предположения. Но это было интересно – захватывающим для меня. Раз уж Олег— такой знающий и опытный исследователь – уже столько времени не может встретиться с этим таинственным *Некто*, значит, здесь кроется какая-то настоящая тайна, которая меня манила своей неизведанностью и буквально побуждала меня к действиям. Тем более, что всё это, как я догадывался, было связано каким-то образом с теми пещерами, случайно обнаруженными Олегом в ходе его блужданий в том странном тумане, о котором мне рассказала вчера Влада.

Олег отвернулся, наконец, от окна, словно выйдя из своей глубокой задумчивости, и повернувшись к нам, как будто впервые для себя увидел наши удивлённо-напряженные лица. Особенно, Михаила.

Поняв, что его друзья слишком прямолинейно и, возможно, неправильно истолковали его слова, он неожиданно улыбнулся, ответив им сразу на все мучавшие их вопросы и подозрения:

– Да расслабьтесь! Это же только хобби. Или я похож на Данилу— мастера?

– *Это тема из “Хозяйки Медной горы” сказки Бажова,* – вспомнил я.

Но это его шутливое сравнение с таким же одержимым, как наш товарищ, пусть и сказочным, персонажем, ещё больше озадачило Михаила, и как-то испугало Владу – по её лицу я видел, что она всё— таки знала об этой теме с “Хозяином” явно больше, чем сказал нам в порыве откровения мой новый товарищ. Олег был мне симпатичен, и я решил, что буду теперь на его стороне— он, вовсе не казался мне “одержимым” или, чудаковатым, парнем.

– Как-то непохоже, что это просто хобби, – проговорил Михаил ни к кому не обращаясь, вслух. – Извини, Алик, но в этом мы тебе не помощники.

В комнате опять наступило напряженное молчание. Наш поход на Аю-Даг, который казался нам всем до этого не более, чем увлекательным предприятием, вроде, крутой полу— приключенческой прогулки на Гору для исследования того “Знака”, оказался связан с какими-то странными тайнами мистического толка, о которых знал только сам Олег. Мы походили

сейчас на подростков, которые приоткрыли шутки ради двери в тёмный чулан, чтобы посветить там фонариком, а там оказалось *Нечто*, что могло быть не только ненужным нам в нашей повседневной жизни, но и потенциально опасным. Это была загадка, решить которую, весьма вероятно, мы не только не могли, но и, теперь, не хотели. Во всяком случае, Михаил. И дело было не в условной "неадекватности" этого партенитского "исследователя тайн", а в самой проблематике этой темы.

"Не буди лиха, пока оно тихо", – неожиданно на ум пришла мне эта уместная сейчас, поговорка.

Олег же, после его попытки как-то взбодрить нас всех, похоже, опять задумался о чем-то, связанного с этой неожиданной темой Хозяина Горы. Вся крутизна этого уверенного в себе парня куда-то ушла – он присел на пол у расстеленной там карты и в задумчивости смотрел на неё, не глядя на нас. У меня возникло ощущение, что ему сейчас нужна наша помощь. Ну, хотя бы, моя, поскольку его друзья, услышав эти признания, оказались не готовы поддержать его в *таких* исследованиях – нормальным людям это просто не нужно. А друзья-то, в данном случае, в лице Михаила, оказывается и не подозревали об истинном характере увлечения Олега этой темой, думая, что он просто фанатичный ходок, любитель походов, типа Исследователь Природы, как ранее уверяла нас в этом Влада. А здесь открылось такое дно! Так сказать, обратная, тёмная, сторона медали. И как я понял, мои друзья восприняли все его странно— звучащие намерения как своего рода психическую одержимость.

Независимо от того, верили ли они в существование этого мифического "Хозяина", или нет, но, в любом случае, связываться с этой темой они не хотели. Тем более, если этот *Некто вдруг на самом деле существовал,* это подразумевало бы, в таком случае, встретиться в их привычно— спокойной жизни с чем— то выходящим за рамки здравого смысла. Был ли Олег прав или нет, проверять это, отправившись в поход с ним на Гору, они не хотели. Просто боялись, образно говоря, зайти вместе с ним в этих исследованиях в условную "тёмную" комнату. В конце концов, даже мной сейчас двигало простое любопытство, а вот Олегом – желание открыть Тайну, о которой знал лишь он один. Для Михаила это была пугающая и совершенно не нужная ему загадка, которая не увлекала, а наоборот, страшила его.

Мне было ясно теперь, что появление этого "Знака" послужило для Алика словно неким сигналом или зовом, и ему нужны были компаньоны, а лучше помощники, в его новом походе на Гору. Только вот для чего? Мишка, очевидно, тоже это понял и отступил, ещё не начав наши "натурные" исследования этой темы. Мы— то, хотели идти просто к "Знаку", а он, оказывается, искал какого-то мистического "Хозяина" Горы, и вольно или невольно, мог бы как-то вовлечь нас в этот ставший сразу слишком серьёзным для нас, условный квест. И ещё – если, всё, что сказал нам сейчас Олег, правда, то одним днём похода на Гору здесь не отделаешься. Мы лишь слегка прикоснемся к этой Тайне, а потом оставим Олега один на один с его мыслями, догадками, и, когда ему потребуется реальная помощь, рядом с ним никого не будет.

Эти и прочие мысли, пришедшие мне ум сейчас, подсказывали, что и мне нечего соваться в это сомнительное предприятие— я же приехал отдыхать, тусить с Мишкой, а не помогать Олегу в разгадках мучивших его загадок о Горе и её тайнах, неизвестных мне, о которых мне лучше было бы и не знать дальше. "*Не буди лиха, пока…*, опять было, вспомнил я эту поговорку, раздумывая, как мне быть, и тут, неожиданно для меня самого, я почувствовал, что *просто должен* пойти на эту, уже чуть ли не манящую меня к себе, Гору. И искать там с Олегом *Нечто*, что могло бы послужить разгадкой тайны появления того Знака на неприступной скале.

Каким-то непонятным образом, мои растущие сомнения в целесообразности моего вовлечения в эту "тёмную" тему, вдруг оставили меня. Как будто что-то в глубине моего сознания шепнуло мне, чтобы я не боялся. Это было неосязаемое восприятие какого-то внутреннего

спокойствия, которое я почувствовал в себе в момент моих раздумий и появившейся, было, неуверенности в необходимости моего участия в этом "квесте".

Никогда не склонный к авантюрным приключениям, меня вдруг опять охватил исследовательский пыл, и я понял, что мне нужно было не упустить шанс сходить с этим моим новым партенитским знакомым на Гору.

Мне было ясно сейчас, что моим друзьям проще отговорить Олега, чем ввязываться в эту тему и помогать ему. Более того, они, особенно Мишка, не горят уже желанием исследовать тайну того "Знака", понимая, что его появление связано с чем– то таким серьезным, куда им не надо соваться. *И, чего доброго, откажутся от нашего вчерашнего плана хотя бы просто сходить на Аю-Даг. И не попробуют, не то, что добраться до этого "Знака", но и, хотя бы, просто увидеть его воочию там. Мишка уже принял для себя решение. Они же живут в Ялте, а этот парень – здесь. И, к тому же – одним днём, опять*-таки, *здесь явно не обойтись. Их разовая помощь или акция по исследованию этой, одной из многих тайн Медведь горы, ничем не поможет Олегу в его целенаправленных, многодневных исследованиях её тайн. Скорее всего, они (вернее Мишка) сейчас откажутся идти сегодня или завтра на Медведь-гору (а ведь говорили, что "едем с ночевкой",* – вспомнил я слова Михаила*).*

Таким образом, наш поход на Медведь-гору грозил закончиться, так и не начавшись и, я решил взять инициативу по возрождению нашего "предприятия" в свои руки. – Ну, а, кто обещал мне показать Партенит, пройтись по парку, пляжам? – сказал я Мишке и в моей памяти всплыл образ "моей" сероглазой Вероники…

– *Вдруг,* – подумал я с надеждой, – *Олег случайно знает эту девушку по Партениту – он же местный!*

Я опять вспомнил о том голосе во сне и, находясь сейчас в Партените, не хотел упустить возможности встречи с ней, помня о том, что мне было сказано об этом, словно наяву.

Михаил пожал плечами – склеить наш дальнейший разговор не удавалось. Он даже не предложил мне хотя бы пойти сейчас на пляж или просто прогуляться со мной и Владой по этому городку. То ли и впрямь до Мишки дошло, что Олег, типа, немного с чудинкой, или же он не хотел, чтобы Влада в своем сочувствии "Олежеку", не зашла слишком далеко. Как я теперь догадался, у Влады, и Олега был раньше роман до её знакомства с Мишкой. И теперь мой ялтинский мачо чувствовал себя не в своей тарелке в присутствии "бывшего" парня его девушки. Во всяком случае, я видел, что у Мишки испортилось настроение, и общение с Олегом его уже явно тяготило.

В итоге, все наши сегодняшние планы расстроились – Мишка вышел на кухню, куда-то позвонил, а потом, вернувшись, объявил, что у него срочное дело и ему надо ехать в Ялту. Хотя, мол, он и отпросился в конторе на пару дней, но сегодня же понедельник, и возникло очередное срочное дело. Так что, его ждут к 11 часам в Ялте, в офисе.

– Нам надо ехать, – сказал он с извиняющейся улыбкой, глядя на Владу, и посмотрел затем на меня. Это *"нам*" относилось, естественно, и ко мне.

Михаил подошёл к Олегу, по-дружески приобнял его, но всё было как-то теперь фальшиво со стороны моего ялтинца: и это его рукопожатие, и это эта срочная необходимость ехать в Ялту – ведь этим утром, как он мне сказал, мы поднимемся все вместе на Медведь-гору к тому "Знаку", местонахождение которого известно лишь Олегу.

Я стоял, не понимая, как же так? Сейчас я был бы рад просто так взобраться на эту Гору днём, как турист, без всяких там исследований тайн. Ведь у меня больше уже не будет такой возможности приехать сюда, да и где-то смутно в душе, я по-прежнему думал Веронике.

– Ведь она находится сейчас где-то здесь! Она же только-только приехала в Партенит, как я – в Ялту! И будет здесь, наверняка, ну, никак не меньше недели.

Эта мысль подхлестнула меня.

– Алик, – спросил я решительно у Олега, который стоял отрешенно, у окна, опять смотря на Гору, – а я могу с тобой сходить на Медведь-гору сегодня?

Было очевидно, что его огорошила такая странная реакция друзей на его планы из-за неожиданного признания, сделанного им. Выходило, что он как будто сознался в своём навязчивом синдроме – обсессии, связанной с каким-то нехорошим и опасным для него самого и для нас, делом, в которое он собирался нас вовлечь.

Мой вопрос вывел его из задумчивых размышлений – он посмотрел на меня и качнув утвердительно головой, сказал:

– Ну, а, почему нет? Конечно, можешь, если хочешь. А можем и завтра сходить— останешься у меня. Места хватает, – ответил он как— то расстроено, всё ещё недоумевая, почему его друзья, с которыми он поделился так неожиданно своей Тайной после всех совместных обсуждений предстоящего восхождения на Гору сегодня, вдруг решили уехать. Но ещё больше, ему, видно, не хотелось расставаться с Владой…

Мишка же торопился разорвать эту незримую связь бывших отношений между этими двоими, и уже стоял в кроссовках на пороге квартиры, сказав ещё раз громко Олегу:

– До свидания! – и, тем самым поторопить свою подругу и меня. Он был уверен, что я последую за ним. Выйдя из квартиры, Брагин стоял, ожидая нас на лестничной площадке. Влада стояла в коридоре вместе с Олегом. Она даже обняла его, что-то говоря ему личное на прощание.

Михаил негодующе отвернулся от них и сказал, беря свой набитый рюкзак, обращаясь ко мне:

– Антош, поехали, время не ждёт! И тут, к его изумлению, я ответил, что остаюсь здесь.

Он не поверил тому, что услышал, и вернулся к двери, спрашивая меня изумлённо:

– Старик, ты это что, серьёзно? Решил остаться здесь? Для чего?!

Чтобы не придавать серьезности значению этому факту, я ответил внешне шутливо, почти беспечно:

– Ты, видно, забыл про Веронику? Обещал мне найти её здесь! А сам уезжаешь! – укоризненно добавил я. – Теперь пойду искать её сам!

Влада уже вышла из квартиры с красным рюкзачком за спиной (*что же у неё там было?* – мелькнула у меня любопытная мысль. – *Поди, косметика и прочие женские штучки*). Слыша наш разговор с Михаилом, она остановилась и вернулась к двери. Стоя у порога, она шепнула мне, приобняв за плечо:

– Антоша, не бери в голову, – она качнула головой в сторону Мишки. – Олег нормальный парень, просто слишком одержимый идеей. Он так и в университете занимался своими темами, как ненормальный трудоголик. А сейчас работает в Гурзуфском историческом архиве. Он мне и раньше как-то говорил об этом “Хозяине”, ну да я не воспринимала его слова в серьез. А теперь он вдруг, как решился и впрямь искать его сам. Не понимаю, зачем это ему нужно? Что он хочет узнать для себя или какую он преследует цель? Если надумаешь пойти с ним на Гору, поспрашивай его обо всём, но не влезай ни в какие авантюры и в ту пещеру даже не думай идти. Ты нам нужен здоровым, котик!

Она улыбнулась и пошла вниз по ступенькам и, обернувшись, послала мне воздушный поцелуй.

– Лучше ищи свою Веронику. А вдруг, это и впрямь твоя любовь?

Мишка посмотрел ей вслед и, обернувшись ко мне, сказал серьёзно:

– Антоша, раз ты остаешься – это твоё дело! Ищи Веронику, ходи, наслаждайся природой, морем— отдыхай. И, наклонившись ко мне, заговорщицки произнёс:

– Смотри, будь поосторожней на *Медведе*, если, всё-таки, пойдёшь с Олегом. И ни в коем случае ночью! А то мне Влада и раньше говорила о ночных вылазках Олега, да я думал, что

это просто желание получить обостренные ощущения романтические при свете костра, как на пионерских зарницах, на вершине Медведь горы. А здесь дело-то, оказывается, серьезное!

Он многозначительно посмотрел на меня, и добавил:

– В любом случае звони мне и, если надо, я тут же приеду за тобой. Олег, в общем, неплохой парень, но, оказывается, и верно, с причудой, мягко говоря!

Взглянув в сторону открытой двери, он хотел что-то ещё добавить жестом у виска, но тут в проёме двери показалась высокая фигура Олега, и Мишка, повернувшись, заспешил по ступенькам вниз, к Владе, которая уже вышла на улицу.

Я пошёл вслед за Олегом в квартиру, понимая, что, оставшись у него, теперь я могу ещё больше приблизиться к тайнам этой Горы, на которую я так хотел взойти, увидеть воочию тот “Знак”, который меня так заинтересовал ещё вчера. Ну, и, естественно, искать Веронику, тем более что, как я понял, мне можно будет побыть здесь, у него в Партените, несколько дней.

Мы прошли в его комнату. Если он и был расстроен в душе, это, пока, никак не отражалось на его лице— он, видимо, умел держать свои чувства, не выказывая их посторонним. Улыбнувшись, он предложил мне сесть на диван, а сам уселся на банкетку с зелёным, мягким верхом, напротив меня, говоря:

– Не знаю, какая муха укусила Михаила, но наши планы не меняются. Раз вы приехали сюда для похода на Аю-Даг, поход состоится при любой погоде, – он дружески улыбнулся мне. – Жаль, что Влада тоже уехала, но, это уже другая история, – его голос немного погрустнел.

Я молчал, не зная, что и сказать.

– Но жизнь продолжается, верно?

Он не ждал от меня каких-либо слов или ответа – сейчас мне было видно, что он всё-таки раздосадован и, даже, расстроен. Потерев с силой виски, глядя отсутствующим взглядом мимо меня, Олег хлопнул затем с шумом себя по коленкам и, встав с табурета, подошёл к окну и подозвал меня. Похоже, он справился с эмоциями и обрёл прежнюю уверенность в себе. – Посмотри на Гору – видишь там оползни каменные? – и он показал рукой, откинув в сторону тюль, на светло-коричневый каменистый бок, видневшийся вверху на горе.

– Я там как-то сбился с пути, вышел не тот участок тропы и чуть не упал с обрыва вниз. Ну, да это было давно для меня – где-то на мой третий поход на Гору, лет десять назад. А вот там, – он подошёл к прикреплённой на стене большой цветной фотографии Аю-Дага, сделанной, наверное, с квадрокоптера, – левее над верхушками двух высоких зданий у самого подножия горы, – *показал он чуть выше её середины,* – в том районе я и нашёл те пещеры, которые обозначил на карте.

– Мы попробуем и туда сходить.

– Что, настоящие пещеры? – спросил я с любопытством.

– Ты, вообще, был хоть раз в пещерах? – задал мне вопрос Олег, не отвечая мне напрямую.

– Нет, не приходилось, – чуть ли не с сожалением ответил я.

– Ладно, это дело поправимое. Только вот эти пещеры странные. И как я думаю, имеют искусственный характер. Сделаны из огромных каменных глыб.

– Это что-то вроде дольменов? – спросил я, вспоминая, рассказ Влады об этой Олеговой находке.

– Именно, – кивнул Олег. – Это хорошо, что ты знаешь как, в общем, выглядят дольмены и тебе станет понятнее *То,* что я увидел там, когда неожиданно вышел на эти две пещеры.

Видя, что меня снедает жгучее любопытство, он подошёл к карте, расстеленной на полу, и показал на ней место, где располагались эти пещеры на местности.

– Ты же, наверно, хочешь услышать подробности?

Я кивнул головой.

– Ну, с чего начать… – он сел опять на банкетку и помолчал, собираясь с мыслями.

Присев напротив него на табурете, я смотрел с невольным уважением на этого моего нового товарища, признавая его авторитет и видя в нём того самого Гэндальфа, о котором вчера мне поведали, шутя, мои ялтинские друзья. Но сегодня всё выглядело предельно серьёзно, и я замер, весь во внимании, в ожидании чего-то таинственного и загадочного, о чём собирался поведать мне этот сведущий, фанатичный исследователь тайн Аю-Дага.

– Это было осенью, в конце ноября, прошлого года, – начал он свой рассказ.

Ну а дальше, я привожу его повествование в моей интерпретации.

Глава 5
Рассказ Олега о странных вещах, происходящих на Медведь-горе. Загадочный туман и таинственные пещеры

В тот раз Олег пошёл на Гору, как всегда, один – желающих побродить по горе в ненастную погоду, конечно же не было. Да ещё в таком неуютном для глаз, голом, осеннем лесу, с увядающим, в предзимнем состоянии, растительным покровом – не самое приятное зрелище на Горе в это время года.

Он поднялся на Гору по северному маршруту и вышел на её вершину около 12 часов дня. Два дня подряд до этого над Партенитом и Горой беспрерывно моросил дождь – она была затянута низкой облачностью, окутавшей её верхушку густым туманом, спускавшимся местами, чуть ли не до её середины.

– Это, кстати, весьма обычно для Медведь-горы – пояснил Олег. – Поздней дождливой осенью – низкая облачность, смешанная с туманом и мелким дождем, и дело здесь в том, что на неё ложится, собственно, не туман, а дождевая облачность, и такая промозглая, дождливая непогода обычно держится день-два.

По его словам, феномен опускания тумана на гору характерен для Медведь-горы в любое время года, и подобное явление случается здесь, нередко, и летом, утром рано, и ближе к полудню, когда туман может рассеяться, но после 18 часов он может появиться, как ниоткуда, опять – и стоит часто неподвижно или, редко, кружась вокруг неё плотной облачной завесой.

Как-то раз Олег наблюдал за странным поведением такого тумана из Краснокаменки, большого села, расположенного в 5 километрах, прямо над Медведь-горой, на предгорной возвышенности немного ниже уровня Горы.

Так, вот, этот туман, а вернее, белое облако, окутало вершину и среднюю часть Горы, и вращалось плотной облачной массой по часовой стрелке, не теряя формы и не уходя от неё, в течении трёх часов, а потом стала распадаться на клочья, редеть, истончаться и ушла, исчезая, лёгким белесым облачком в сторону Партенита. Было такое впечатление, что кто-то невидимый крутил это облако, как волчок, по кругу вокруг Горы. А затем, поступательная энергия вращения облака прекратилась и…

В этом месте Олег неожиданно прервал свой рассказ и спросил меня, слышал ли я что-нибудь о теории торсионных полей?

Я знал об этой теории вихревых полей лишь в самом общем смысле, и он пообещал, что как-нибудь расскажет мне о них поподробней.

– Облачно— туманный покров затем быстро рассеялся, как будто исчезла та сила, удерживавшая туман в виде плотного облачного колодца с вращающимися стенками вокруг горы, – закончил он прерванную фразу, и сделал затем ещё одно отступление от своего основного рассказа, сказав, что он несколько раз после этого специально ходил на Гору, когда там появлялся туман, или когда вершина была окутана, как белым облаком, шапкой плотной облачности, чтобы понять суть этого непонятного для него явления.

Знакомый спелеолог объяснил ему как-то, что это связано с особенностью одиночно— стоящих гор, когда – например, с запада или с севера к морю движется холодная воздушная масса и она встречается над Медведь— горой с тёплым воздухом, идущим с юга, со стороны моря. При этом возникает возмущение воздушных масс с нестабильном, в этом месте, атмосферном давлении. В результате, над ней образуются кучевые облака, которые стелются по ее вершине, спадая вниз молочным туманом. Но, по словам Олега, это объяснение не под-

ходит для этого странного феномена, увиденного им со стороны Краснокаменки – посёлка в предгорьях напротив Медведь-горы. *Ничего подобного тому эффектному, быстро вращающемуся по гигантскому кругу вокруг Горы облачно-белому "колодцу", он больше с тех пор так и не видел. Но вот некоторые из его знакомых и коллег наблюдали как-то подобное явление над горой. Таким образом, это был явно не уникальный, одиночный случай, а явление, которое требовало своего объяснения, и Олег неоднократно поднимался на гору именно в туман с целью увидеть там Нечто*.

И неожиданно добавил, что пару раз ему повезло увидеть на Горе некие загадочные объекты, выныривающие из туманной облачности и пропадающие тут же из виду.

– И, – *он весьма удивил меня дальше*, – такие внезапные туманы над ней и, особенно вихревое кручение облачности вокруг Горы, связано, несомненно, с появлением НЛО… *Поняв для себя, что это именно так, он тем более не оставлял своих попыток разобраться с этой поистине "туманной" темой.*

После этого затянувшегося, но весьма информативного отступления, он, собственно, и начал свой рассказ.

Вот и в тот поздний ноябрьский день (у Олега был выходной), ещё с утра вершина Горы была скрыта в плотном тумане, спускавшегося сверху горы до её середины. Увидев это из окна своей квартиры, он быстро, по-походному, оделся и поспешил наверх. На улице было пасмурно, легкая серая облачность, отсутствие ветра и +1 °С. Не задерживаясь, он дошёл до проходной санатория и направился дальше до выхода с него на другой стороне, выйдя затем по дороге к шлагбауму у начала лесной тропы на северную часть Горы. И вышел, наконец, к началу скально-земляной тропы, которая вела вдоль заросшего растительностью крутого бока Горы.

Спустя минут двадцать после начала восхождения наверх, он поднялся до нижней кромки тумана, которая спустилась к тому времени ниже середины крутых боков Горы. К его разочарованию, туман просто стоял здесь, колыхаясь, словно держась незримой границы, не стекая вниз. Никакого ожидаемого им вращения по часовой стрелке в виде облачного колодца над Горой. Олег оказался в белом, холодно – промозглом облаке, стекавшего волнами тумана вниз, к условной границе, с уже не видимыми отсюда, горными окрестностями. Ощущение, по его словам, было, как с видом из иллюминатора в самолёте, когда тот входит в сплошную облачность.

Войдя в эту бело-молочную "облачность", он сразу почувствовал запах, вернее, вкус этого воздуха – неуловимо кисловато-бодрящий и пронизывающе-зябкий, вместе с тем. В общем, сложная гамма вкусовых ощущений – какой на вкус туман? Видимость снизилась до десятка метров, Он поднимался дальше по тропе, уже не видя ни Партенита, ни каменные россыпи вблизи тропы, ни деревья, видя лишь каменисто – земляную тропу, на которой по-прежнему отлично ориентировался, зная эту местность, как свои пять пальцев. Он шёл осторожно, чтобы не поскользнуться на местами весьма скользких, голых, "сырых" камнях.

Вскоре видимость ухудшилась ещё больше, и тропинка виднелась всего на пять-шесть метров вперед. Другой бы на его месте, прекратил восхождение в таких неприемлемых условиях, но, за годы своих исследований Аю-Дага, Олег наизусть знал тропу, по которой он столько раз поднимался, да и спускался вниз с Горы. Так что, он уверенно шёл вперёд, хотя уже и медленно, в полной тишине – ни звука птиц, ни шороха листьев или треска и звука падения веток. Никаких посторонних звуков извне. Чем выше он поднимался, тем холоднее ему становилось в сгущавшемся тумане в какой-то непонятной ватной тишине, и он похвалил себя за предусмотрительно надетый тёплый дождевик. У него, между тем, словно заложило уши – он не слышал никаких внешних звуков, кроме осыпающихся под его шагами в зимних кроссовках, мелких камней.

Естественно, никого, кроме него, здесь не было – желающих сломать ноги в таком плотном молочном тумане не нашлось, да и сам Олег понимал, что ему нужно быть крайне осторожным, чтобы не упасть.

Выйдя наверх по знакомой, столько раз хоженой им, тропе, он с удовлетворением увидел, что туман здесь поредел, и видимость улучшилась до десятка метров вокруг него. Как оказалось, туман здесь был не столь сплошным, как ниже по склону, где он стекал навстречу ему, как некий облачный кисель. Сделав небольшую передышку, постояв и прислушиваясь, убедился в том, что здесь, наверху, он был один. И прошёл затем, вправо, идя потихоньку до "пионерской поляны"– места сбора артековских отрядов для проведения праздников с началом или окончанием пионерской смены. В ноябре из Артека сюда никого не водят, чтобы не рисковать жизнями детей. Ну, а летом, эти отряды шастают на Гору каждую неделю.

Так вот, Олег медленно шёл в туманном лесу минут десять, когда вдруг почувствовал – у него возникло стойкое ощущение – что в тумане впереди есть кто-то или что-то. У него появилось чувство тревоги и беспричинного беспокойства. Он остановился, пытаясь разобраться в возникших у него странных ощущений – благоразумие подсказывало ему, что нужно идти назад. Олег же, рассудив, что раз уж он поднялся на Гору, то нужно идти дальше, продолжил идти вперёд, хотя и понимал бесполезность своих хождений по Горе в такой непроглядный туман. Он надеялся теперь, что туман не задержится долго на Горе и, после полудня, возможно, исчезнет, если облачность над Партенитом рассеется к тому времени. Приняв решение, он продолжил своё продвижение в окружающем его тумане.

Вскоре, присутствие чего-то непонятного, а потом и страшноватого для него в непрозрачной, словно молочной, среде впереди него, стало угнетать его. Не понимая причины его нарастающей тревожности, он опять остановился, пытаясь понять, что происходит.

Чувство растущей опасности охватило его. Он не мог объяснить даже сам себе, что же, конкретно, беспокоит его.

В общем, ему расхотелось дальше идти вперёд, и он решил повернуть назад. Но, повернувшись, он тут же понял, что не может идти назад – туман сзади него стоял просто сплошной, молочной средой. Ещё более плотной, чем впереди! Этот странный туман, сгустившийся до чуть ли не осязаемой плотности, изрядно удивил вначале, а потом и начал страшить. Он стал воспринимать эту молочно-белую, недвижимую среду, как что-то враждебное и, даже, опасное для себя и предпочёл, в итоге, опять пойти дальше вперёд по тропе. Тем более, что, впереди туман был не такой плотный и в его разреженной среде тропа виднелась достаточно хорошо на четыре-пять метров вперёд.

Присутствие чего-то непонятно – невидимого, хотя и пока что не враждебного лично к нему, стало угнетающе действовать ему на нервы. Он пытался, тем не менее, рассудочно объяснить самому себе, что это всё лишь игра его воображения, осторожно идя в сторону "пионерской" поляны-прогалины.

Вокруг него стол редкий лес из огромных деревьев – скалистых дубов и грабов, огромной толщины, почти лишённых листвы, в окружении хаоса из завалов древесных остатков в виде корявых пней и упавшим сверху больших высохших ветвей и сучьев, образовавших местами причудливые, страшновато-выглядевшие, композиции – готовый натурный фон для съемки фильмов-сказок о заколдованном лесе.

Так они – *по его словам* – выглядят даже днём, при солнечном свете, когда лучи солнца с трудом пробиваются сюда сквозь густой шатер лесной кроны.

Деревья в этом лесу на вершине Горы растут в естественной среде без всякого контроля или вмешательства человека, и доживают до естественного возраста в 300–400 лет. Сгнивая затем на корню, они падают на другие деревья, образуя живописные древесно-растительные завалы. А в серую, облачную погоду в таком диковатом лесу находиться даже днём как-то неуютно. Здесь не слышно пения птиц, стука дятла о дерево, шороха бегающих ящериц,

не говоря уже о мелких зверьках, вроде куниц, которые здесь водятся или же, из крупных, кабанов, периодически забредающих в поисках их любимых "спело-сытых" желудей на вершину Горы. И здесь постоянно присутствует постоянное ощущение какой-то давящей неподвижности и затхлости, разлитой во всём окружающем пространстве.

Можно представить ощущения Олега, когда он попал в такой "заколдованный" лес в таком густом тумане. Деревья выходили на тропу из клочьев тумана, как старые идолища-великаны, угрюмо застывшие в молчаливой согбенной позе. Или же напоминали каких-то непонятного образа, раскоряченных страшилищ – всё зависит от того, с какой стороны виднелось, появляясь из молочной серости, то или иное дерево. Лес просматривается здесь днём на расстояние метров в 30 – *я потом и сам побывал здесь с Олегом* – и, местами, похож на собрание огромных деревянных идолов, шедших на древнее каменное капище для некоего ритуала…

А в тот день, в сплошном тумане, перед ним тут и там возникали, словно ожившие из ночных кошмаров, фантастические подобия страшных существ, как из фильма "Вий", окружавшие его причудливыми, устрашающими образами со всех сторон.

Неприятные ассоциативные мысли, и невольные образные сравнения наполнили его растущим страхом, а мрачноватые, жутковатые образы просто уже пугали его, такого обычно хладнокровного и позитивно-настроенного исследователя Горы.

Слушая его, смотря изредка на цветные фотографии природных ландшафтов и ту огромную карту Медведь-горы, сделанную им лично, я стал больше понимать внутренний мир Олега – он же любит Гору и ходит сюда для общения с природой, наблюдения Природы в её естественном, нетронуто-девственном, состоянии. И рад каждой новой встрече с Горой, как в первый раз, когда он пришел сюда, полный восторга от новых ощущений, лет десять назад (*как он мне сказал*). С тех пор он "заболел" Горой и начал воспринимать её чуть ли ни как какое-то огромное одуховлетворённое начало.

Я бы сказал, что здесь он выступает, мне кажется, в качестве неоязычника. Так недалеко и до возобновления практики поклонения мифическим дубам-колдунам и языческим древним Богам языческой Руси. Ну, да это мои наблюдения и comments, которые попутно возникали у меня в голове в ходе его рассказа.

И вот сложилась такая пренеприятнейшая и нелепая ситуация для него, когда он боится идти, не зная почему.

В напряженной тишине, с натянутыми до пределов нервами в некоем тревожном ощущении неведомой опасности, ему показалось, что он что-то услышал. Какой-то отдалённый звук, похожий на частые, дробные, глухие удары. Но не снаружи, а где-то внутри его обострившегося до предела, слуха. Вокруг него стояла всё та же давящая ватная тишина. Причём, затем, характер звука как-то изменился, как только он стал вслушиваться в тишину окружающей его молочной серости, походя теперь больше на еле слышный звон в ушах. И он никак не мог понять, слышит ли он это звук на самом деле, или же это игра воображения в его обострившемся восприятии в этом непонятном тумане.

Постояв несколько минут, прислушиваясь и пытаясь разобраться в своём непонятном внутреннем напряжении, он так и не услышал никаких звуков в недвижимом, словно застывшем, тумане, и присел затем на замшелый камень— в двухстах метрах в стороне от того места, где он находился сейчас, проходила крепостная стена, разрушенная хазарами при штурме Медведь горы в 8-м веке. И тут он услышал с той стороны леса, закрытом и невидимом от него туманом, какие-то звуки, как будто кто-то разбирает или складывает камни. В полной тишине, эти звуки, хотя и приглушенные, были отчетливо слышны.

Олег вскочил с камня, вслушиваясь напряжённо в давящую тишину, нарушаемую этими "перестуками". Так продолжалось несколько минут, и затем они прекратились.

Он много раз был на этих бывших крепостных стенах – они лежали немой, рассыпанной грудой камней, весом, примерно, от 15 до 20 килограммов, каждый. И этих камней там были

десятки тысяч! За многие столетия, прошедшие с тех пор, они слежались, вросли в землю и, в ходе времени они слились вместе друг с другом в подобие каменной россыпи, скреплённой густым, зеленым мхом, укутавшим их толстым, мягким, мшистым одеялом. Сдвинуть их с места не так легко, да и зачем?

И вдруг эти звуки опять повторились, и это не было галлюцинацией. Он явно слышал их – они шли именно со стороны древних развалин "хазарской" стены. Причём они стали громче!

Звуки были вполне материальными – значит, там был кто-то из работавших на раскопках людей. Олег, надо сказать, храбрец, тихо, не шурша листьями и не задевая веток, пошёл по тропе назад(!) в сторону доносящихся звуков. Возможно, там работали археологи. Эта мысль его успокаивала, и он спокойно, без страха, медленно пошёл к месту их "работы". Но, по мере приближения к источнику стука, звук переставляемых камней каким-то образом сместился в другую сторону, а пройти туда Олег не мог – свернуть с тропы и идти сквозь кустарник по лесу в густом тумане было просто невозможно и смертельно-опасно. Поэтому, он не стал сходить с тропы, и стоял, вслушиваясь в напряжённой тишине, до звона в ушах. Звуки, между тем, прекратились, а потом вдруг переместились опять в ту сторону, откуда они доносились в первый раз, когда он услышал их. Он стал размышлять над тем, что же это было, и в его сознание стал понемногу опять входить липкий страх. Он понял, что людей там не было…

Туман, между тем, опять стал, словно уплотняться и густеть, сгущаясь вокруг Олега молочной недвижимой субстанцией, и тревожное состояние Олега усилилось. Было понятно, что эти странные звуки производились не людьми, а…, и тут Олег испугался. Если это были не люди, тогда кто?!

Ему стало страшно.

Видимость на тропе уменьшилась до трёх—четырёх *метров. При этом, воздух стал зябко-сырым и выхолаживающем-холодным – Олега стала бить мелкая дрожь, хотя он и был одет соответственно по погоде. Он понял, что ему надо быстрее спускаться вниз, мимо "пионерской" поляны, почтового дуба и дальше, обходя огромные каменные глыбы на тропе. Ну, а дальше тропа уходила влево к полянам (их там всего три).*

В общем, он пошёл по отлично знакомой ему тропе вниз, стараясь побыстрее уйти из этого странного места. Видимость здесь стала лучше и к его облегчению, странная молочная "плотность" отстала от него позади.

Однако, он просто знал теперь точно, каким-то неведомым чувством, что сзади его скрывалось что-то Непонятное. Нечеловеческое…Оно не было пока враждебным лично к нему – в стылом, недвижимом воздухе было разлито ощущение незримой, неведомой опасности. Здесь и днём-то никогда не слышно пения птиц, а уж сейчас, в таком, словно ватном, тумане, стояла абсолютная тишина. Ему показалось, что он опять слышит какой-то странный, еле слышный, быстро-частотный, звон, похожий, оп его словам, на звук работы катера или моторки поблизости в воде, когда он нырял под воду за рапанами.

Неожиданно, ему показалось, что оттуда, за ним кто-то идёт следом вниз, скрываясь в этой молочно-беловатой субстанции. Олег остановился в страшном волнении, оглядываясь назад и прислушиваясь, дрожа от необъяснимого холода, а затем и иррационального страха, охватившего его душу. Его дыхание сбилось в охватившей его невыносимой тревоге.

Он попытался внутренне успокоиться. Объяснить сам себе, что это лишь игра его испуганного воображения и здесь нет никого кроме него. Стал медленно, глубоко дышать, пытаясь выкинуть из себя этот липкий страх. Всматриваясь в молочную, плотную, "белую тьму" (как он охарактеризовал её позже) позади его, он замер в напряженном ожидании, что сейчас из тумана выйдет Нечто зловещее, потустороннее… Сжимая до боли в ладонях узловатую палку, подобранную им на тропе, он слышал в ушах частые удары своего сердца, бившегося в адреналиновом исступлении в грудной клетке. Оно словно рвалось наружу, стремясь

выскочить из его груди в нараставшем в нём жутком ощущении, что в этой медленно колышущейся и плывущей молочной плотности скрывалось что-то жутко-страшное для него. За ним наблюдало Нечто, как он теперь понял, Нечеловеческое, и эта Жуть понемногу приближается к нему, парализуя его волю и сознание. Промедление грозило смертью и, лишь неимоверным усилием воли он старался не поддаться панике, понимая, что бежать в таком тумане смертельно-опасно.

Не знаю, каким образом это ему удавалось делать – да я бы, как заяц, сиганул бы с тропы прочь и бежал бы, не думая, в паническом ужасе, куда глаза глядят. И, ведь, тогда, покалечился бы точно… Или разбился насмерть. Или повредился бы рассудком от страха.

Олег, это, наверно, сам всё понимал и держался, что было мочи. Удивительно! Такое мужество…

Рассудком он понимал, что это всё наведённые страхи, что в тумане никого нет, и это просто игра его воображения, но, тем не менее, никак не мог выкинуть эту мысль из головы. Ему было страшно, и он ничего не мог с этим поделать. Он попробовал идти дальше и понял, что он боится идти – незримое Нечто, скрывавшееся в тумане, пугало его теперь одновременно со всех сторон. Он подумал, что это мог быть Леший – у него было несколько раз подобных непонятных сслучаев в лесу, но тогда он не был один. А сейчас, стоя в одиночестве, охваченный страшной, пугающей тревогой, он не мог заставить себя идти дальше, оборачиваясь вокруг себя, не зная, с какой стороны из этой бело-молочной субстанции, в которую превратился сгустившийся туман, выйдет пугающее Нечто.

С бьющимся от прилива крови жилками на висках, вздувшихся и пульсировавших в такт гулким, физически-ощущаемых им, дроби ударов его сердца, он стоял, охваченный тисками страха. В жутком напряжении всех его душевных сил, всё ещё пытаясь контролировать себя и не поддаться слепому, животному страху, он озирался по сторонам, страшась и всматриваясь в недвижимый туман вокруг него, и вдруг физически ощутил присутствие совсем рядом с ним в "молочной тьме", чего-то сверхъестественного, страшного, леденящего душу и разум. Как он коротко выразился— Необъяснимо-Зловещее-Нечто. Потустороннее… У него буквально зашевелились волосы на голове в страшном нервном напряжении, которое охватило его, чувствуя, что сердце уже не бьётся, буквально уйдя от страха в пятки, и ноги не держат его в страшном оцепенении, овладевшего всем его естеством.

Не будучи трусливым и не боясь в одиночку ходить на Гору даже вечером, он оказался не готовым к встрече в реальной жизни с чем-то подобным сюжету из фильма ужасов.

Как он сказал мне – *столкнувшись неожиданно с чем-то неведомо-опасным, сродни сверхъестественному, охватывающего животным страхом обезумевшего сознания человека, лишая его способности или возможности противостоять незримой тёмной силе, нужно бежать без оглядки, спасаясь, не рассуждая и не пытаясь понять рассудком, что тебя гнало прочь в безумном страхе. Понимание случившегося придёт уже после, когда, оказавшись далеко в безопасном месте, на смену безоглядному ужасу придёт осознание и оценка произошедшего*.

Но он-то сам, на его счастье, так и не побежал тогда. Просто ноги отказали в тот момент от дикого страха.

У него, по его признанию, подкосились ноги и, как оказалось, это было хорошо, потому что, если бы он ринулся бежать куда-нибудь в непроницаемом для взора страшном молочном тумане, он бы наверняка погиб.

Понимая, что сейчас он может потерять рассудок, он сидел на тропинке, сжавшись в душе, как воздушный шарик, из которого вышел воздух, стараясь чуть ли не вжаться и спрятаться в землю, ощущая внутри себя страшную пустоту. Как если бы он куда-то падал в лифте. Казалось, что это сама душа, съежившаяся внутри него в тисках овладевшего им нечеловеческого ужаса, стремилась освободиться, выскочить и оставить его тело. Закрыв

от ужаса глаза, обхватив голову руками, до боли сжимая её, он вдруг почувствовал, что его ставшие словно чужими, волосы стоят дыбом у него на голове.

Не зная, что произойдёт с ним дальше, он так и сидел, замерев, то ли в каком-то страшном сне, то ли в параллельной реальности, не чувствуя своего тела, словно его душа и впрямь покинула тело, как куклу, из которой вынули батарейку. Скорее всего, он затем всё-таки терял сознание в какой-то момент. Он не чувствовал каких-либо прикосновений к себе, но знал, что Нечто нечеловеческое и ужасное, было совсем рядом с ним. Изучая или просто смотря на него.

У него просто отключилось в тот момент его "Я", и он ничего не помнит и не знает, что же было с ним в те долгие минуты его обездвиживания и полной утраты контроля над своим сознанием. А потом он понял, что Оно исчезло, оставляя его беспомощного и окоченевшего в страшном холоде, лежать на земляной тропе.

К нему опять вернулось сознание и, вместе с ним, человеческие чувства. Он понял, что ему нужно действовать, если он хочет остаться жив. Удивительно, но страх стал понемногу оставлять его в ясном понимании той задачи, на которую мобилизовался его организм в спасении своего, ставшего таким слабым, хозяина. Что-то в его сознании шептало ему, что надо бежать.

Краткое отступление –

Описывая тогдашнее жуткое состояние Олега, я пытался сохранить основные детали его панического ужаса и, что он чувствовал, особенно в этот, как оказалось, кульминационный момент страшного испытания, которому его подвергла какая-то потусторонняя сущность. А я понял сам, лишь уже позднее, что это была в полном смысле нечеловеческая Сущность. Инопланетная. Слушая тогда Олега, я и не осознавал степени всего внутреннего, ментального ужаса, который выдержал Олег, его душа и сердце. Через Что ему пришлось пройти в этом нечеловеческом испытании, смысл которого открылся мне позже.

Он вновь чувствовал, как сердце гулко стучало в груди, отдаваясь стуком в висках, и он сжал свои виски до боли в черепе. Его стала бить крупная дрожь – всё его тело сотрясалось в ознобе, как осиновый лист на ветру, и почти тут же его бросило в холодный пот, цепенея от неизвестного ужаса, который всё ещё скрывался в тумане, оставив, на какое-то время его здесь. Словно наблюдая за ним и его дальнейшей реакцией. Он должен был чуть ли не выдержать какой-то экзамен. От кого и для чего – он не знал, осознавая лишь, что ему дан шанс спастись. Собрав свою волю в кулак, пытаясь противодействовать и не поддаваться неизъяснимому страху, в дрожании от которого его кожа была покрыта гусиными мурашками, он встал на ноги.

– Мне нечего бояться, – повторял как заклинание он, трясясь всем телом и стуча зубами в страшном волнении. – Я лллю-бббб-лю эттт-у Гггг-ору, и Пппп-ри-ррр-ода ддд-оббб-ра ккк-о ммм-не.

Ему нужно было что-то делать, выдернуть из себя жало необъяснимого страха. Освободиться от него, как от ужаса, приходящего во сне, когда спящий мычит и бьется в судорожных попытках выйти из ужасного сна, стараясь в неимоверных усилиях проснуться. Но ничего не помогало и тогда, словно в безумии, он страшно закричал, как дикий зверь, загнанный в ловушку, выгоняя из себя страх наружу, прочь, в этот туман.

Его дикий, нечеловечески-жуткий крик разнёсся, затухая в сырости туманной полутьмы по всему лесу и, если бы кто-нибудь из людей, случайно оказался бы на Горе в этот момент, инфаркт от этого звериного выкрика им был бы обеспечен. Но удивительное дело, он и впрямь как будто выплеснул все свои страхи прочь – ему явно стало как-то спокойнее и ужас, душивший его сознание плотной невидимой силой, отступил. Он почувствовал, что он

весь мокрый от липкого пота, и ему стало опять зябко, хотя он был одет в непромокаемую, осеннюю куртку.

Олег встал и пошёл дальше по тропе вниз. Туман, осязаемо плотный на вершине горы, здесь понемногу поредел, открывая видимое пространство на десяток метров вокруг него. Он шёл, убыстряясь, не думая о том, что здесь можно поскользнуться, упасть, переломать руки-ноги. А затем просто побежал по тропе, не раздумывая, что может упасть в любой момент и покалечиться – он, казалось, нёсся, став невесомым на крыльях страха, если так можно выразиться. Его организм словно задействовал какие-то неизвестные, скрытые в человеке способности, которые вдруг активировались в такой экстраординарной ситуации. Он бы, наверное, мог сейчас влёгкую побить любой Олимпийский рекорд или поднять неподъемное бревно в овладевшем им психофизическом состоянии.

Чётко осознавая происходящее вокруг себя в неимоверно обострившейся реакции и многократно усилившихся в адреналиновом стрессе возможностей его опорно-двигательной системы, он нёсся по тропе вниз, к поляне, зная наперед все препятствия на этой тропе. К его огромному облегчению, минут через 15 необыкновенного бега, он выскочил на неё. То, что это была она, он понял по отсутствию деревьев вокруг него. Олег постоял, переводя дух, по-прежнему находясь в страшном напряжении, оглядываясь назад. Туман, словно догоняя его, опять начал сгущаться вокруг него, и видимость здесь упала опять до нескольких метров. Но, по его ощущениям, это был уже обычный, обыкновенный туман без той жутко-холодящей, обволакивающе-сырой, молочной плотности. – И на том спасибо, – подумал он. – *Ведь туман мог сгуститься ещё больше, и что же он потом тогда бы делал?*

Он, было, возобновил своё движение вперёд, немного потеряв ориентацию на местности, почувствовав затем, как-то сразу и вдруг, что он отдал в этом страшном беге все свои силы. Оказавшись здесь в относительной безопасности, он вдруг понял, что обессилел и выдохся до крайности. Стоя, не имея сил сделать теперь и шага, почти не видя вокруг себя в колышущем тумане, он знал, что находится на первой, малой, поляне из трёх, имеющихся на "холке" Медведь-горы. Энергия, двигавшая его вперёд в этом невероятном, адреналиновом кроссе, закончилась подобно заводу в механической игрушке. Ноги стали, как ватные, и он стоял, шатаясь, хватая холодный воздух открытым, словно в немом крике, ртом. Не имея сил стоять, он рухнул на холодную землю, всё ещё потный и разгоряченный от страшного бега, и, приподнявшись на локте, полулежал на ней, пока не почувствовал стылость ноябрьской почвы, слегка прихваченной местами, изморозью.

Надо было идти, и он встал, пошатываясь, и тут же понял, что идти в тумане, без ориентиров вокруг, будет очень трудно, хотя он и знал по памяти, куда вела тропка, исчезающая и появляющаяся, временами, на пересеченной местности перед ним.

Поплутав в тумане, он вскоре нашёл продолжение тропы среди кустов, выйдя к большой каменной куче – маленькой горки, образованной из больших и малых камней, собранных и водруженных туристами и прочими "гостями" Горы для своих, эзотерических, наверное, целей. И пошёл медленно вниз, по извилистой тропинке среди угадывавшихся впереди и с боков, в густом тумане, лесных зарослей, стараясь не поскользнутся и не упасть.

Вскоре он вышел на поляну, где когда-то, по мнению археологов, в прошлом стояло культовое сооружение времён Византии. И, мысль об этом храме или что здесь было когда-то, церковно-культовое, помогла ему вспомнить о Боге— он стал молиться. Ему полегчало – страх немного отступил, и дальше Олег шёл вниз, повторяя про себя слова молитвы, которой научила его мать. Вскоре туман, который становился то гуще, то редел в лёгком движении воздуха, стелясь и словно стекая с вышележащей части горы, опять сгустился, и Олег не заметил очередную корягу, приникшей змеёй к тропе (а сколько раз до этого он счастливо избежал в тот день падений!), и упал. Падая, он старался сохранить равновесие и покатился вниз с тропы, в сторону.

Встав и потирая ушибленное левое колено, прихрамывая, Олег пошёл назад, как он думал, к тропе – идти стало тяжелей. И тут оказалось, что он сбился с пути и не знает, куда, собственно, идти. Туман окружал его со всех сторон колышущейся мутно-сероватой "непроницаемостью", в которой он ничего не видел вокруг. Он пошёл вправо, а потом налево, стараясь найти эту нить Ариадны— пропавшую тропу.

– Она же где-то совсем рядом, – шептал он вслух, подбадривая себя.

В поисках тропы, он окончательно сбился с пути, блуждая в светлой полумгле. Его выручило то, что, зная хорошо рельеф местности справа и влево от того места, где он примерно оказался – влево была более пологая сторона Горы, спускавшаяся боковыми склонами, к Партениту. А если вправо, то он вышел бы, в итоге, к обрывам, со стороны моря, и ему бы пришлось бы потом поворачивать и возвращаться назад…

Так прошло минут двадцать его блужданий на этой поляне – в плотном тумане местность выглядела абсолютно незнакомой и чужой. Ему не удавалось сориентироваться, где лево, а где право, да и к тому же, он просто не мог передвигаться без опасения наткнуться на какой-нибудь куст и выколоть глаза или пораниться или зацепиться за торчавшие из земли корневища или камни. И, лишь когда, вдруг, возник и тут же исчез просвет в тумане, позволивший ему увидеть знакомые кусочки местности, он определил, где была левая сторона поляны. Он направился потихоньку в ту сторону. Выйдя к первым деревьям, он решил не идти в сторону основной тропы, рассчитывая, что он сможет спуститься вниз здесь и выйти к тропе ниже. Вскоре он понял, что сделал ошибку— заросший лесом и кустарником склон горы оказался здесь круче, чем он думал и, с его ушибленным коленом, ему было бы легче, всё же, спускаться не здесь, а по основной тропе, которую он не стал искать из-за ухудшавшейся видимости.

Спускаясь, вернее, ковыляя и прыгая, на здоровой, правой ноге, как хромая утка – левая болела, и идти вниз даже в нормальной ситуации, при хорошей видимости и здоровых ногах, было бы всё равно трудно. И дело было не в тумане, а в том, что склон бока горы здесь шел с наклоном, местами, до 50 градусов, и ему приходилось передвигаться, держась за деревья и ловить ветки ближайших к нему кустов. Он сел на четвереньки, спускаясь и продираясь сквозь частый кустарник, в котором росло много шиповника и высоких колючих растений. Спускаясь мимо кустов невысокого шиповника, его шипастые колючки цеплялись за одежду и впивались в кожу, застревая в ней крайне болезненными крючками.

Тем временем, туман стал понемногу рассеиваться во всё той же полной тишине. Олег понял, что вскоре он выйдет за пределы облачности, окутывавшей верхнюю часть горы. И тут, перебираясь от дерева к дереву, держась за шершавые влажные или просто мокрые стволы деревьев, он заметил на клоне горы метров в 15 от себя какие-то огромные камни, каким-то чудом удерживающиеся здесь, на этом склоне, где он спускался, хватаясь за всё, что попадало под руку. В Олеге проснулся исследователь-ходок, каким он, собственно, и был. Что-то в этих камнях, сгрудившихся, как-то неестественно, в странную композицию, напоминающую дольмен, вызвало у Олега естественное для него желание добраться до этих огромных глыб и посмотреть на них вблизи.

Держась за деревья, он перешёл от дерева к дереву перпендикулярно склону и вскоре оказался у входа в … пещеру! И, как он понял, рукотворную… На огромном камне-основании, шириной около пяти метров, стояли с обеих сторон огромные камни в несколько тонн весом, перекрытых сверху огромной глыбой. Судя по форме этих стен и "крыши", они оказались здесь явно не случайно— по своей естественной форме они наиболее подходили для использования в качестве строительного материала для этого сооружения типа искусственной пещеры. За время спуска Олега по крутому склону горы, ему в этом районе нигде не попадались в поле зрения, хоть и с ограниченной видимостью, какие-либо огромные камни или скальные глыбы. Эта рукотворная пещера выглядела чужеродным сооружением на этом покатом склоне.

Представить себе, что эти глыбы сложились каким-то чудесным образом в это подобие пещерного сооружения было невозможно, так как любой большой валун, катящийся сверху, не смог бы здесь нигде зацепиться, или так удачно остановиться, чтобы на каменной плоскости основания огромного камня, естественным образом встали по бокам два огромных камня. А сверху бы их перекрыл ещё один, так нужно скатившийся камень подходящей формы для перекрытия в качестве "крыши". И интересно, что рядом, метров в пятнадцати от этой пещеры, Олег увидел ещё одно, такое же по форме, каменное сооружение ещё больших размеров! Оно было видно неполностью, частично скрываясь в тумане.

Карабкаясь боком, Олег дошёл к огромным камням, как он понял, дольмена, и увидел, что перед пещерой стояло нечто вроде каменного портика, сложенного явно людьми, из камней весом где-то по 10–15 кг.

Этот портик-привратье был округлой формы, высотой около полутора метров и диаметром около метра. И в его центре стола небольшая пирамида, сложенная из плоских камней снизу доверху, высотой около метра. За этой пирамидкой стояла каменная стена, сложенная явно человеческими руками из камней такого же веса и размера, высотой в два метра. Олег обогнул пирамидку и шагнул к высокой стене, чтобы попробовать взобраться на неё и посмотреть, что там располагалось на верхней платформе-основании пещеры. Он подтянулся на руках, и ему удалось увидеть большую пещеру, с противоположной стеной на расстоянии 5 метров от него. В пещере был полумрак, скрывавший детали ее внутреннего помещения, но там, у противоположной стены, виднелось что-то чёрное – очевидно, проём в стене, ведший оттуда куда-то вглубь склона.

Олег не стал забираться вверх на пол пещеры и исследовать её дальше, так как ни морально, ни физически не был готов идти внутрь пещеры и исследовать загадочный проём в стене. Он не чувствовал в себе сил для дальнейшего нахождения здесь. Спрыгнув на землю у пирамидки, охая от боли в ноге, он осмотрел её— что-то подсказывало ему, что ему не следовало задерживаться здесь больше, чем он уже был здесь. В воздухе между тем стал ощущаться ранее едва осязаемый запах тлена и чего-то ещё, неприятного для дыхания. Ему стало крайне неуютно здесь, и он шагнул на выход из этой крошечной каменной площадки.

Выйдя наружу, он вспомнил про свой сотовый, достал и сделал несколько снимков, а потом сфоткал и ту, первую пещеру неподалёку. И, в этот самый момент он вдруг услышал рядом с собой или ему показалось, что кто-то позвал его по имени. Это был низкий мужской голос, но какой-то неживой или, вернее, не совсем похожий на человеческий. Он тут же обернулся и почувствовал, что Нечто или Некто входит в его разум тёмной, страшной, неведомой силой и зовёт неосязаемо в его сознании, словно на бессознательном уровне, вернуться к входу в первую пещеру.

Что интересно, Олегу при этом не было страшно – этот голос, как он почему-то понял, и был голосом того самого Хозяина Горы, которого он с тех пор и стал сам искать. Но это было потом – а в тот раз Олег перекрестился (словно вспомнил, что нужно было так сделать), и неведомая Сила отпустила его, оставив его сознание. Он опять почувствовал свои прежние страхи, но уже в меньшей степени – просто инстинкт самосохранения говорил ему – уходи поскорее отсюда! Он не стал испытывать дальше судьбу и, ступая боком, пошёл понемногу вниз, держась за стволы ближайших деревьев и ловя ветки кустов, стараясь не упасть и не поскользнуться на сколькой лесной подстилке. Спустившись метров на 20 вниз, он повернулся назад, стараясь запомнить это место, но всё пространство сзади уже заволокло туманом. И Олег понял, что ему нужно спешить – однако туман опускался вниз быстрее, чем это удавалось ему. Туман опять настиг его, окунув в сплошное молочное облако. Стало зябко и сыро – но страха он уже не испытывал – для него самым главным сейчас было спуститься к высоткам Партенита, попасть в широкий промежуток на склоне горы, где он бы мог более-менее сносно спуститься между огромными обрывами справа и каменными осыпями, слева.

Олег прекрасно знал рельеф склона с этой, восточной, стороны Горы, но никогда раньше не спускался здесь вниз, так как в здравом уме никто на это не решится. В этой части горы её склоны заросли сплошными зарослями низкорослых кустов и колючего кустарника. Олегу пришлось по-прежнему спускаться, буквально продираясь сквозь труднопроходимые заросли густых кустов высотой около двух метров. И всё это делать наугад в зоне ограниченной видимости! Прошло уже около получаса такого изматывающего спуска, как Олег вдруг почувствовал боль в сердце.

Он прошёл ещё несколько метров вниз и понял, что не может спускаться дальше из-за нарастающей колющей боли в груди. Это было тем пугающе-неожиданным, потому что у него никогда раньше не болело сердце, и эта боль была просто непонятной для него. Сев на землю, он прижал руки к грудной клетке, пытаясь хоть как-то унять боль, но она не отпускала его, коля его сердца приступами острой, давящей боли. Он сидел на холодной земле в гуще колючего кустарника, впившегося ему в ноги, ловя воздух широко открытым ртом, не двигаясь, так как он даже не мог пошевелиться, чтобы поменять положение тела.

Понимая, что он оказался в угрожающей ситуации, Олег не знал, что ему делать— валидола у него не было, так же, как и каких-либо других медикаментов. От боли он даже не мог вытащить сотовый, чтобы позвонить друзьям с просьбой о помощи. Попробовав встать, колющая боль в сердце стала ещё сильнее и тогда, он лёг грудью на склон земли, пытаясь унять боль, сбросить её в землю. Он не двигался минут пять, боясь пошевелиться и, потом, он почувствовал, что боль немного отступила. Он приподнялся, опираясь на руки и колено – это ему удалось – и, затем понемногу встал на ноги. Чувствуя ноющую боль в сердце, он, избегая резких движений, стал спускаться вниз на коленках, на корточках, боясь встать в полный рост и опять испытать резкий приступ стенокардии (как это потом объяснил ему кардиолог). Ему было очень трудно продираться на корточках, закрывая лицо руками, через кустарник, но иного выхода не было.

Вскоре он спустился или выполз? на маленькую полянку, свободную от кустарника, всю изрытую следами кабанов, что-то рыскавших здесь. И увидел на ней высокое дерево без листьев, а внизу, под ним, много красновато-оранжевых ягод. Вначале он подумал, что это был кизил, но взяв в руки, понял, что это спелые плоды боярышника. Олег знал, что эти плоды очень полезны для сердечной мышцы и стал запихивать их пригоршнями, прямо с земли, и разжевывая, глотать. Странное дело, но ему стало лучше и, причем настолько, что через десять минут его благостного отдыха на этой полянке, он смог встать и потихоньку начать спускаться дальше вниз!

Самое интересное в этой чудесной и столь своевременной находке целительных ягод на склоне в этом месте, что ранее Олег никогда не встречал деревьев боярышника на Горе. Позже, Олег говорил, что сама Гора пришла ему на помощь, приведя его извилистым спуском к этому дереву…

Ну, а дальше он понемногу к вечеру спустился вниз прямо к огромным гималайским кедрам, росших уже почти на территории санатория, и спокойно пришёл домой.

Через неделю, Олег сходил к кардиологу, чтобы проверить состояние сердечной мышцы – по результатам кардио-исследования, с сердцем у него всё было в порядке….

Вот такая необычная история.

Я сидел, весь во внимании, слушая с огромным интересом его рассказ, и когда он закончил говорить, сказал:

– Так, значит, о существовании этих пещер никто не знает?

– Нет, – Олег покачал головой – скорее всего, никто. И это удивительно. Я же сейчас работаю в Гурзуфском историко-краеведческом архиве – я перерыл все документы, рукописи, заметки путешественников, докладные записки Крымскому генерал-губернатору, оригиналы хозяйственных счетов имения Раевских в Крыму и т. д., и т. д. Просмотрел и старые документы,

и новые— абсолютно никакой информации на эту тему. Но ведь Аю-Даг был обитаемым в 8-9м веках – там проживало в каменных примитивных жилищах, использовавшихся ещё со времён тавров, где-то 300 и больше семей. Имелись оборонительные стены и, естественно, могильники. А потом, немногочисленное, в средневековье, вплоть до завоевания Крыма турками – там была монастырская иепархия, храм 12 апостолов, византийская базилика, жили монахи, и была резиденция Иоана Готского.

– Слышал о таком? – спросил он меня тоном, подразумевающего бесполезность какого-либо моего ответа. Я просто промолчал, пожав плечами.

– Это отдельная тема, как-нибудь расскажу, – продолжил Олег, – ну, и ремесленники разные, типа горшечников, скорняков, рыбаков, скотоводов, и даже виноделов! Днём они работали на полях вокруг Горы, рыбачили, выращивали фруктовые деревья и виноград, а на ночь возвращались к себе домой, на Гору. Торговали и вели натуральный обмен с жителями феодального княжества Дори (*я удивленно поднял брови – что это?? – но Олег не стал заморачиваться и тратить время на тему, уводящую его от рассказа об истории Аю-Дага*, сказав, *что это под Бахчисараем*) – готами, а также с греками, с потомками тавро-скифов, и русичами с Тмутараканью! И прочими этническими сообществами, меняя рыбу на соль, муку и т. д. И там имеются остатки 3-х оборонительных стен на северной стороне Горы, – он сделал пауз, давая мне время обдумать всё, что он вывалил на меня, как куль на голову, всю эту информацию. – Да ты просто кладезь сведений, – сказал я Олегу, смотря на него, как младший на старшего, – а Михаил Викторович мне ничего такого и в помине не говорил о Медведь-горе.

– Естественно, – ответил Олег, – для этого нужно книги по этой тематике читать. А где их взять? Или в интернете порыться. Но там много фальшивок и просто информации от несведущих блогеров, – развёл он руками и помолчал, смотря на меня изучающим взглядом. – Я вижу, эта тема Прошлого Медведь-горы тебя заинтересовала. Так что, когда будет уместно, если хочешь, я тебя просвещу и насчёт её истории – кто там жил и когда, ну и всякое такое разное, если будет возможность. Когда мы пойдём на Гору. Что тебя там вдруг заинтересует.

Его неожиданное предложение было очень своевременно и интересно для меня – по складу ума, я был где-то посередине между гуманитарием и технарём и, работая в банке экономистом, уже давно не испытывал какого-либо романтического влечения к познанию тайн Природы, туристическим походам, открытию для себя чего-то нового в моей благоустроенной, комфортно-спокойной жизни. Оказавшись здесь, в Партените, в такой неожиданной для меня обстановке, я почувствовал в себе какой-то смутное желание каких-то приключений, новизны ощущений, стремления узнать что-то новое для себя, да и просто испытать себя и проверить свою “физику” в пешем походе на Гору.

Мне по-прежнему хотелось пойти на Гору, но уже без того, прямо какого-то неудержимого стремления, похожего на чуть ли не физическое притяжение к ней, испытанного мной полчаса назад, когда для меня решался вопрос, остаться ли мне здесь, с Олегом, или поехать с Мишкой и Владой в Ялту. Оставшись здесь, я словно выполнил для себя какое-то задание или внутреннюю задачу, приняв нужное решение. Правильно ли я сделал для себя – это уже другой вопрос. Ну а пока, слушая такие захватывающие повествования Олега о его приключениях на Горе, я всё-таки не воспринимал всерьез ту часть, касающуюся “Хозяина”, полагая, что ему могло просто что-то показаться подобное. Да и обошлась, в общем, вся эта жуткая история для него вполне благополучно…

– *Он же не полез внутрь пещеры!* – размышлял я дальше. – *И с сердцем у него в дальнейшем всё оказалось нормальным. Да и, вообще, у страха глаза велики. Может, и тот голос ему причудился от нервного срыва, испытанного им в тумане. Или, просто послышалось, как тот чарующий голос, услышанный мной в полусонном состоянии. Правда, я был тогда не в “адеквате”, но запомнил сказанное. А Олегу же тот голос ничего конкретно не сказал. Просто звал туда. Да ещё ощущал какую-то незримую силу, тянувшую его к пещере. Но ведь не*

затащила. Попугала и оставила, а, может, всё это ему просто причудилось. У страха глаза велики, – философски заключил я, но, мысли о том ужасе, скрывавшемся, оп словам Олега, в том молочном тумане, ещё долго не оставляли меня. Объяснить его панический испуг игрой воображения у меня не получалось. Но в душе я всегда считал себя материалистом и не допускал существования всяких там Сверхъестественных сил. Во всяком случае, предпочитал не думать над этой темой всерьёз.

Олег выжидающе смотрел на меня, а я всё думал по-прежнему о его злоключениях в тумане на Горе.

– А те фотки, что ты сделал там у пещеры? Покажи! – вспомнил я слова Олега, что он сфоткал на сотовом несколько снимков.

К моему огромному сожалению, оказалось, что они вышли почти все испорченными, словно засвеченные, хотя это же цифровые снимки.

Как мне сказал Олег, *пробуя улучшить их, прогнав через редактор фотографий в своём сотовом, и нажав затем на "сохранить", там вдруг появился непонятно, как, красный предупредительный символ и, вместо того, чтобы сохраниться, они, исчезли вместе с оригинальными снимками!*

– Осталось всего пара снимков, но без той странной пирамидки, – проговорил с сожалением он.

– Удивительно! – поразился я этому сообщению. – Бывает же такое!

Услышанное сейчас, при свете дня, в его рассказе о Тумане, походило больше на одну из тех мальчишеских страшилок, которые мы рассказывали девчонкам на ночь, сидя у костра на земле, когда я ездил в шестом-седьмом классе летом к моей бабульке в настоящую, со старыми деревянными избами, деревню под Воронежем. Я там подружился с моими сверстниками, с которыми весело проводил время. И с девочками – с ними было, порой, весьма смешно, особенно, когда мальчишки напускали страхов на девочек страшными историями в ночи у озера, а те, замирая от ужаса, слушали завораживающе-жуткие страшилки об оборотнях, ведьмах и нечистой силе, а потом визжали от страха, когда пацаны пугали их неожиданно громким голосом. Девчонки, хоть и понимали, что всё это по – на – рошку, но, боялись отойти от костра, озираясь вокруг в сгущавшейся тьме, уже забывая о том, что мальчишки всё это рассказывают для их забавы.

Иными словами, все мы переживали страх понарошку, чтобы, условно говоря, не бояться его. Но, конечно, потом они боялись идти одни домой, и мне часто удавалось провожать до калитки самую красивую девочку в этой нашей "дворовой" в компашке. И всем нам хотелось почувствовать выброс из себя щекочущего нервы и мозг порции страха (сейчас-то я знаю, что это адреналин), сменявшегося после кульминационного момента в очередной рассказанной страшилке облегчением и визгом и полудетской возни с девчонками в темноте. Деревенские девчонки были для меня, кстати, моими первыми университетами любви…

– Ну, а потом, уже на первом курсе института…, – я остановил поток своих уже почти не контролируемых сопутствующих воспоминаний.

Интересно, что при всей жути, рассказанной мне Баженовым о том Нечто в тумане и о голосе из пещеры, я воспринимал всё это, как своеобразное краткое описание сюжета какого-нибудь мистического боевика с этим партенитцем в главной роли и его антагонистом – условным "Хозяином" горы, чей расплывчатей образ в моём сознании сливался, почему-то, с образом Джона Крамера из фильма "Пила". Поэтому, услышанные откровения Олега не только не пугали, но и обещали дальнейшее интересное развитие этого такого необычного сюжета. То есть, я был сейчас в роли условного слушателя, который был не прочь, в "живую" увидеть место съемок всей этой необычности, там, на Горе. Я чувствовал себя вот в таком же приподнятом ожидании "адренолиновых" приключений с возможностью прикоснуться к

какой-то тайне, к чему-то таинственному и необычному на Горе, и уж, конечно, это ни шло ни в какое сравнение с моими школьными страшилками-посиделками в ночи с "деревенскими".

Предложение Олега сходить туда, на Гору, с ним, было не только круто для меня, но и щекотало нервы ожиданием похода к тому загадочному "Знаку", а теперь, может быть, и к пещерам, и возможностью всё увидеть своими глазами. Честно говоря, за такой уникальный "квест" любители острых впечатлений ещё бы и денег приплатили бы Олегу, если бы он вдруг, решил сделать из такого похода маленькое коммерческое туристическое "предприятие". *Такой увлекательный поход, естественно, и рядом не стоял по остроте и свежести впечатлений с "тупым" времяпровождением на пляже или дружескими вечеринками с Мишкой в барах и ресторанах Ялты, пусть, даже, хоть и с Владой…*

В моём сознании вдруг всплыл образ моей симпатяшки-попутчицы – я по-прежнему хотел найти её и надеялся, что за время столь нужного пребывания в Партените, мне повезёт встретить Веронику где-нибудь здесь. *Да и с Олегом успею сходить на Гору, и быть может, в те пещеры. И послушаю интересные сведения об Аю-Даге и, если он разговорится, сопутствующую информацию по истории этих мест – он же столько знает!* Так что, всё пока складывалось для меня, как нельзя лучше.

Мой новый товарищ смотрел на меня в ожидании ответа и я, выдавая своё приподнятое настроение широкой улыбкой, конечно же, согласился. Олег, словно удостоверившись в том, что я готов остаться в Партените и составить ему компанию, кивнул довольно головой и продолжил дальше.

– Так вот, говоря о теме прошлого Медведь-горы, – он сделал паузу, собираясь с мыслями. – Люди окончательно ушли оттуда в 16-м веке. Тропы заросли кустарником и деревьями, и даже в людской молве не осталось никаких упоминаний о тех пещерах. Гора обезлюдила, к счастью для неё.

Говоря это, он встал и, подойдя к окну, откинул штору в сторону, смотря на дымчато-синий сейчас край Горы, и о чём-то задумался, глядя на неё. Невольно, я тоже взглянул на её огромный бок, высившийся в полутора километрах от нас, за деревьями и домами.

– *Где же там люди размещались, живя столетиями на её вершине?* – размышлял я, подойдя к нему, пытаясь понять, как там можно было жить наверху, и спускаться и подниматься туда-сюда каждый божий день.

Баженов, молча, взглянул на меня и опять уставился в окно, смотря вдаль на Гору – она словно притягивала его магнитом своей огромной массы, приковывая к себе и не отпуская его глаз от её манящей, в лёгкой дымке сейчас, вершины.

Неожиданно я подумал, что его тяга к Медведь-горе была сродни лунатизму, где в роли притягательной небесной владычицы ночи выступала эта Гора.

Пауза затянулась. Мне показалось, что его заботила какая-то невысказанная мысль. – Почему? – удивился я, прервав, наконец, его раздумья, ожидая, что он пояснит мне не досказанную им мысль.

Он вздрогнул, выходя из своих раздумий, и будто вспомнив, о чём мы говорили только, что, продолжил:

– Потому что водные источники на Горе закрылись после землетрясения. Там и так трудно было жить на Горе – считай, как в крепости жили осаждённой. А сколько им нужно было дров для готовки еды, отопления в холодное время!

Это не был ответ на мой конкретный вопрос, и я опять повторил:

– Почему, *"к счастью" для горы?*

Видя, что я на самом деле интересуюсь этой темой, он словно отбросив в сторону беспокоившие его раздумья *(вдруг он по-прежнему думал про себя о Владе и её столь неожиданном отъезде из-за Мишки),* дружелюбно ответил, что сейчас я всё пойму сам.

– Не торопись. Я же даю развёрнутый ответ (*в нём, вроде, заговорил сейчас преподаватель. Он же историк, – мелькнула у меня мысль*). – Тавров жило в древности на Горе немного. И в основном, это был, так сказать, персонал – охрана и обслуга их святилища Девы. Как оседлое население, они могли проживать лишь на её северной стороне. А южная была закрыта для праздного "посещения". Там же у них стоял Храм Девы! Я потом расскажу тебе об этом кое-что. Их примитивно— обустроенных жилых каменных построек на Горе, конечно же, не хватило бы для её "массового" заселения. Ну, а там, где они жили в обычных местах, жильё строилось из камней и веток, обмазанных глиной. В плетнёвых мазанках, или полуземлянках. И везде им требовалось дерево для дров. Зимой попробуй, там, наверху, пожить на продуваемой ветрами вершине! – патетически воскликнул Олег.

– *Как на лекции говорит*, – мелькнуло у меня сравнение.

– А ведь нужно и жильё обогревать, и пищу готовить, и для строительных нужд рубить деревья. Даже здесь— на этой святой для них горы! Из года в год. Из десятилетий в столетия! – сделал он паузу.

– И ты думаешь, они дрова из долины наверх таскали? – он, вроде, как, спросил меня, и пока я собирался с ответом, продолжил дальше:

– Да если бы они её заселяли так, как, тысячелетия спустя, в 5 м— 7-м веках нашей эры, это сделали другие поселенцы, то ещё в таврские времена весь лес на Горе изничтожился бы также, как, скажем, на Мангупе (*а где это? – поднял я брови в немом вопросе, но Олег не стал отвлекаться на объяснения, продолжая свой монолог)*. – Или, как на Керченском полуострове, когда Митридат вырубил все окрестные леса для строительства своего флота в ходе десятилетий его трёх войн с Римом! Я уже не говорю о лесных пожарах… Так что с экологией в те времена было не всё хорошо… Рубили, где вздумается и сколько надо!

Я слушал внимательно Олега – похоже, понемногу, он стал вводить меня в тему исторического прошлого Горы. Он же, словно выговариваясь, продолжил свою мысль, словно обращаясь к невидимой аудитории, где был единственный слушатель в моём лице. – И скорее всего, так оно и было за те долгие столетия обитаемой истории Медведь-горы. Лес изничтожался там, вероятно, десятки раз, и вырастал, хотя и мельчая, заново. Хорошо, что её экология смогла восстановиться там, пусть и в неполной мере, – закончил он свою "развёрнутую" мысль. – Теперь ты понял, почему "к счастью" для этой горы люди ушли оттуда? – посмотрел он меня внимательно, словно, чтобы убедиться в том, что мне теперь всё стало ясно.

– И всё же удивительно, – продолжил он дальше, – что те пещеры, кто-бы их не сделал, остаются неизвестными до сих пор, хоть и находятся вдали от основных троп на горе. Нет о них никаких упоминаний ни в далёком прошлом, ни в более близкие к нам времена. А ведь они могут, возможно, иметь какое-то отношение к культу Девы… Однако, повторяю, о них нигде нет никаких записей – ни единого упоминания! – проговорил он, задумчиво смотря в опять в сторону Горы. – И даже за прошедшие 200 лет современной российской истории Аю-Дага их никто не открыл заново!

Он, было, опять задумался о чём-то своём, глядя в окно, но я кашлянул для вида, выводя его из очередных глубоких раздумий – он оторвал свой взгляд от этой роскошной природной картины в его окне, и помедлив, сказал:

– Я, правда, ещё не смотрел в записях надворных советников местных татарских мурз – там, возможно, может встретиться хоть какая-нибудь информация на эту тему. Но я не знаю татарского языка, хотя мне и помогает Гюльнара…, ну, да ты её не знаешь, – остановился он, словно сказав лишнее, и замолчал, опять повернувшись к окну, глядя куда-то вдаль.

Я стоял, молча, смотря то на него, то на дымчатый силуэт огромной Горы за стеклом окна гостиной, удивляясь тому, насколько Олег, действительно, одержим этой темой, и как много он знает о проблематике данного вопроса.

– Вот такие дела, – сказал он, отходя от окна и садясь на диван, потирая виски, словно вспоминая что-то. – И вот что ещё, – продолжил он свои пояснения, подзывая меня жестом присоединиться к нему, – это тем более удивительно, что я, осмотрев ту пирамидку на входе, просто кожей чувствовал, *что там кто-то регулярно бывает.*

– Почему? – эта тема, связанная с пещерами, была уже для меня такой же жгуче-интересной, как и тот "Знак".

– Потому что там, на камнях не было никакого мха и, даже, намёков на то, что его кто-то убирает там. *Его просто нет там!* – ответил Олег.

– И что с того? – недоуменно спросил я.

– Там было полно мшистых камней вокруг на склоне, а внутри, на открытой площадке – ни одного! – объяснил он. – А место-то абсолютно заброшенное и дорожек – тропинок там нет. Спускаться туда – уже труд сам по себе. Так что, кто-то туда приходит регулярно, иначе бы всё было бы во мху там… И в листьях, – он снова задумчиво посмотрел в окно на Гору как будто стараясь разглядеть там эти пещеры на её массивных огромных боках.

– А ты, там, что, был опять? – поинтересовался я.

– Почему ты так решил?

– Ты говоришь так, как будто был там совсем недавно.

Олега почему-то нахмурился, услышав моё предположение. Я почувствовал какую-то перемену в его настроении. Но тема была для меня очень любопытна, и я спросил как можно более дружелюбно, поинтересовавшись как-бы между делом:

– Послушай, Алик, – так ты к тем пещерам так и не ходил больше?

Мой вопрос был ожидаем, и Олег, понимая мой интерес к этой теме, очевидно, раздумывал, что мне сказать. По его виду я понял, что он мне ещё не всё рассказал о тех пещерах и не хотел говорить по какой-то причине. Но я не сводил с его глаз. Наконец, решив что-то про себя, он сказал, что пробовал сходить туда, и не раз.

– Спускался по косогору. Но не мог найти их там, – развёл он руками.

– Почему? – удивился я.

– Их там больше не было…

– Как же так? Ты помнил дорогу, знал, где ты спустился и, – я не договорил.

Олег, упреждая мои вопросы, покачал головой, показывая всем своим видом бесполезность моих дальнейших расспросов.

– Сам не понимал, куда они исчезли. Их не было, пока…, Его словно что-то мучило, и было неприятным для воспоминания.

– Пока, – начал он медленно, словно делая признание, – в прошлую среду, спускаясь с горы в очередной раз, решил опять пройтись там, в том районе склона горы, где мне довелось наткнуться на те пещеры.

– Так это тогда же, когда ты увидел тот знак на скале? – вспомнил я вдруг.

Олег не ответил. По его лицу было видно, что с ним тогда произошло что-то, о чём он так и хотел пока говорить. И всё же, вся эта недосказанность с его стороны как-то грузила его сознание, и, очевидно, сильно заботила, и ему нужно было высказаться. Поделиться со мной мучавшей его тайной.

– Понимаешь, в тот раз… – уже начав говорить, он опять замолчал. Я ждал продолжения, сверля его глазами, но Олег сказал, что мы поговорим об этом потом. У него, очевидно, пропало настроение разговаривать на эту тему.

– Удивительно, – подумал я, *– как ему удавалось держать себя в руках всё то время, пока мои ялтинцы были у него в гостях. Он ведь ничем не выдал своей неприятности или проблемы – а ведь там с ним что-то произошло….*

– Так, что, с пещерами? – не унимался я.

– Я увидел их опять, – нехотя выдавил он из себя. – Там, вроде, было даже, как прибрано. Нигде ни листочка на площадке. А потом, – он не договорил и помрачнел. Ему не хотелось дальше продолжать эту тему.

Во всей этой его недоговоренности скрывалась какая-то тайна, и меня тем более стало мучить желание порасспросить его о том, что же он видел в этот раз или кого он там встретил. И тот голос – "*Хозяина" или кто там был* – слышал ли он в этот раз нечто подобное? Я хотел, всё-таки, спросить его об этом, но, по его лицу понял, что лучше этого не делать.

– Не сейчас, – Олег вдруг сам ответил на мой невысказанный вопрос. – Я тебе и так сказал лишнее.

По тому, с какой интонацией он произнёс эти слова, мне показалось, что для него было бы лучше, чтобы он их не видел в этот раз. Что же там произошло?

Вспомнив слова Олега о том жутком голосе, который звал его в пещеру, я поёжился.

– *Надо быть смелым человеком, чтобы опять попробовать сунуться туда, пусть и днём. Как он не побоялся спуститься к тем пещерам? Один, зная, что или Кого он там может встретить! Хотя, почему один?* – тут же поправил я себя, вспомнив про его собаку. – *Он же, вроде, с ней всегда ходил на Гору. И, кстати, где же она?* – я чуть было не озвучил этот вопрос, но вовремя остановился.

Избегая моих дальнейших расспросов, видя, что мне не терпится ещё о чём-то спросить его, Баженов подошёл к журнальному столику с остатками нашего "фуршета" и стал собирать посуду, остановив меня жестом хозяина – мол, сам управлюсь, и пошёл затем на кухню. Он там нарочно громко гремел вилками, тарелками, словно создавая видимость работы. Но я не отставал от него – меня просто распирало от любопытства.

– Олег! – позвал я его.

– Что там? – услышал я его голос из кухни.

– А твоя собака где?

Мой вопрос завис в тишине – Олег ничего не ответил, гремя посудой в раковине, и я прошёл к нему на кухню. Он мыл посуду, не оборачиваясь на звук моих шагов.

– Собака, – начал я.

– Ты о чём?

– У тебя же, вроде, была собака.

– Была, – сказал он, отворачиваясь от меня.

Очевидно, я сам не зная задел что-то очень личное в его душе. Не обращая на меня внимания, он достал из кухонного шкафчика коробку с листовым чаем в пакетиках и залил их кипятком в фарфоровом чайничке для заварки. Выждав момент, когда он взглянул на меня, я продолжил мои вопросы.

– И где она?

Он помолчал, ничего не отвечая мне и, понимая, что я жду ответа, наконец, ответил негромко:

– Её забрали.

В его голосе звучало что-то такое невысказанное, очень личное и связанное с чем-то таким душевно— ранимым для Олега, что я, почему-то, сказал ему:

– Извини, что спросил.

Этот разговор о собаке был таким тягостным для него, что я уже пожалел о том, что спросил о ней.

Что-то там непонятное с ней – украли или кто её забрал, куда? Может, ветеринарная служба или живодёры какие-нибудь. Поэтому, он такой смурной стал, когда я спросил насчёт его четвероного друга. Он же с ним по Горе ходил постоянно, как Влада сказала тогда…

Домыв посуду, Олег предложил попить чай, и налил мне и себе в кружки кипяток с заваркой, а затем, отвлекая меня от ненужных ему мыслей – он, же понимал, о чём я сейчас думаю — спросил меня о моём московском “житие”. Не думаю, что я представлял для него какой-то интерес, но мы же, вроде, становились, как новыми товарищами. Он разговаривал со мной о Москве, обо мне, кем работаю и прочее с деланным интересом и, закончили наше “чаевничество”, поговорив о последних новостях в мире. Но это было всё второстепенным для меня, как, впрочем, и для него. Мысль о пропавшей собаке– *её забрали*? – по-прежнему занимала меня.

– Кто же её забрал, что Олег не смог помешать? И, где? Может, на Горе? И, если это так, то кто же посмел это сделать в присутствии Олега? Он же, видимо, знает, кто это сделал! И, когда. Скорее всего, совсем недавно…

Мои дальнейшие мысли были прерваны хозяином квартиры – он встал и, убрав за собой со стола, сказал, что пора собираться. Для человека, у которого на душе был явный груз какой-то невысказанной боли и недоговорённости о мучившей его проблеме, связанной его тайной или каким-то секретами, о которых он не мог мне рассказать, его голос звучал почти естественно-дружелюбным и по-деловому собранным.

– Когда мы побываем с тобой на руинах византийской базилики, – продолжил он, выходя со мной в гостиную— построенной в 7-м веке на месте бывшего античного, а до него, таврского капища, ты увидишь, что камни вокруг этого места покрыты мхами. И её каменное основание было раньше скрыто под мхом. А сейчас там – новодел.

Я смотрел на него, не понимая, для чего он всё это рассказывает мне? *Мы же собирались пойти с ним на Гору не для осмотра руин базилики, а в поисках разгадки ответа на тайну “Знака” и, если получится, узнать от Олега на месте побольше информации о Медведь-горе, о той хазарской стене, где кто-то в том жутком тумане переставлял камни, почувствовать ауру этого загадочного, древнего места и, если получится, разговорить его о тех пещерах, о неведомом “Хозяине”, и что Олег там видел в прошлый раз. У него, наверняка, есть столько много чего, о чём он мог бы поведать мне, поднявшись на Гору со мной.*

Не выказывая ему моего не интереса к этой теме мхов на развалинах, я продолжал слушать его с деланным вниманием.

– Восстановленная по кусочкам часть стены, и мха там нет, – увлечённо продолжал говорить Олег. – Пока. Но, как только люди перестанут заботиться об этом месте, стены покроются мхом. Изначально же, мох на камнях древней части её остатков был там долгие годы Это уже потом, когда в годы после перестройки 80-х годов и, главным образом, в 2000-е, народ потянулся к вере, к старым святыням и энтузиасты стали приводить эту постройку в порядок, и убрали старый мох с камней.

Олег поднял с пола свою большую схематическую карту с пола, разворачивая и кладя её на диван.

– Это вот здесь, – ткнул он пальцем на её фронтальную проекцию, продолжая говорить.

– Многие отдыхающие из санатория, да и просто любители природы, приходят по дороге Раевского туда, наверх, специально, чтобы и помолиться, и внести свою скромную лепту в восстановление этих древних стен. Конечно, это всё символически и о восстановлении храма в первоначальном виде и речи нет. Просто людям хочется прикоснуться к древним святыням и как-то очистить душу. Там очень благостно – не все же ходят именно в церковь, чтобы быть ближе к Богу…, – он опять замолчал, думая о своем.

– Так, что, ты уверен, что туда кто-то ходит? – я отвлёк его от раздумий, вернув к нашему разговору, поняв, *что он рассказал мне об этом всём попутно, имея в виду, конечно же, тот факт, что и на площадке перед той пещерой было кем-то прибрано. И не было мха на стенах! И даже нигде ни листочка внутри у пирамидки*, – вспомнил я его слова.

– В храм? – переспросил Олег.

– Нет, в пещеры!

– Я знаю, – произнёс он с такой уверенностью, что я хотел тут же спросить его, откуда он это знает. Но он, торопясь, чтобы я не задал ему очередных неудобных для него вопросов, сказал, что он хотел подключить моего ялтинского друга к этой теме.

– Ну, да ты видел, как его всё это ошарашило – он же сухой юрист, не романтик, – Олег усмехнулся невесело.

– Да уж, какая там романтика, – почему-то серьезно ответил я, думая о его пропавшей собаке.

Может, он её и потерял в своих поисках этой пещеры? Без собаки-то туда теперь не сунешься… Вот и понадобилась теперь вместо четвероногого друга временная замена в лице Михаила Викторовича. С кем-то же надо ему исследовать те пещеры вдвоём и, заодно, тот "Знак". А тут и я, как раз, вовремя подвернулся.

– Так что, Антон, готовься, если тебя интересует эта тема, я постараюсь тебе всё здесь показать.

– *Это ты насчёт пещеры?* – хотел я спросить его полушутя, но передумал. – *Больно тёмная, всё-таки, эта тема с пещерами. Всей правды пока он мне не говорит. Скрывает что-то. Будем на Горе, потом и спрошу его…*

Олег скрутил в рулон карту, зафиксировав её резинкой, и сел на диван.

– Да, совсем забыл! – вскинулся он. – У меня на балконе лежит геологический справочник. Прочти его. Там тема о лакколитах, чтобы ты понял, куда мы идём и *что* из себя представляет Гора, как геологическое образование.

– Уже ознакомился, – улыбнулся я и, видя, что Олег разговорился, задал ему столь интересующий меня сейчас вопрос, который давно был у меня на языке:

– А что там насчет "Хозяина"? – осторожно спросил я, зайдя, с другой стороны, к теме о пещерах. – Тот голос, – начал я, не договаривая, ожидая, что Олег поговорит со мной отдельно и об этом, и расскажет столь интригующую для меня информацию. Однако, мой увлеченный разговором товарищ, словно не слыша моего вопроса, опять встал и прошёлся по комнате, посмотрел в окно на массив горы над Партенитом и сев на диван, неожиданно спросил меня о моих планах на отдых, помимо похода на Медведь-гору.

Проявив настойчивость, я повторил свой вопрос, сказав "с подтекстом", что мои дальнейшие планы здесь *(в Партените*) будут зависеть от степени его доверия мне.

Олег пристально взглянул на меня и нехотя ответил, что ещё пока не время об этом говорить.

– Наберись терпения, – сказал он вдруг серьёзно, глядя мне в глаза пристальным взглядом, – ты всё узнаешь, но не сразу, а когда нужно будет.

Я замолчал, не понимая, почему он избегает этой темы. Он же сам ещё час назад начал этот разговор, а теперь вдруг закрыл, так неожиданно, столь интересный для меня вопрос. – Ты, кстати, сколько дней будешь в Ялте? – поинтересовался он.

– Три полных недели. У меня уже и обратный билет есть.

– Отлично, – воскликнул Олег.

Мне показалось, его лицо как-то опять посветлело.

– Да у тебя вагон времени, чтобы сходить и на Гору, и покупаться там, на диких пляжах! А какие места я там тебе покажу! И Партенит осмотреть сможешь. Пройдёмся и по парку санатория "Крым", и в "Парк Парадиз" сходим.

Он прямо засветился неожиданным энтузиазмом.

– Я пока в отпуске уже неделю, – пояснил он. – Так что, у нас с тобой всё благополучно совпало! И вспомнив о том, что я, собственно, приехал на отдых в Ялту и хотел бы наверняка отдохнуть и там, и посмотреть также другие достопримечательности, сказал успокаивающе:

– В Ялте своей ещё успеешь отдохнуть. Хотя там такая сутолока, особенно на набережной. А про автобусы я и вспоминать не хочу – он посмотрел выжидающе на меня, ожидая

моей реакции на его идею провести здесь больше времени, чем я, собственно, рассчитывал или планировал.

Это неожиданное предложение подразумевало, что я могу остаться здесь, в Партените, минимум на неделю, хотя я ранее рассчитывал пробыть здесь всего несколько дней.

– *Ну, а там видно будет,* – решил я про себя. Ялта, и в правду, может подождать, и образ Вероники наполнил моё сознание—*обязательно найду её,* – пообещал я сам себе. Олег, видя, что я согласился остаться здесь и дальше, продолжил с энтузиазмом. – А потом, две недели тебе вполне хватит на знакомство с остальными южнобережными достопримечательностями.

Я кивнул, соглашаясь с ним.

– Вот и отлично! – повторил Олег. – А сейчас, – он посмотрел на часы, – у нас начало двенадцатого. Если сейчас пойдём сразу на гору с выходом к большой поляне, и дальше, к Трону Силы, – он не договорил, достав с книжной полки большой снимок с его же схематической карты, и показал мне на крохотное серое пятно.

– Это вот здесь, – ткнул он пальцем на край горного склона с западной стороны южной части горы. И продолжил дальше: – Вернёмся назад, если всё нормально, к 16 часам. Наверх, на её макушку, мы сегодня не пойдём. Наши планы, как ты понимаешь сам, изменились…

Он улыбнулся извиняющееся.

– Ну а если пойдём выше, то нам, в любом случае, надо спускаться с неё к выходу у ворот не позже семи вечера. К этому времени лес стоит уже в глухой тени, всё становится безликим и приглушенно-сумрачным – можно не заметить камень или корень дерева на тропе и здоороово упасть, – он улыбнулся. – У нас с тобой есть, по крайней мере, два дня, и там видно будет дальше, что и как, – в его голосе прозвучала какая-то недоговорённость. Но я не стал уточнять у него, что же он имел в виду.

– А Трон Силы? – поинтересовался я.

– На Трон Силы нужно идти, когда там светло. В солнечную погоду и синим небом. Получишь незабываемые впечатления от окрестных головокружительных видов!

Он говорил уже чуть ли ни с видом экскурсовода, приглашающего на эксклюзивную прогулку “для своих” жаждущих острых впечатлений туристов.

– Можно будет спуститься затем к каменному хаосу из сотен многотонных глыб. Там, внизу, каменный язык метров семьдесят в длину, – продолжал Олег, говоря, что ему довелось несколько раз спуститься в самый низ к обрыву, где дальше стоят отвесные откосы, метров 100 высотой. – Так вот, в этом каменном хаосе я тоже кое-что нашёл, – он сделал многозначительную паузу.

Меня, конечно, заинтересовали его слова, и я посмотрел на него, ожидая, что он мне сейчас расскажет об очередной тайне Горы. Но этот знаток её нехоженых мест не стал дальше распространяться на эту тему, ответив на мой немой вопрос короткой фразой:

– Потом расскажу.

Да… Он определенно был ходячей энциклопедией об этой Горе.

– А пока, – продолжил он, – если не возражаешь, мы для начала выйдем хотя бы из дома на Божий свет. Естественно, я был доволен, что мы, наконец, после всех этих разговоров, пойдём к Горе. – Ты плавки взял? – спросил меня неожиданно Олег.

– А что? – не понял я, в мыслях уже находившийся чуть ли не на Горе.

– Так здесь же хорошие пляжи, – весело ответил Олег. – А какие там барышни одинокие ходят! – он шутливо закатил глаза вверх. – Закачаешься!

Он уже был в хорошем расположении духа и по его поведению я видел, что ему нравится общение со мной. Что бы он там с ним не случилось в этот раз в той пещере, он умело скрывал свои чувства после той минутной слабости или что это было, когда он вспоминал про свою собаку. Во всяком случае, у нас с ним стали складываться хорошие, товарищеские отношения. Хозяин квартиры был в меру разговорчив и дружелюбен. Я хотел, было, ему рассказать о

Веронике, но решил, что слишком рано. Успею, когда будет уместно, и улыбнувшись, шутливо ответил:

– А вот с этого и надо было начинать, – и мы непринужденно рассмеялись.

Я порылся в своем рюкзаке, ища плавки, и оказалось, что, по моей невнимательности, они остались в моей комнате у Мишки в Ялте на стуле у кровати. Увидев моё некоторое замешательство, Олег сказал:

– Если забыл, – понял мой новый товарищ, – то сейчас зайдём и купим их в ларьке с курортными товарами. В любом случае, они тебе будут нужны здесь, – он мотнул головой в сторону моря, – или там, – и он показал в направлении Горы, имея в виду Ялту, лежавшую в той стороне, за этой каменной громадой.

Он пошёл к себе в спальню переодеться, а я, подойдя к стене, близко рассматривал на стене реалистичнейшую картину Горы.

– Там крест стоит, видишь? – Олег подошёл ко мне и показал на край высокого мыса.

– Деревянный, 3х метровый крест. Я помогал мужикам нести его и устанавливать там года три назад. Заменили прежний. А ниже – он показал на карте, – слева от этого мыса располагается Бухта Контрабандистов.

– Что, настоящих? – недоверчиво спросил я.

– Да, были такие здесь такие в конце 19 века, – и он начал было рассказывать об истории происхождения такого странного названия, а потом, махнув рукой, сказал:

– Антон, да там столько интересных мест, и столько историй можно рассказать, что мы с тобой дома до вечера просидим здесь, в квартире! Давай, пошли! Потом сходим и туда! – и он направился к двери на кухню.

– Пойду, соберу по-быстрому еду в дорогу. Воду и прочее, – проговорил он уже из кухни, открывая холодильник, что-то доставая из него. Мой чёрный рюкзак был тут же, в прихожке, дожидаясь меня на старом стуле.

– Хорошо, что Мишка позаботился обо мне, положив ещё в Ялте хлеб, консервы и воду мне в рюкзак! – подумал я с благодарностью о моём ялтинце, бегло исследовав его содержимое, и присел на корточки, одевая свои новые белые кроссовки.

– А по дороге я тебе буду рассказывать и показывать, что, и как. Ну, чтобы ты поднялся на гору, уже хотя бы что-нибудь, зная о ней. Ты готов?

– Всегда готов! – охотно откликнулся я из коридора, надевая кроссовки.

Олег вышел ко мне в прихожку, что-то ища в настенном шкафчике, и вытащил затем рюкзак защитной, маскировочной расцветки. Проходя мимо меня, он задержал свой взгляд на моих кроссовках.

– Да, кстати, какая у тебя обувь?

Я с гордостью показал ему мои новые, белые, фирменные кроссовки “Mizuno”, купленные накануне поездки, в которых и приехал в Крым из Москвы. Олег скептически усмехнулся, сказав, что практика покажет, насколько они хороши.

Быстро собравшись и положив припасённые им продукты и воду в рюкзак, он надел затем обычные, китайские, “кондовые”, серо-коричневые кеды. И тут уж я скептически улыбнулся, глядя на его видавшие виды “Red Wall”. А Олегова жёлтая футболка, кстати, выглядела как-то вызывающе ярко, и я бы сказал, не скромно. Не люблю привлекать к себе внимание яркой одеждой…

Глава 6
Понедельник. День. Моё знакомство с Партенитом. Разговор с Олегом о прошлом Крыма. Готская тема

Мы вышли из квартиры и пошли по ступенькам вниз. Выйдя на улицу, я зажмурился от яркого солнца и почувствовал сразу, что на улице стало ещё жарче. Олег посоветовал мне сразу надеть солнцезащитные очки и бейсбольную кепку, и в наших шортах-бриджах мы ничем не отличались от типичного местного курортника.

Я шёл за Олегом вниз по асфальтовой дорожке в тени деревьев и вскоре мы вышли к пятачку у местной автостанции. Как пояснил Олег, отсюда, с этого пятачка у проходной в санаторий "Крым", маршрутные автобусы ходят ежечасно в Ялту и Алушту. Но только до 20 часов вечера.

– А позже? – спросил я.

– А потом в Ялту только на такси можно добраться рублей за 700–800, – и он мотнул головой в сторону нескольких иномарок, стоявших впереди и позади автобусной остановки. Водители, утомленные жарой, сидели с открытыми окнами в салоне своих авто.

– *Вот так, на жаре, целый день в ожидании залётного пассажира, а главный клиент может подвернуться лишь к вечеру* – пожалел про себя этих тружеников колеса…

Подойдя к продуктовому магазинчику у остановки, Олег зашел внутрь купить воды и каких-то пирожков и я, вслед за ним, купил, там, на всякий случай, бутылку минеральной воды и свежайшую выпечку – булочку с маком.

– Сейчас с тобой пройдёмся по территории санатория, – объяснил он, укладывая купленное в свой, а потом и в мой рюкзак, стоя за мной (*я не стал возиться снимать его с плеч)*. – На гору можно попасть из Партенита только через проходную КПП. Хотя, можно рискнуть и перелезть через высокий забор. В общем, попробуем оба варианта. Не возражаешь? – пошутил он. – Ну, а пока что, можно сходить на пляж и покупаться, пока ещё солнце не палит сильно, и побыть там до обеда. На гору мы с тобой ещё успеем.

– *Ну, да. Он же говорил*, – подумал я. – *Хотя…*

– Как раз после 13 часов и пойдём, – ответил он на мой немой вопрос. – Тебе на пляже делать нечего в это время – сгоришь! Ты же только что приехал на Юг, надо понимать, что твоя кожа просто не готова к этому излучению, – он покосился на меня, бледнокожего москвича, коим, я, собственно, и был всегда. – В лесу, на Горе, в это время, конечно, тоже жарко. Но там везде есть тень от деревьев. Парень ты крепкий, думаю, выносливый, – выдал он мне "авансом" похвалу. – Так что как раз туда потом и пойдём.

Да, в этой эйфории летнего отдыха в солнечной Ялте у меня выскочило из памяти, что я, обычно, сразу же обгораю, попадая на Юг – так было со мной и в Турции, и в Италии, и в Таиланде – *нужно загорать постепенно*. Хорошо, что Олег напомнил мне об этом.

Выйдя из магазина, "пробежавшись" затем по местным промтоварным палаткам, я выбрал себе плавки (*с невольным сожалением сравнив их с моими эксклюзивными таиландскими плавками, которые привёз с собой в Москву в прошлом году).* Таким образом, закончив с первоочередными делами, мы подошли к проходной санатория, и Олег купил два билета для входа на территорию санатория.

– Вообще-то, – сказал он, – у меня здесь батя работает. Ну да сегодня я иду с тобой, тоже, как гость. И покажу тебе местный парк, хотя он и считается санаторским.

Мы прошли мимо охранника в форме – он, узнав Олега, кивнул ему и удивился, когда он показал ему свой входной билет, но ничего не спросил, пожелав хорошего дня.

Пройдя проходную и спустившись дальше вниз, проходя мимо какого-то постамента с бронзовой головой, похожей издали на воина в шлеме, Олег остановился, обратив моё внимание на этот "раритет" из минувшей эпохи. Как оказалось, это был памятник командарму Фрунзе (*тому самому, в честь которого этот посёлок ранее назывался Фрунзенское!*). Приглядевшись, я увидел, что это была будёновка с символом красной звезды.

– Скифская тема, – сказал Олег, имея в виду головной убор. – Из комплекта новой формы, планировавшейся для парада Победы русской армии в Берлине и в Константинополе в 1918 году. Дело шло к разгрому кайзеровской Германии. Но Антанта "кинула" Россию… и лежали эти будёновки на военных складах, пока не вспомнила новая Советская власть о них для обмундирования бойцов Красной армии, – в голосе Олега слышалось искреннее сожаление. – Эти "будёновки" по форме своей копировали головной убор из обихода скифских воинов. Только скифские прототипы шились из прочной бычьей кожи для защиты головы в бою.

Он хотел было и дальше просвещать меня насчет скифов, но махнув рукой чуть ли не в каком-то сожалении, сказал, что вернётся к теме скифов попозже, когда будет уместно, и мы пошли дальше.

Солнце уже вовсю заливало Партенит ярким светом, повышая с каждым часом градус жары. Мы вошли в длинную аллею кипарисов в конце которой, по словам Олега, находился пляж. За этой стеной высоченных кипарисов в парковой зоне стояли ещё более высокие деревья. Особенно меня поразило одно дерево с 5-ю высоченными стволами, росшими подобно головам гидры, из одного толстенного ствола. Оно стояло недалеко от асфальтовой дорожки в тени других высоких деревьев, росших в этом старом парке. Там цвели различные растения – особенно мне понравилась своими декоративными листьями и крупными светло желто-коричневатыми плодами (*крупнее слив*) дерево, под названием "мушмула".

Мой знающий местные реалии "экскурсовод" сказал, что это китайская мушмула из семейства розоцветных. Название у неё, правда, оказалось турецкое.

– Она же – японская слива, и у неё вкусные плоды по вкусу похожие именно на сливу с земляникой, – и Олег посетовал дальше, что этих деревьев, в общем, мало на ЮБК. – Ты бы видел, как ни красиво цветут белыми метёлками здесь уже в конце февраля – начале марта! И вызревает уже в весенний период, ближе, даже, к началу лета.

Вот не думал, что Олег такой любитель природы! Похоже, он любит местную флору не меньше, чем ту каменную лесистую громаду Медведя, приютившего этот городок с его парком у себя под боком. Или это он для меня так старался, чтобы я почувствовал красоту здешних мест?

Мы свернули вправо – наша импровизированная экскурсия по парку продолжалась. Проходя мимо высоких, ветвящихся кустов цветущего олеандра с красными гроздями вытянутых вниз цветов светло-розового и, местами, почти рубиново-красного цвета, я невольно остановился у этих чудесных растений, и сделал селфи для моей московской подруги – это было просто чудо!

Я их видел, кстати, с Олегова балкона этим утром, и вспомнил такие же, но более пышно цветущие кусты олеандра в изобилии встречавшихся мне везде вдоль автомобильных трасс, дорог, тротуаров и палисадниках в Италии, да и в Греции, где эти прекрасные, густые, высокие кустарниковые растения растут буквально везде и чувствуют себя превосходно в тамошнем климате. В Ялте и, здесь, в Партените, их несравненно меньше, но это, очевидно, из-за нередких зимних заморозков на ЮБК, достаточных для того, чтобы погубить большую часть этих теплолюбивых растений.

– Здесь, у Горы, в Партенитской котловине, сложился уникальный тёплый климат, – продолжил наш разговор Олег. – И зима здесь мягкая, даже немного теплее, чем в Ялте, зимой, с её зимними бурями и штормами у побережья и периодическими прорывами холодных масс циклонов с севера, которые, хоть и редко, но случаются на Южном берегу Крыма.

Идя по парку, держась, тени от деревьев, мы вышли затем на дорожку вдоль огороженной зоны спорткомплекса, где сейчас никого не было днём – *жара!* и прошли затем по тенистой дорожке к лечебному корпусу № 2 (*прочитал я вывеску на входе*). За ним, дальше к набережной, стоял одноэтажный павильон столовой, откуда с кухни шёл вкусный запах готовящейся еды – скоро обед, вспомнил я, и у меня чуть было не всколыхнулся аппетит. – Ну, нам ещё рано столоваться, – сказал весело Олег. – Ещё не наработали мочалками, – он постукал себя по жилистым икрам ног.

У него явно улучшилось настроение – он шёл на правах лидера, на полкорпуса впереди меня, ведя и направляя меня, объясняя, где и куда мы идём.

Выйдя, наконец, на санаторскую набережную, обсаженную по обеим сторонам большими кустами вечнозеленой агавы, больших кактусов и красивых кустов с высокими метелками белых бутонов (*даже Олег не смог мне сказать их название*) я подумал, что это место – Партенит – нравилось мне всё больше и больше. Тут же росли такие красивые для меня высокие, “пышнокронные” акации с их ажурно-перистыми, длинными листочками и множеством нежно-розовых соцветий среди них. Отсюда, с набережной, открылся вид на сине-голубые водные просторы – я опять увидел море, второй раз за сегодняшний день.

Слева от нас на берегу открылся вид на высокий обрывистый холм, высившийся, как утёс, над береговой зоной, с огражденной смотровой площадкой наверху – там виднелись маленькие фигурки людей, смотревших на нас с высоты в 40 метров. И там же, сзади холма, виднелась часть высокой красно-белой, телевизионной вышки. Ниже, ближе к пляжу, был виден светло-коричневый бок большой округло-покатой скалы, напоминающей этакого каменного, гладкого головастика, повёрнутого тушкой к морю или, благозвучнее, “крутолобика” (*я так и окрестил его про себя, а потом сказал Олегу*).

Подойдя к территории пляжа, мы спустились к берегу моря с мягким, рассыпчатым песком почти чёрного цвета, переходящего у кромки воды в галечный пляж. Всё видимое отсюда пространство пляжа, длиной около километра с обеих сторон, ограничивалось слева этим вползающим в море “крутолобиком” – удивительной формы гигантского гладкого валуна высотой метров 20. Перед ним виднелись какие-то причалы, павильончики и лодки у короткого пирса. А справа открылся, как я думал, вид на Медведь-гору, но, оказалось, на один из её мысов, похожий, внешне, на её уменьшенную копию, и удивился их сходству. Олег, поняв моё удивление, рассмеялся.

– Да, при всей разнице в размерах, у этого мыса есть определённое сходство в форме. И для меня он – Медвежонок, – сказал Олег. – Или Малый Медведь. Выбирай, как что тебе больше нравится.

Своими внешними очертаниями он и впрямь реально напоминал отсюда, с пляжа, малого каменного Медведя, вернее, Медвежонка, прилепившегося к телу огромного отца-Горы.

Когда я сказал об этих своих наблюдениях Олегу, он, к моему удивлению, поправил меня, сказав, что не к отцу, а к матери.

– Какая же это мать! – воскликнул я. – Не мать Гора, а Медведь-гора.

– А для тавров это была именно Мать-гора. И он, – Олег кивнул головой в сторону “Медвежонка”, – и есть её малое дитё.

Я смотрел с недоумением на Олега, не понимая, разыгрывает ли он меня или я, что-то не понимаю в местной топонимике. Этот мыс, сам по себе, был такой здоровый, что из-за его высоких круч не было видно отцовской или, по заявлению моего знающего партенитца, материнской Горы, которая пряталась где-то выше, скрытая от нас справа высокими деревьями в парке.

– А в чём разница, – недоумевающе спросил я, – отец или мать гора. Она же неодушевлённая… Просто Гора. Большая и древняя.

– Это для тебя она бездушная каменная громадина. Ты не чувствуешь своей связи с Природой, отгородившись от неё шорами городской цивилизации. Не зная ничего об её истории и древних верований, связанных с ней. Ну, да, ничего. Будет время, поговорим, там, наверху, о нашей Медведице… – кивнул он головой в сторону невидного отсюда массива Горы.

– Медведе – поправил я его.

Олег, усмехнувшись на эту мою "поправку", сказал, что я – "*сырой материал*" и, чтобы я не обиделся на него, пояснил:

– Потом, когда ты поднимешься наверх, поймёшь всю разницу между этим и, – он бросил взгляд на пляж, – тем миром заповедной Природы. Где человек должен быть не гостем, а её дитём. И ты потом потом поймёшь многое…

Услышанное озадачило меня. Я, вроде, и так люблю Природу, *но вот чувствовать, мать ли эта Гора или отец, ну, уж, извините.*

Видя мои сомнения, Олег пообещал, что позже, когда мы будем на Горе, он вернётся к этой теме.

Размеры высившейся громады немалого "Медвежонка" с его крутыми скальными боками стали мне ясны, когда я разглядел вверху на дымчатом фоне неба высокие сосны, которые казались отсюда маленькими деревцами. Ниже этого огромного мыса, на тёмно-зелёном фоне участков растительности, прилепившейся к его бокам и спускавшимся вниз по огромным темным расщелинам, виднелись крохотные, медленно парящие, белые силуэты чаек, кружившихся над морем.

Солнце, сияя в голубом куполе небес, обжигало мою бледную кожу жаркими лучами из бездонной высоты зенита, в котором бледнеющий и теряющей свою почти материально-плотную синеву небесный свод размывался в огненных лучах, исчезая в светящемся царственном ореоле дневного светила. Море отражало его миллионами солнечных зайчиков, прыгающих в искрящейся солнечной ряби, словно приглашавшие меня, как ребёнка, снова окунуться в мир беззаботного отдыха, как когда-то я это делал с моими родителями в их отпуске в Ялте.

Яркие лучи солнца рельефно высвечивали крутые бока Медвежонка с глубокими тенями расщелин между ними и провалами чёрных трещин, уходивших, почти отвесно, под воду у отвесных скалистых стен. Там же виднелись еле различимые отсюда одиночные лодочки и прогулочные катамараны. А ближе к нам, где заканчивалась пляжная зона, стоял длиннющий бетонный причал для катеров, опиравшийся на полсотню красных, местами покрытых и изъеденных ржавчиной, железных свай. Похоже, им уже не часто пользовались, так как он был безлюден, и на нём не было видно даже рыбаков. И рядом никаких лодок, моторок, или катеров, кроме многочисленных двухместных катамаранов типа морских велосипедов, и даже каноэ (!) плававших поодаль от причала.

Здесь же, на мелководье у берега стоял, покачиваясь в воде, большой надувной красный "Змей Горыныч" с тремя открытыми пастями. Парень-зазывала на берегу предлагал совершить на нём незабываемую водную прогулку к бухтам Аю-Дага и покупаться в их кристально-чистой воде всего за 250 рублей. Рядом с ним стоял и катерок, который потянет за собой на тросе это трёхголовое "чудо". А дальше, в море периодически виднелись проплывавшие мимо пляжа белые пассажирские катера (*как в Ялте*), проходившие на расстоянии сотен метров от берега, огибая этот мыс и саму Гору.

Да… здесь было интересно – чистая прозрачная вода, культурный пляж с оборудованными металлическими кабинками для переодевания (*правда, мне они показались очень маленькими и какими-то шаткими).*

Мы взяли себе по лежаку из белой батареи одинаковых пластмассовых топчанов и поставили их поближе к кромке воды. Море было спокойное и тихое почти с зеркальной поверхностью.

– Ноль баллов, – с видом знатока сказал Олег.

Вспомнив насчёт “низовки”, о которой мне вчера рассказывали Михаил и Влада я спросил об этом у Олега и он пожал плечами, сказав, что “она была у Ялты вчера, а здесь пока вода тёплая”. И точно – на широком пляже находилось много загоравших и купавшихся в воде людей. Пляжное пространство здесь было гораздо больше, чем на тесном, но по-домашнему уютном Массандровском пляже в Ялте, и ни шло ни в какое сравнение с ним или с ялтинским Приморским пляжем. Здесь было как-то провинциально-скучно и “пресно”, без всяких массандровских кафешек и развлечений.

Я прилёг на лежак – то ли из-за жары, то ли вследствие выпитого ранее бокала вина, меня потянуло в сон. Олег, поняв, что я в расслабоне, сказал мне категорично:

– Давай-ка, вставай, спать будем дома, – и, чтобы взбодрить и освежить меня, набрал в ладошки морскую воду (море-то *в 5 метрах от нас) и* вылил её на меня. Я подскочил от неожиданности и, поняв, что к чему, покорно пошел за Олегом купаться в прохладной (*вначале*) и такой тёплой в дальнейшем, ласково-приятной, чистой морской воде. Войдя во вкус, я поплыл затем за Олегом и, невольно, мы устроили с ним своеобразное водное состязание.

Неплохо плавая, я вошёл в азарт, плывя наперегонки вслед за Олегом далеко в море, пока, наконец, не остановился и обернулся в сторону берега, разглядывая побережье – вправо от меня открылся вид на бухту с “крутолобиком” у высокого холма с антенной телевышки на его макушке. А слева выступал далеко в море, загораживая обзор, большой, вытянутый в море мыс – олеговский “Медвежонок”.

Да…, я был впечатлен открывшейся мне отсюда видом всего этого длинного санаторского пляжа и видимой мне панораме части побережья. Вокруг нас сновали многочисленные прогулочные двухместные мини-катамараны, и даже курортники, заплывшие так же далеко, как и мы, нежась на надувных матрацах – купальный сезон здесь был в разгаре. Какая-то весёлая компания из двух девушек и парня, шутя и смеясь, предложили взять нас с собой на буксир. Наши эмоции были под стать их настроению, но, мы и впрямь заплыли слишком далеко, и надо было возвращаться. Не знаю, как Олег, но, потом оказалось, что я порядком устал плыть назад к берегу и даже попросил затем его не торопиться и держаться рядом со мной.

Мой партенитец определённо плавал лучше меня, и я безоговорочно, наконец, признал это, явно переоценив свои силы, благополучно доплыв-таки до берега. Выйдя усталым и измотанным на кромку пляжа, я направился к нашим лежакам у воды, шатаясь от усталости и тяжело дыша, ничего не видя и не замечая вокруг себя, кроме наших белых топчанов. Добравшись до них, сел, склонившись, на белый, тёплый пластик, не имея сил двигаться, пытаясь отдышаться.

Олег вышел из воды вслед за мной, и я не видел, шатается ли он от усталости, как я, но его дыхание не было таким тяжелым, чуть ли не хриплым, как у меня. Надо сказать, я не ожидал, что настолько устану, пытаясь плыть наравне с моим выносливым партенитским товарищем. У меня кружилась голова, и бешено билось сердце – его быстрая дробь отзывалась толчками крови в голове и моих ушах – и я лёг затем бессильно на бок лицом к Олегу, отвернувшись от яркого солнца с другой стороны.

Сидя на своём лежаке, он одобрительно усмехнулся и похлопал меня по плечу и, назвав меня молодцом, затем лёг загорать, а у меня не было сил, чтобы как-то отреагировать на его похвалу. Лёжа с закрытыми глазами, приходя в себя, я не понимал, почему так сильно устал – может, не надо было пить вина?

А на пляже шла своя курортная жизнь. Какой – то мужик в спортивных штанах, с торбой за спиной, прошёл недалеко от нас, предлагая вареную молодую кукурузу – откуда он её взял в начале июля? Потом появилась какая-то грузная женщина в пёстром сарафане, привлекая наше внимание своим громким голосом, призывая нас купить черешню и ягоды шелковицы, разложенные в готовых кульках. Мельком взглянув на неё, я опять закрыл глаза, понемногу приходя в себя после моего изматывающего заплыва.

Постепенно, моё дыхание стало ровным, и я почувствовал себя гораздо лучше – мои силы восстановились и поудобнее устроившись на лежаке, я стал осматриваться вокруг себя.

К Олегу подошёл какой-то парнишка, предлагая купить варёные, розовато-красные, мелкие, креветки – он насыпал их в маленькую пивную кружку по 50 рублей за порцию и, как я понял, если бы мне захотелось попить пивка, он бы организовывал нам и пиво. Но мне (*нам*) это не надо было – в этой жаре мне больше всего хотелось купаться, и чувствуя, что достаточно отдохнул, опять был готов плавать, но не так далеко.

Затем я опять сплавал с Олегом – на этот раз к ржавым столбам того самого, длиннющего причала, и попробовал понырять до дна, хотя и безуспешно, в такой маняще-прозрачной воде.

Охристо-коричневые, изъеденные ржавчиной столбы опор уходили в темневшую дальше кристально-чистую глубину воды с песчаным дном, покрытым чёрно-коричневыми водорослями. Внизу там мелькали спинки чёрных рыбок и пару раз я увидел крупных, чуть ли не с локоть, бело-серебряных, с темными полосками по бокам, рыб.

Наплававшись, я плюхнулся на лежак, и оглядываясь вокруг себя, спросил шутливо у Олега:

– Ну, и где твои одинокие барышни— девушки? *Имея в виду, конечно же, Веронику.*

Ну, да где её сейчас искать здесь, когда мы собираемся пойти на Гору.

Мой товарищ находился рядом на другом топчане, закрыв лицо бейсболкой от солнца на пол-лица. Я уже освоился в его компании – во всяком случае, у меня не было никакой натянутости в общении с ним. Да и Олег, воспринимал меня уже, как младшего напарника по предстоящему походу и оставил свой начальный, снисходительный тон в общении со мной. Истолковав мой вопрос как *то*, что я уже накупался и готов или жду дальнейшего продолжения нашей сегодняшней программы, он посмотрел на часы.

– Ого, время-то как идет! – воскликнул он. – Уже начало второго, надо уходить, и чем быстрее, тем лучше для тебя. Мы, и так, засиделись здесь, – сказал он, оглядывая мои плечи.

Купаясь и загорая, я потерял чувство времени и, похоже, стал обгорать.

– Вон, уже покраснели! Мой косяк, – проговорил он, словно не доглядел за мной, как за маленьким ребёнком. – Скажи “до свиданья” причалу! – шутливо предложил он и, видя моё удивление, пояснил, что он всегда здоровается, а затем и прощается, уходя из тех мест, где ему хорошо. Эта его привычка или обычай – не знаю – меня весьма удивили его слова, и он понял это и, чтобы как-то сгладить моё недоумение, неожиданно сказал, что этот причал скоро демонтируют.

– Он ведь не так просто закрыт и не принимает катера из Ялты и Алушты Меня его слова оставили равнодушным.

– Ну, построят новый, хороший, – пожал я плечами и тут почувствовал, что мои плечи, и впрямь, подгорели. Во всяком случае, когда я натянул на себя футболку, её шершавое прикосновение к моей коже было слегка болезненным.

Мы быстро собрались и ушли с пляжа, так и не прогулявшись толком по нему, а я и забыл о Веронике, которая, возможно, могла бы быть в это время где-то здесь. С сожалением подумав об упущенном шансе поискать её здесь, я пошёл вслед за Олегом вправо в сторону скалы с телевышкой над ней.

– Ну, куда теперь? – спросил я моего путника. Я был не прочь сходить к видневшейся вдали слева от нас каменной тушке большого, с покатыми, гладкими боками, цвета спелой ореховой скорлупы, “крутолобика”, о чём и сказал ему.

Идя по набережной, мы вскоре подошли к каменному мостику с металлическим ограждением и перилами на нём, перекинутому над руслом почти пересохшей маленькой речушки – она стекала в море маленьким чистым потоком воды (*с окрестных гор – сказал Олег)*. На небольшой песчаной отмели, сделанной ранее бурными, дождевыми разливами этой речки,

ходили чайки, выискивая что-то в мелком песке. А дальше, справа, виднелся покатый высокий бок той самой крутобокой, красновато-коричневой в ярком солнечном свете, скалы.

Внешне окатанная и вроде бы гладкая, издали, поверхность, оказалась вблизи покрытой, как шагреневая кожа, мелкими каменными, выпуклыми буграми. Теперь эта скала напоминала мне огромный, гололобый, изборожденный бороздами и рытвинами, "бараний лоб". – Ну, что, – с доброй усмешкой сказал Олег, – пойдём к этому твоему "крутолобику"? Вообще-то, его правильное название крымско-татарское "Кучук Аю" (*как он мне потом сказал, ему было интересно слушать мои реплики и удачные названия некоторых Партенитских мысов, поэтому он меня не стал сразу поправлять*), и выглядит он таким "крутолобиком" только с этой стороны. А сверху он похож на куполообразный мысик, как каменная кучка или шляпка гриба неправильной формы. Там, кстати, стояло в 15-м веке небольшое генуэзское укрепление или сооружение, типа колодцеобразной башенки. На верхнюю площадку снизу туда вела каменная лестница. И до сих пор на этой скале есть вытесанные в ней каменные ступеньки, уже почти стёртые временем.

Я хмыкнул недоверчиво, не понимая, *что* за крепостицу можно было соорудить на голой скале и для чего? Может, присматривать и охранять какие-нибудь их торговые парусники у берега? Или, вроде, таможенного поста для досмотра корабельных грузов? Ну, тогда, здесь должна была быть где-нибудь гавань?

– Именно так и было, – подтвердил мою догадку Олег. – Но, скорее всего, с другой стороны этого лакколита.

Я вскинул удивлённо брови.

– Да, да! – не удивляйся. Это же маленький габбро-диабазовый лакколит! – с видимым удовольствием пояснил мне Олег.

– Да, ну! – слова Олега меня очень удивили. – Такой малыш, и лакколит? – я вспомнил статью об этих геологических образованиях и не мог понять, почему же он такой маленький.

Видя мой скепсис, сказал, что лакколиты могут быть и вот такими маленькими в размерах.

– Но, ведь, по-сути, это должен быть недоразвившийся вулкан! – аргументировал я свою позицию. – Каким же образом, этот "микропут" может считаться именно лакколитом?

Олег остановился, видя моё желание разобраться обстоятельно в этом вопросе о происхождении этой каменной крохи.

– Он же здесь возник, не как одиночное интрузивное образование, а как часть большой вулканической системы, куда входила и Медведь-гора, и интрузивное тело мыса Плака и даже, гора Кастель, имевших в древности, миллионы лет назад, общий подводящий инъекционный канал из единого магматического резервуара. И по факту, не все они могли стать вулканами. Этот, – кивнул головой Олег в сторону Кучук-Аю – *я запомнил название* – образовался в результате внедрения магмы между слоями под давлением, приподнявшей над собой вышележащие слои. Иначе говоря, огромные потоки магмы устремились под давлением к поверхности, но не вышли наружу. И вскрылось это застывшее под землёй магматическое тело миллионы лет спустя, выйдя, затем, на дневную поверхность при его неглубоком залегании, в процессе длительной денудации.

– Такой же, какая имела место в случае с Медведь-горой? – уточнил я.

– Да, – как само собой разумеющееся, подтвердил Олег.

– Но, у них же несопоставимые размеры! Эта кроха, – показал я рукой на лакколитик, – и огромный Аю-Даг! И тот, и этот были под землёй?!

Вот этот самый факт и занимал моё воображение— какие же геологические события должны были произойти здесь в ходе миллионолетий, чтобы вытолкнуть все эти местные лакколиты "наверх"?

Олег молчал, показывая всем видом, что ему не хочется со мной спорить или доказывать свою правоту. Но, видя, что я никак не могу поверить в эту геологическую информацию, сказал, что верю я или нет, но, раз уж я не геолог, то и спорить со мной не о чём.

– А ты, значит, геолог, – досадливо проговорил я.

– Читал больше, чем ты. И не только геологический справочник на моём балконе.

Решив ещё раз объяснить мне его происхождение с позиции, как он сказал, что с позиции геофизической интерпретации, эта кроха является маленьким интрузивным куполом.

– Возможно даже, магматическим диапиром, который появился после подземного интрузивного излияния небольшого лавого потока, а основная часть лавы из очага магмы образовала Аю-Даг и гору Кастель. Ну а в целом, если говорить о Крыме, этот общий магматический резервуар питал собой и вулкан на мысе Фиолент, и известный тебе Карадаг. А между ними – этот и соседний с ним лакколит мыса Плака.

– Да здесь у вас целая грядка лакколитов! Прямо, как маслята – нашёл один, тут же ищи и другой, – пошутил я, косвенно давая ему понять, что он убедил меня насчёт этого “диапира”.

Олег кинул головой, улыбаясь моему образному сравнению.

– А где этот мыс Плака? – поинтересовался я, затем, меняя тему, понимая, что спорить с ним не в моих интересах, но, при этом, поражаясь про себя мощи процесса денудации, в ходе которого с Медведь-горы, да и с горы Кастель, были убраны все осадочные наслоения.

Неожиданно для себя, я вспомнил о Веронике и её словах об этом мысе.

– *Приехав в Партенит, отдыхая там, она, возможно, сходит и на этот красивый, по её словам, мыс. Может, мне нужно будет съездить туда?* – подумалось мне.

– Его не видно отсюда. Он расположен за этим гористым, обрывистым холмом, на другой стороне бухты, – охотно продолжил Олег, выполняя свою условную роль экскурсовода, махнув рукой вперёд в сторону высокого утеса или что это было, впереди нас. – Мыс Плака представляет собой лакколит, сходный по строению с Медведь-горой, или с горой Кастель. Но с другим строением вулканического камня. Все они, кроме этого, твоего “крутолобика”, являются, как ты уже знаешь, несостоявшимися вулканами – большими или малыми. Так сказать, родственная семейка лакколитов. Как ты говоришь – “грибная” грядка. Этот мыс, кстати, и напоминает с определённого угла такую каменную шляпку гриба. Но не для меня, – как-то загадочно выразился он. – На нём, чуть поодаль, вглубь, стоит замок княгини Гагариной. Слышал о такой?

Вспомнив, что кто-то из пассажиров в автобусе, упоминал об этом замке, когда мы подъезжали, вроде, к партенитской остановке на трассе, я не стал говорить об этом Олегу.

Пожав равнодушно плечами (*почувствовав при этом боль в слегка обгоревшей коже*), я смотрел вверх на высившийся впереди нас высокий косогор, за которым, по словам Олега, была подковообразная бухта.

– К этой бухте, – слушал я дальше, – выходит территория нового ландшафтного парка “Парадиз” и, более старого, “Карасан”. На её восточном краю стоит Мыс Плака, где располагается замок княгини Гагариной, и с этим мысом, его владельцами и самой княгиней связана очень интересная тема.

Он начал, было, рассказывать о ней, но видя, что я не заинтересовался, переключился на геологию того мыса, попутно сказав, что археологи нашли там остатки ещё одной генуэзской сторожевой крепости, взятую штурмом турками, точно также, как и здешние укрепления на мысе Тепелера. Так назывался этот косогор, высившийся тридцатиметровым скалистым обрывом впереди нас. А в переводе с крымскотатарского это означало “холм, вершина”.

Мой партенитец, между тем, достал свой сотовый, и быстро пощёлкав пальцами по экрану, извлёк из его памяти какую-то фотку с видом на холмистое побережье. Посмотрев поближе, я увидел на ней скалу с крутопокатым склоном, выступавшим вперёд в море.

– На что похоже? – спросил меня с улыбкой Олег.

– Она походит на… – задумался я, давая волю фантазии, пытаясь разглядеть в ней что-то нужное Олегу, – на сидящего мудреца, выставившего вперёд грудь, переходящую в большой живот, – с оригинальничал я, зная наперёд, что это не то, что мой товарищ собирался услышать от меня. – Смотрящего в море перед собой. В общем, философ в стиле китайского болванчика, – я взглянул с ухмылкой на Олега. – А руки у него сложены на груди под каменным одеялом, – добавил для полноты образа, созданного моим воображением.

– Оригинальная версия, – покачал головой Баженов. – Значит, философствующий мудрец, вглядывающийся в море…

– Ну, с большой натяжкой. Ну а, что там ещё можно разглядеть! – воскликнул уже серьёзно я.

– Да у всех по-разному! Здесь всё зависит от места съёмки. Но насчёт версии "философа" ты меня удивил. Ладно бы сказал, страж в каменном дозоре… Хотя, ты же не знаешь ничего об истории этого места. Знал бы, так сказал, в крайнем случае, что это командор Плак.

– А кто это? – полюбопытствовал я.

– Долго рассказывать. Будем там, вот и расскажу, – пообещал Олег.

– А ты сам, *что* видишь в этом мысе? Какой образ?

Олег, помолчав, словно сомневаясь, отвечать ли мне серьёзно, сказал, что он видит здесь образ старой, мудрой совы. Откинувшей назад голову и сложившей крылья на животе…

– Повторюсь, что здесь всё зависит от угла зрения. С этой точки, снятой мной, это выглядит именно так. А если снять с моря, вид уже меняется. Для меня она именно Сова. "Плак", по-гречески, и значит "сова".

Серьёзность, с которой он произнёс это, меня позабавила. Я скептически хмыкнул, понимая, что он не прав, и моя версия была более уместна на фоне его странной фантазии насчёт образа совы в этой причудливой скале. Для чего-то он стал рассказывать мне о совах и поверьях, связанных с ними, говоря мне о том, что там, на мысе, я потом и пойму, почему он видит в нём скрытый образ совы…

Слушая его, я удивлялся про себя его какому-то стремлению чуть ли не убедить меня в правоте его версии. Поняв, что его аргументы бесполезны сейчас для меня, он сказал, что вернётся к этому разговору, когда мы побываем с ним на этом мысе. И, заодно, осмотрим Замок княгини Гагариной.

– Тебе понравится! – заверил он меня, пряча сотовый в кармашек рюкзака.

Моё внимание тем временем привлекал к себе обрывистый взгорок, высившийся впереди нас.

– А вот этот холм, – я показал рукой в сторону телевышки, видневшейся на вершине скально-земляного выступа у моря, – Это там наверху стояла крепость генуэзская?

– Да, – подтвердил Олег. – Она известна историкам под именем "Кале-Поти". В переводе с тюркского означает "обрывистая скала". Этот скалистый косогор является мысом и представляет собой окончание небольшого массива горы Тепелер и с восточной стороны стоит в море, – пояснил мой знающий товарищ. – У её подножия, собственно, и располагалась в средневековье деревня Партенит. А на вершине мыса генуэзцы построили эту самую каменную крепость с двумя четырехугольными башнями, и остатки её стен существуют и сейчас. Там располагался административный центр консула республики Генуя в Партените. Но туда сейчас не попасть. – К консулу? – пошутил опять я, но Олег не поддержал мою шутку.

– Там всё вокруг сейчас перегорожено новостройками, оградами и частными дворами с заборчиками, и огородами. А ведь это было большое по площади обустроенное оборонительное сооружение, и оно являлась частью общих партенитских укреплений, включая форт-маяк на мысе. Ну, теперь там огородники овощи и клубнику выращивают на костях. Он замолчал, думая о чём-то своём. Я посмотрел на него, ожидая продолжения его пояснений.

– В средневековье, там находился генуэзский погост, – открылась мне печальная правда о нынешнем состоянии историко-археологической части древнего Партенита.

– *Грустная тема,* – я промолчал.

Любые сведения, которые он "выдавал" мне на – гора по истории, по геологии и даже ботанике мне были интересны и удивительны – мне всё здесь нравилось и притягивало мой жаждущий новых впечатлений взгляд, и я радовался про себя, что, в лице Олега я нашёл такого же любителя природы и истории, как и я сам.

– Ну, а пока нам придётся выйти за территорию парка, потому что отсюда нельзя пройти дальше по берегу – там всё перегорожено и ведутся земляные работы – прокладывают новый водовод. Придётся идти в обход или перелезать через заграждения.

Не дойдя пару шагов до красивого, выпуклого мостика через речку, мы отошли в сторону, обозревая это геологическое чудо – малыша "Кучук-Аю" – с удобного места напротив пляжа.

Рассматривая такой близкий, метров в 60 от нас, массивный каменный Лоб, я оценил его истинные размеры, увидев на его лысой верхушке парочку молодых людей – парня в красной рубашке и плавках, и девушку в купальнике с ребенком. Они были такими маленькими по сравнению с размерами "крутолобика"!

– Да он огромный! – сказал я уважительно-восхищенно, глядя на массивное скальное образование. – Метров двадцать или выше в высоту? – поинтересовался я.

Олег, видя мой неподдельный интерес к этому чуду Природы, немного рассказал мне подробнее, что знал об этой скале. Разговаривая с Олегом, я и не обратил внимания, что мы уже повернули и направились опять назад по набережной. Впереди справа, в стороне от набережной виднелась аллейка старых, здоровенных, серо-белых тополей, обрезанных, как под гребенку, на высоте пяти метров.

– *Наверно, чтобы пух весной не летал и не мешал гостям санатория отдыхать*, – подумал я.

Почти тут же Олег свернул на открытую, просторную аллею с кустами цветущих роз и высокими, отдельно стоящими среди травяного газона, высокими пальмами с веером широких листьев на их верхушках – их тонкие стволы были покрыты, как войлоком, грубыми волокнами коричневого цвета. За пальмами справа находились, с интервалами по пятьдесят метров, несколько высоких, белых, зданий с козырьками крыш-навесов (*жилые корпуса санатория, по словам Олега*). А дальше моему взору опять открылись красивые деревья и декоративный кустарник с красными и розовыми метёлками цветов. Пение птиц в тени деревьев, приятное для слуха, тоже способствовало общему ощущению праздника жизни вокруг меня.

Невольно, я вспомнил дождливую московскую погоду и подумал, *как я правильно сделал, приехав на отдых в этот раз, в Ялту*. Все эти мысли подвинули меня выразить вслух моё прекрасное настроение и восторг от моего пребывания на южном берегу Крыма.

Идя, не спеша по асфальтовой дорожке, вдоль зелёных насаждений, я как-то слегка стал отставать от моего спутника. Он, вроде, не торопился, но, при этом, всё время был на полшага впереди меня, и я только сейчас обратил на это внимание.

– Да…, сколько же интересных мест есть и здесь, и в Большой Ялте, и всё связано с такой чудесной местной природой! – проговорил я восторженно, обращаясь к нему.

– Именно, – кивнул Олег, соглашаясь, слегка остановившись. – И с историей этого полуострова!

– продолжил он, идя рядом со мной. – Кто здесь только не был и в древности, и в недавнем историческом прошлом!

Ему, похоже, передался мой энтузиазм – во всяком случае, эта тема ему была близка и интересна, как и мне.

– Какие исторические личности были здесь! Его же история неразрывно связана и с античностью – теми же древними греками, и римлянами. Один Херсонес чего стоит, не говоря о Пантикапее и Митридате Великом!

Он оглянулся вокруг себя, как будто хотел показать мне следы того, давно ушедшего, Прошлого. – И более древних народов, – замолчал мой новый товарищ, давая мне возможность выговориться.

– Да, – подхватил я его мысль, – и с историей средневековой Европы! Крым – это целая мини-планета чуть ли не со всеми климатическими зонами! – продолжал я восторженно, следуя за ним вперёд мимо очередной аллеи высоких пальм с опущенных в стороны, склонившихся вниз метёлок веерообразных листьев, украшавших их, как хохолки – зелёного попугая.

– Согласен, и очень! – разделил мой невольный восторг Олег. – Ведь в силу своего географического положения он находился на пути миграции разных народов. Таврика была на стыке древнейших торговых путей и здесь, в Крыму, сталкивались во все времена интересы целых цивилизаций и многих стран мира. За свою письменную, известную нам историю, Крым принадлежал более 15 разным народам!

Пробуя про себя вспомнить, каким именно, я сбился со счёта. Олег продолжал говорить на эту тему и, похоже, наш разговор переходил понемногу в плоскость исторического прошлого этого полуострова.

– И по соседству друг с другом здесь всегда жили люди разных этносов с разным укладом жизни, традициями и религиозными обрядами, – как-то "по-лекционному" выразился мой новый товарищ – знаток местных реалий и прошлого этих мест.

Похоже, тема истории этого полуострова была близка и интересна моему партенитцу, и он охотно продолжил разговор об этом.

Мы шли рядом, оживлённо общаясь, периодически встречая на своём пути многочисленных отдыхающих и гостей этого санатория.

– Партенит же был хорошо освоен людьми ещё во времена тавров! – продолжал Олег говорить о Крыме и его истории. – Кстати, "Парфенос", в переводе с греческого, "Дева". Я потом тебе об этом подробнее всё расскажу, если тебе будет интересно.

Кивнув согласно головой, я слушал его, разглядывая с интересом всё вокруг себя – "*как же здесь здорово, наверное, отдыхать в этом санатории"*– мелькнула у меня мысль.

– А ведь в Крыму есть ещё и Евпатория, и Феодосия, и Судак, и Керчь и более молодые города Бахчисарай, и, наконец, Севастополь, – продолжал мой товарищ. – И все эти города находятся отсюда в радиусе 200 километров. По Крыму можно ездить и ездить, осматривая его многочисленные достопримечательности. И везде, по-своему, хорошо отдыхается. Так что, Антон, приезжай почаще к нам в Крым, – как заправский экскурсовод, "агитировал" меня Олег. – Что там твой Таиланд или Италия! – продолжал он, – там всё чужое для нас, не связанное с нашей историей. А здесь ты свой, родной, и незримо связан с нашей Природой-матушкой, – и обвёл рукой пространство вокруг себя, имея больше ввиду, наверное, лес, начинавшийся сбоку от нас влево, со стороны Горы, которая открылась мне своим огромным склоном с этой стороны.

Я не мог назвать местную роскошную природу и её растительность, особенно, с кипарисами, своей, российской. Это была, всё же, южная, субтропическая, природа с непривычными мне пышными деревьями, цветущими кустарниковыми растениями, цветами и подстриженных, густых кустов – лавровишни – вспомнил я. Мне была ближе скромная природа Подмосковья, а здесь всё было таким ярким, пышным, сочным и наполнено незнакомым мне ароматом цветов и растений. Одним словом – Юг!

Олег продолжал с энтузиазмом говорить, словно пытаясь убедить меня в том, что мне было и так ясно и понятно:

– Она готова показать, открыть тебе здесь свои тайны. А в Италии ты просто проездом скачешь по верхушкам, видишь внешний фасад средневековья в Венеции или Флоренции, в этаком типичном каменном заповеднике западноевропейской архитектуры. Но там – заграница, и не наша история! А здесь, – он опять обвёл рукой вокруг себя, охватывая, как я понял, как бы весь Крым, – всё связано с историей России, её победами, как и трагедиями и, даже, поражениями.

Слушая его и размышляя, вместе с этим я вбирал в себя всё окружавшее меня великолепие южной природы этого благодатного места и понимал всё более ясно и глубоко, почему всех этих завоевателей так интересовал и привлекал этот цветущий край.

Я кивнул головой, соглашаясь с его словами. А он продолжал свою какую-то уже вдохновенную речь:

– Но, в итоге, Россия выстояла, вытерпела невзгоды, отстояла право на свое место в этом мире. И ведь живём, развиваем нашу экономику, идём вперед, – он уже походил прямо на какого-то пропагандиста-агитатора.

– Именно в Крыму, – продолжал он с энтузиазмом, – здесь, на отдыхе, можно прикоснуться к нашему Прошлому. Неважно, советскому, или российскому, которое осязаемо видно и понятно, когда приезжаешь в героический Севастополь или, в город-герой Керчь. Здесь были такие кровопролитные бои! Наши деды, – он остановился, – мой дед – продолжил он, – воевал в Крыму, освобождая и Алушту, и Ялту, а затем и Севастополь, – как выдохнул, закончил он свой неожиданный монолог.

Я остановился, тронутый его искренними чувствами к Крыму, природе-матушке, и нашей стране.

– Ну, ты Алик, патриот…, – протянул я одобрительно и задумался над его словами. Мой дед-то тоже воевал, но Крым не освобождал. И Берлин не брал. Был простым пехотинцем, и хлебнул всякого лиха на войне по полной.

Эти неожиданные слова о нашем общем прошлом, о наших дедах, как-то тронули мою душу, заставили задуматься о нашем Прошлом, об истории нашей страны – вся эта природная красота солнечного дня в этом парке никак не ассоциировалась с военным лихолетьем, и даже как-то не верилось, что и по такому мирному Партениту война прошла своими безжалостными танковыми катками.

Незаметно, понемногу идя дальше влево, мы вышли к красивому зданию с зарослями декоративного, высоченного камыша напротив него. Как оказалось, это был санаторский кинотеатр.

Я подошёл поближе, чтобы сфотографировать декоративные, пышно-белые метёлки камыша – не видел таких раньше нигде! И, фоткая этот красивый вид, сказал полувопросительно:

– И, что, немцы в войну были и здесь?

Задавая это вопрос, мне самому было трудно представить, что здесь, в таком солнечном месте, полным любви к Природе и Жизни, как злая тень, коснулась своей чёрной свастикой чуждая нашим понятиям о Добре и идеалам гуманности, тёмная сила нацистов.

– Да, были, и здесь, в посёлке – там квартировался немецкий гарнизон, – подтвердил Олег.

– Даже не верится! – покачал я головой. – Они, поди, здесь отдыхали и, наверное, подлечивались в период немецкой оккупации Крыма? Боёв же здесь не было? – продолжил я военную тему. – Бои были наверху, – объяснил Олег, – на старой дороге Ялта-Симферополь и в горах, где скрывались партизаны. И в этом районе на перевале у Гурзуфского “седла”, и на крымских горных яйлах – Ай-Петринской и Долгоруковской – там, где Алушта, – он показал рукой в сторону гор. – А вот на Медведь – горе у немцев был организован наблюдательный пост, – выдал он такую неожиданную для меня информацию.

– Это, где же? – заинтересовался я, невольно смотря вверх, на склон невидной отсюда Горы, выходившей своим огромным, заросшим лесом боком, к забору слева от нас.

– Да там, у трона Силы, куда я тебе обязательно свожу!

Я вспомнил то каменное подобие Трона из глыб, высившихся на краю камнепада на картине, которая висела в гостиной Олега.

– Оттуда открывается вид на всё западное побережье вплоть до Ласточкиного гнезда, – объяснил Олег. – А в стереотрубу и дальше. Они оборудовали там типа сторожки, где их караулы сменяли друг друга каждые три дня несколько месяцев. Конечно же, партизан здесь, на Горе, не было, но ведь шла война. … И, кстати, в 1942 году здесь две недели в конце ноября провела, работая на раскопках древнего городища на северной части вершины Горы, небольшая, секретная, немецкая экспедиция по изучению сакральных тайн этого места. Листвы в это время года на деревьях нет, и лес просматривается без труда на десятки метров. Немцы рыли землю и делали пробные шурфы – явно что-то искали в северной, высокой части горы. Они потом переместились на гору Кастель – там же тоже было когда-то древнее укрепление генуэзцев, и немцы пробовали найти вход в подземелье с тайником, где, по смутным слухам – народной молвы и преданиям – монахи трех монастырей, существовавших там, в округе, почти триста лет с 12-го по 15-й век, укрыли накопленные монастырями сокровища и древние рукописи времён Византии, пряча их от турок.

Я остановился, слушая внимательно Олега, забыв об окружающем меня времени, словно переместившись мысленно туда, куда-то наверх Горы, где немцы проводили свои раскопки.

– Это была группа из “Аненербе”, – проговорил он многозначительно и это загадочное раньше для меня название сказало о многом – *я смотрел передачи РЕН ТВ об этой загадочной полумистической, научно-практической нацисткой организации по изучению тайн природы и древностей – книг, манускриптов, артефактов, древних могильников, развалин монастырей и карстовых пещер – в поисках секретных, оккультных знаний, которые нацисты затем могли бы использовать в своих целях для получения мирового господства*.

– Они, – продолжил Олег, идя дальше по дороже, которая круто уходила затем вправо, – искали в Крыму следы и артефакты неолитической цивилизации, основанной выходцами из Северной Африки, так называемую Кеми-Обинскую археологическую культуру.

Мне это название ни о чем не говорило, и я решил позже, посмотреть в интернете дополнительный материал по этой теме, не отвлекая сейчас Олега на пояснения. – И, пытались найти способы и магические инструменты, – продолжал он говорить, как по писаному, – с помощью которых древние шаманы и маги-жрецы могли соединять свою психофизическою и биофизическую энергию с энергией различных земных и космических полей, добиваясь тем самым осуществления своих различных планов по созданию оружия возмездия против свих врагов.

Видя мой неподдельный интерес, Олег ухмыльнулся и добавил с каким-то торжеством в голосе:

– Малоизвестный факт, но осенью 1942 года в Крым приехал с инспекционной поездкой сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который затем посетил основные места работы эсэсовских археологов и даже побывал негласно в Алупкинском дворце!

– Да ну! – изумился я.

– Да! Именно так, – продолжил Олег, – а к ноябрю 1942 года немцы, не теряя времени, уже начали исследовать интересующие их исторические объекты в Крыму, начав с Мангупа. А потом и дальше в следующем, 1943-м году продолжали свои исследования древних мест. Они, кстати, и на горе Бойко, летом 43-го года, у поселка Соколиное, что-то искали. Это под Бахчисараем, – пояснил он в ответ на мой немой вопрос. – И что? Нашли что-нибудь? – спросил я.

– Кто ж его знает, – пожал он плечами. – Информация ведь секретная. Если и нашли, то вывезли в Германию, – продолжил Олег, поворачиваясь в сторону дороги, продолжив наш путь.

Дойдя до поворота, мы оказались на очередной аллее кипарисов – густой, тёмно-зеленой стене старых деревьев, высаженных здесь лет сто назад (*кипарисы растут очень медленно, почти до трехсот лет, если уберегутся от засухи, вредителей корней и ураганных ветров, дующих здесь периодически – сказал мне ранее Олег).*

– Там ведь работали археологи под охраной эсэсовцев, выделенных из частей в ведении Отто Олендорфа – начальника "Айнзацгруппе D", – обернувшись ко мне, Олег продолжал вводить меня в эту загадочную тему, связанную с поисками немцев сакральных тайн и предметов в Крыму.

– Ему, по архивным немецким данным, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер поставил задачу по борьбе с партизанским движением на оккупированных Рейхом новых имперских земель на Востоке. И Олендорф обеспечивал, также, взаимодействие со специалистами из нацистского секретного института-организации "Аненербе"– "Наследия предков" по поискам и вывозу в Германию захваченных немцами культурно-исторических ценностей, включая всевозможные оккультные предметы и артефакты, найденные в том числе, и здесь, в Крыму.

Я шёл бок о бок с Олегом, слушая внимательно всё, что он мне говорил.

– По распоряжению Олендорфа, в помощь археологам, здесь выделялись группы эсэсовцев для охраны археологов Рейха при их передвижении к местам раскопок и проведении работ, где возможно было появление партизан. Они опасались этих народных мстителей, и явно обоснованно. Так что, немецкий сапог потоптался и по этой Горе, – Олег посмотрел вверх влево от себя, где за кронами деревьев начинались крутые склоны Аю-Дага.

– А откуда у тебя эта информация? – поинтересовался я, глядя на Олега.

– Я же историк, работаю с архивами, нашими и зарубежными, – и продолжил дальше. – Сотрудники "Айнзацгруппе D" в своих карательных экспедициях против партизан, в сотрудничестве с эсэсовцами из подразделений СС, под начальством Рудольфа Альвенслебена— начальника полиции и войск в Таврии, прочёсывали леса под Бахчисараем и заодно помогали своим археологам и специалистам по древностям из Берлина.

Мы прошли мимо длинной высокой бетонной стены с подобием имитации каменной кладки – наверху, на насыпи над ней, росли невысокие, густо посаженные невысокие сосны, и повернули направо вверх, где дорога опять делала резкий поворот вправо и вышли на её разбитую часть, которая явно нуждалась в ремонте. Везде здесь были видны рытвины и выбитые участки, а вместо асфальта осталась лишь каменная наброска щебня и песка. Вдоль дороги с обеих сторон впереди была видна очередная шеренга высоких кипарисов, стоявшие плотной, зелёной стеной со спасительной тенью под ней. Там проводились на обочине какие-то строительные работы и виднелись кучи песка и большие бумажные мешки.

Олег направился в их тень, качнув мне головой в ту сторону, приглашая следовать за ним. Я хотел спросить у Олега, куда мы сейчас направляемся, и почему дорога находится в таком плачевном состоянии и куда, она, собственно, идет? Но не стал, чтобы не сбить его с темы нашего начавшегося разговора по истории.

Мой спутник остановился, стоя у широких в основании, мощных кипарисов, создававших спасительную тень от Солнца здесь, на этом длинном участке выщербленной асфальтовой дороги, до следующего поворота, где она скрывалась дальше, уходя влево. Я кивнул головой, смотря на него и поймал себя на мысли, что хотел бы называть его другом, но что-то пока мешало мне это делать— я же почти не знал его, хотя его общество и было мне интересно. – Так вот, – продолжил он дальше, – немецкие археологи осматривали и изучали пещерные комплексы древних готских крепостей на Чуфут-Кале, Мангупе – бывшей столице средневекового княжества Феодоро, Эски-Кермен, Челтере, крепости Каламита в Крымской Готии.

– А где это? – спросил я.

– Эта под Севастополем, у местечка Инкерман, – пояснил Олег.

Мне это название ни о чем не говорило, кроме того, что там, очевидно, и выращивалось понравившееся мне полусладкое красное вино “Пинно”.

– А что ты знаешь о готах в Крыму? – задал он мне неожиданный вопрос.

Я удивленно пожал плечами:

– Ничего. А они, что, здесь были?

Олег ухмыльнулся:

– Да… батенька… А вы, оказывается, ещё сырой материал, – и затем, чтобы не обидеть меня, сказал, улыбнувшись по-доброму:

– Ясно, будем работать. Давай, пройдём немного вперёд и посидим в тенёчке, и я там тебе расскажу немного по этой теме. И, улыбнувшись, добавил:

– Давненько я не читал лекций!

Его слова насчёт “сырости” моих знаний меня несколько задели, но как-то возразить ему что-либо на это я не нашёлся…

Ну а потом, мы присели в теньке на мешке с цементом, аккуратно поставленного кем-то у серо-бежевого ствола высокого кипариса. Его поверхность из плотной, пропитанной мешочной бумаги, была чистой, и я спокойно уселся на него, думая о том, что же Олег сейчас мне расскажет такого, что я не знал.

– Готы в Крыму… – интересная тема. Послушаем, что там за крепости такие… Не дожидаясь от меня вопросов насчёт готских крепостей, Олег начал свой рассказ о готах, как заправский лектор.

– Начну издалека, с подоплёки их появления в Крыму, – откашлялся для вида он. – Итак, со второго века в Евразии начинает меняться климат, и к пятому столетию похолодание достигает своего максимума. Начав с Европы, и, постепенно охватив Среднюю Азию, и затем весь Евразийский континент, понижение температуры привело к усыханию сухих почв и увлажнению влажных. Произошло изменение растительного покрова, что негативно сказалось на жизни кочевых степных народов восточной Европы и, далее, Азии, а также, оседлого населения европейского Севера. Всем этим племенным сообществам на огромных пространствах Евразии пришлось искать новую среду обитания в более благоприятных для жизни районах, не столь затронутых климатическими изменениями.

Пока он говорил, я пытался вспомнить всё, что я знал об этом Великом переселении и, в итоге, у меня возник полный сумбур в голове с мешаниной из обрывков сведений о готах, гуннах, римлянах, Алларихе, Атилле и прочих главных “участников” тех давних битв и событий. Всё это, конечно, требовало для меня какого-то хронологической порядка и обновления.

Эта его тема о готах носила, чуть ли не лекционный характер – Олег со знанием дела подошёл к тому, что для меня представляло обыкновенный “проходной” интерес. Я же не студент истфака…

– Около середины третьего века нашей эры, в результате ухудшения климата в Скандинавском регионе, произошёл заключительный этап переселения тогдашних обитателей Центральной Швеции – германского объединения племён под общим названием “готы”, на юг Европы. В ходе их переселения к ним примкнуло много других северных племен со своими вождями, и готы возглавили, по-умолчанию, этот “разношерстный“ союз германских и прочих племен. Они двигались вместе со своими семьями, скрабом и пожитками в новые для них земли, которые принадлежали другим племенам и народам.

Олег поправил свои солнцезащитные очки на лице, продолжая свой неожиданный для меня экскурс в прошлое Европы и Крыма.

– Это переселение, в общей сложности, заняло свыше ста лет. Много чего произошло разного за время этого военизированного похода древнегерманских племён. Их появление везде сопровождалось насилием, погромами, кровавыми столкновениями и битвами. Продвигаясь понемногу к югу далее по речным долинам Днепра и Буга, огромная армия готов и их союзни-

ков перешла через Дунай и вторглась затем в балканские провинции Римской империи, вступив в столкновения с пограничными легионами. Я бы сказал, – улыбнулся Олег, – что готы были те же норманны, но поменявшие жительство с севера на юг за 500 лет до освоения пути из варяг в греки.

Неожиданно, Олег прервал свое повествование, посмотрев на группу бородатых парней с каким-то мужиком, молча прошедших мимо нас. Они не походили на отдыхающих из военного санатория и, как мне показалось, один из них как-то неприязненно и зло зыркнул глазами в сторону Олега. – *Или на меня?* – озадачился я, понимая, что в этом городишке (*не могу считать его посёлком, также, как и соседний, с ним, Гурзуф*), меня никто не знает. – . *Значит, дело не во мне*.

Мой "лектор", при этом, даже как-то замолчал, то ли сбившись с рассказа, то ли думая о чём-то своём.

– Так что там насчёт "южных" варягов? – я напомнил ему о нашей теме.

– Извини, отвлёкся, – повернулся он ко мне. – Так вот, – повторю, – они двигались по землям, уже заселёнными другими племенами и человеческими общностями, дойдя, затем, до территорий, входящих в зону владений Римской империи. И, таким образом, – продолжал он, – летом 251 года готы разгромили римскую армию, возглавляемую императором Децием, уничтожив её в болотистой местности. А затем они разделились, и этническая группа готов, известных историкам под названием готы-тетракситы, продолжила поход в 3-м веке на юг в район Северного Причерноморья – тогдашнюю крайнюю часть Великой Скифии – и затем через крымский перешеек вышли на равнины Крыма. Подчинив себе живших в Приазовье алан (*которые, как я и сам знал, были одним из сарматских кочевых племен*), готы привлекли их дальше на свою сторону для борьбы со скифами. Их, кстати, со 2-го века до нашей эры древние авторы всё больше называют их аланами. Первоначально у готов не было конницы, и они создали её затем по сарматскому образцу. После чего, совместно с аланами, они обрушились дальше на крымских скифов и ассимилировавшихся к этому времени с ними, таврами. Уничтожив все скифские поселения степного Крыма вместе с Неаполем Скифским (*это там, где сейчас Симферополь – пояснил он)* готы захватили почти весь Крымский полуостров, кроме Херсонеса, в котором находился римский гарнизон.

– Римский гарнизон? – искренне удивился я.

– Да, да, – не удивляйся. – Но, об этом, и римлянах – потом. По сути, – продолжал Олег, – готы положили конец скифскому тысячелетнему владению Крымом. Осев, в ходе их нашествия, в степях у Азовского моря, они стали, затем именоваться, как остготы, а их племенные сородичи, оставшиеся за Днепром – вестготами. Обосновавшись с тех пор в Крыму, они делали набеги на внутренние земли полуострова и на Керченский полуостров – территорию Боспорского царства. С упадком торговли и военных действий оно обезлюдело, но ещё продолжало существовать и попало затем под готский контроль.

Я совершенно ничего не знал об этих давних событиях, произошедших под Керчью почти 1700 лет назад на юго-востоке Крыма. И "готы" у меня, в общем, ассоциировались с молодежными тусовками в столичных клубах, где я видел "готов" – парней и девушек в черных кожаных прикидах с черными тенями вокруг глаз в вампирском стиле – поклонников панк рока. – Скифы, – слушал я рассказ Олега, – как народ, окончательно исчезли со страниц истории, смешавшись затем с этими новыми хозяевами полуострова, которые осели здесь на постоянное жительство, заняв потом внутреннюю часть второй гряды Крымских гор и южное побережье. – Почему —"окончательно"? – перебил я Олега, – их, что, до готов, кто-то раньше пытался изничтожить?

– Да, римляне, – проговорил Олег. – А до них сарматы.

– Римляне? – переспросил в удивлении я, опять услышав об этих грозных властителях античного мира. – *В Крыму?* – опять мелькнуло у меня в голове. – *Почему я даже ничего об этом не слышал. И фильмов никаких нет на эту тему. Да и вообще, никакой информации.*

– Так они, что, долго были в Крыму? – спросил я с недоумением.

– Да. Относительно долго, хотя и с перерывами, – подтвердил Олег, добавив, что поговорит об этом подробнее позже. Судя по его голосу, мой вопрос был некстати, потому что он затем попросил меня не перебивать его рассказ – набраться терпения – и он сам понемногу всё мне расскажет по ходу введения меня в историю Крыма. Как я понял, в Олеге заговорил преподаватель, и он настроился на серьёзную подачу материала, а мне и самому хотелось расширить свои познания в истории древнего мира, не слышав ничего об этом факте и не зная о "римском" периоде в истории Крыма.

– Ну, так вот, – продолжил Олег. – Из Пантикапея готы делали набеги на черноморские города и поселения, используя боспорский флот и их команды, и даже доплывали до Греции и Италии через черноморские проливы, грабя прибрежные города Римской империи, а в 267 году нашей эры им удалось захватить Афины. В итоге беспрерывных вооруженных набегов коалиции германских племён на имперские земли, в 270-м году Рим был вынужден отдать свою провинцию Дакию вестготам для их расселения в этих землях.

Олег говорил негромко, сидя на мешке, как на импровизированной кафедре, только без пюпитра для оратора – было тесновато и не очень удобно, но оно того стоило. – В четвертом веке решение готского вопроса стало для Римской империи жизненно необходимым, поскольку в середине 4-го века остготами во главе с их королем Германарихом было создано огромное государство германских племен.

Его речь была плавной и хорошо поставлена – говорил, как по писаному, почти не глядя на меня. У него, как и у меня, на лице были солнцезащитные очки, и я мог лишь догадываться, смотрел он на меня при этом, или нет, ведя свою "лекцию".

– Это государственное образование включило в себя почти всю восточную Европу, Приднепровье, Поволжье, степи Северного Причерноморья и Крым и, примерно в это же время, готы приняли объединившее их всех христианство по восточному образу. Боспорское царство из греческих городов-полисов на юге-востоке Крыма стало союзником и вассалом Германариха и, таким образом, остготы стали главной политической силой на полуострове, где они создали своё готское государство, а область их расселения в Крыму получила название Крымской Готии. Граница между владениями Боспора и Херсонеса в античный период пролегала где-то в районе Чатыр-Дагского горного массива. Ну, да ты видел издали эту гору, проезжая по дороге из Симферополя в Алушту, – сделал отступление Олег, обращаясь ко мне.

Я вспомнил эту столообразную гору, где, как мне показалось, на плоской вершине отсутствовал лес.

– *Там, наверняка, могли быть какие-нибудь военные укрепления в древности – неважно, в какой эпохе они сооружались и кем. Гора-то была видная во всех отношениях, – вспомнил* я те виды из окна автобуса и опять, так неожиданно, подумал о Веронике. *Почему я не спрашивал её ни о чём? Ведь я мог же заинтересовать её таким же разговором, как Олега. Узнал бы от неё, что-нибудь интересное о Крыме. А потом бы и о ней самой…*

– Доминируя над Алуштинской долиной с одной стороны, также, как и Демирджи – с другой, – вернул меня голос Олега к его рассказу.

– В 276-м году крымские остготы – продолжалась "лекция", – попытались опять поучаствовать в общем походе племенных вождей пограбить римские провинции в Малой Азии, но были разгромлены легионерами, после чего утратили контроль и над окрепшим Боспорским царством и, как бы это сказать, – Олег задумался на мгновение, – успокоились. С тех пор больше не делая никаких военных вылазок за пределы Крыма. Со временем, крымские готы постепенно начали переходить на службу Римской империи в Крыму, регулярно получая

денежное вознаграждение, по всей видимости, в Пантикапее и Херсонесе. Тогда же среди них начало распространяться христианство.

На улице был яркий солнечный день, но я не замечал ничего вокруг себя, слушая моего товарища и как-то даже представляя себе это ушедшее время, вспоминая мимолетные образы-кадры из фильмов на сюжеты по истории Европы.

– Крымские готы, живя на этих благодатных землях Таврики, уже не покидали пределов полуострова, не участвуя в очередной войне готского племенного союза в 377–382 годах нашей эры с Римской империи. Осев на жительство в Крыму, – продолжил Олег своё повествование, – готы затем тесно контактировали с жившими здесь сарматами и греками. Занимались товарообменом с ними в мирное время, развивали ремесла и даже занимались ювелирными и золотыми поделками в подражание римским ювелирам.

Постепенно сблизившись с местным населением, в основном с понтийскими греками, и ассимилируясь с ними, они уже в 4-м веке стали разговаривать на понтийском диалекте греческого языка, сохраняя, при этом, свой родной язык. В межгорье Крымских гор, на одном из высоких платообразных известняковых геологических останцев, готы построили крепость Дорос, впоследствии известной, как "пещерный город Мангуп".

Я вспомнил, что мои родители были со мной на автобусной экскурсии в Бахчисарае 13 лет назад и там мы потом где-то пешком поднимались на какую-то скалу, с выдолбленными в ней пещерами-помещениями – может, это и был Мангуп?

– Кстати, – прервал Олег свой рассказ о готах, – в 395-м году Римская империя окончательно распалась на две части, и появилось новое государственное образование – Византийская империя, со столицей в Византии. Город, основанный императором Константином ещё в 330 году. Новый Рим, так сказать.

Я, молча, слушал, поглядывая на моего лектора, лишь удивляясь тому, как он всё то помнил – он же не готовился специально к этому разговор со мной!

– Господство готов оказалось недолгим, – продолжал Олег свой рассказ, почти не глядя на меня.

– Хотя, к середине 4-го века им принадлежала почти вся восточная Европа, но, вскоре после образования готского королевства в Европе, из южной Сибири, с берегов нижней Волги и Урала, в Европу хлынули многочисленные племена монголоидных кочевников – хунну, именуемых в Европе, как “гунны”. Они тоже переселялись, как ранее готы, из-за изменения климата.

Прочитав исторический роман про гуннов и Атиллу, ещё учась в школе, я кивнул головой, показавая Олегу, что я в теме. *Хотя, честно говоря, уже ничего не помнил конкретного, кроме общего сюжета…*

Олег сделал паузу, достав бутылку воды из рюкзака – он много говорил и, как заправскому лектору, ему потребовалась водичка. Сделав пару небольших глотков, он любезно и чисто из вежливости предложил мне попить, кладя бутылку в рюкзак – у меня была своя вода в такой же литровой бутылке в рюкзаке.

– Гунны, – продолжил он, – в начале, разгромили на равнине аланов с их конницей, используя свои мощные сложные луки, пробивавшие броню аланских воинов на расстоянии в 600 шагов. И эти доселе невиданные в Европе мощные луки оказались наиэффективнейшим средством ведения войны гуннами, расстреливая стрелами чужую конницу издалека.

Я представил себе эти луки, понимая, что гунны просто не подпускали к себе противника, уничтожая издали его живую силу.

– Фактически, гунны и были тем Божьим бичом, как себя назвал Аттила, который погнал, как скотов, разгромленных, загнанных им в угол, готов, опять на земли Римской империи.

Они захватили Предкавказье в 350-м году и уже в 370-м году, – продолжал Олег, – гунны ворвались в Крым, переправившись через Керченский пролив, найдя брод. Они уничтожили

Боспорское царство, после чего, разгромили готов в Крыму, прошли дальше к Перекопу и, в последующей битве с войском остготов на Нижнем Днепре в 375 году они победили их, окончательно подчинив затем себе всё Северное Причерноморье вместе с Крымом. Разгромленные готы – оставшиеся 200 тысяч человек вместе с семьями, отступили в восточную Фракию, прося убежища в этой римской провинции, и император Валент затем разрешил готам поселиться на землях империи. И предоставить им продовольствие на первое время. Но, в итоге, готы его так и не получили. Они восстали и, начали грабить римские поселения, призвав на помощь — вот парадокс! гуннов, – воскликнул он. – Между готами с их союзниками и римлянами начались военные действия, и император Флавий Валент погиб в генеральном сражении под Адрианополем в 378-м году.

– Оно ему надо было? Приютить этих варваров, которые потом отплатили чёрной неблагодарностью бедняге-императору! Вот сейчас, похоже, история повторяется – Европа опять пустили к себе новых беженцев-мигрантов, а потом вот таким же образом расселившиеся поселенцы начнут теснить коренных жителей-европейцев. А пока что они, вот так же, как, в начале, тому Валенту, благодарны пока что фрау Меркель. А что дальше будет после неё? То-то потом они возьмутся щипать жирные бока европейского гуся… – рассуждал я, слушая спокойный, ровный голос моего “лектора”.

– Эта сокрушительная победа вестготов стала ключевым моментом в истории начала падения Римской империи – её северные границы полностью оголились, оставшись без защиты от варваров. Ну, да ладно, – остановил неожиданно свой рассказ Олег, – это я уже попутно говорю. Не буду тебя утомлять, что там было дальше. Эта тема настолько обширна и интересна, что я могу сам увлечься и на целый час займу тебя дальнейшим рассказом о судьбе балканских и прочих готов, о Риме и так далее. Наша же тема – это крымские готы, так что не буду отклоняться.

Он мне напоминал в этот момент прямо какого-то нового летописца, эдакого крымского Геродота, излагавшего в своем авторском исполнении историю давно ушедших дней. – Итак, захватив Крым, гунны установили свое господство в степных районах полуострова и в крымских предгорьях, изничтожив остатки тавроскифского населения. Так что, получается, что до готов и гуннов, более тысячи лет в степях Причерноморья и Северного Кавказа хозяйничали ирано-язычных племена – киммерийцы, скифы, сарматы, пока с востока сюда не пришла эта волна гуннского нашествия, положившая начало смене властителей степей – ими постепенно становятся носители тюркских языков: тюрки, авары, и, далее, хазары, печенеги, половцы, татары и, собственно говоря, турки, в 15-м веке.

Он помолчал, словно прощаясь мысленно с этими канувшими в небытие, народами и, продолжил.

– Ну, да, я забежал вперед, – пояснил Олег, – потом расскажу, как и что было затем. А теперь немного о гуннах в Крыму. Это была "власть кочевой орды. Из новых хозяев создавалась правящая элита, управляющая основной массой населения Крыма, не старавшаяся, в общем, изменять существующий образ жизни на полуострове. Ничего не созидая, как, скажем, римляне в Крыму, эти кочевники грабили, жгли и разоряли посёлки и города в Крыму, вызывая панику и страх у мирного населения. Крымские готы и родственные им остготы, вместе с аланами и прочими беженцами, по согласованию с византийцами, расселились в округе Херсонеса, ближе к городу, в византийских владениях и совместно с херсонесцами готовились отражать набег гуннов на город.

– По сути, – продолжал Баженов свою импровизированную “лекцию”, – гунны, изначально принадлежавшие к огромной племенной группе из множества кочевых и некогда оседлых народов, жителей Азии, были, подобно будущим монголам, выходцами из тех же, из степей центральной Азии. И, заметь, – потер он висок пальцами, – откуда восемьсот лет спустя в Крым и Европу ворвутся монголо-татарские орды. Только нашествие кочевников— гуннов

было вызвано засухой и исчезновением травяного покрова, а нашествие монголов – наоборот, наличием везде огромных зелёных пастбищ. Травы для монгольских коней было более, чем достаточно, на всех этих огромных степных просторах от тогдашних границ с Китаем до европейской лесостепи.

– Климат опять поменялся тогда? – вспомнил я мои школьные знания по истории.

– Был самый конец тогдашнего потепления и обильных дождей в 13-м веке, – кивнул головой Олег. – Ну да ладно. Всё это будет потом.

– Всё это, выходит, циклично. Хорошо, что мы хоть живём сейчас в нормальном климате.

– Ой, не скажи! – возразил Олег. – Гольфстрим уже распался на два закольцованных течения. Гренландия тает. Пресной воды прибывает в океан и всё может измениться в твоём благополучном климате быстрее, чем прогнозируют учёные. Европа скоро будет замерзать по-зимнему. А летом торнадо будут терзать Европу. Климат разбалансируется и, – он махнул рукой, не договорив.

Я собрался ему возразить, но он, показывая мне на мои часы – дескать, время – сказал, что мы отвлекаемся от темы. И продолжил дальше:

– В общем, эти жестокие тюркские кочевники занимались в Крыму грабежом местного населения, кочуя здесь по травяным степям со своими стадами – они же, кроме скотоводства, как основы своего пищевого рациона, больше ничего не знали, обитая в кибитках, не имея своих городов или поселений.

Не зная, как долго нам подниматься на Гору, пару раз я поймал себя на мысли о том, что Олег, увлекаясь возможностью поделиться со мной его знаниями об истории Крыма с древнейших времён, оседлал своего любимого конька, скача галопом по столетиям и тысячелетиям сопутствующей истории этого удивительного полуострова, не заботясь о том, что мне, всё-таки хотелось идти вперёд в лесную прохладу этой огромной горы и подняться на её крутобокие склоны. Полюбоваться видами природных ландшафтов, ну и просто почувствовать себя в роли исследователя в поисках тех самых олеговских тайн в её укромных уголках и не засиживаться здесь, находясь буквально на пороге мира тайн этой уже манящей меня к себе, Горы.

Он посмотрел на меня, словно желая удостовериться, что мне это всё интересно и я, оставив все эти мысли при себе, сказал с шутливой полуулыбкой:

– Да, профессор! – и намеренно приподнял на лоб очки, показывая, что внимательно его слушаю Олег улыбнулся, ответив в моей же манере, что у меня есть шанс стать его лучшим слушателем за последние два года и, уже серьезным тоном, продолжил дальше:

– Встретив отпор со стороны защитников укрепленного, каменного Херсонеса, они больше не делали попыток овладеть этим городом, обложив херсонесцев, как и прочее население Крыма, данью и, это помогало данникам избежать дальнейших налетов и грабежей с их стороны и, даже сама Византия выплачивала гуннам дань золотом. К 420-му году гунны создали на среднем Дунае свою империю во главе с их вождем Аттилой, диктовавшим свою волю европейским народам и государствам. Это было тяжелое время для всех крымских народов и, конечно же, для “наших” готов, вытесненных гуннами на юго-запад, к побережью Чёрного моря.

Понемногу, незаметно для себя, я погрузился мысленно в эту далёкую от нашего времени, эпоху древних властителей, вождей, военных походов и кровавых битв. Я сидел молча, не задавая вопросов Олегу, думая о судьбе крымского мирного населения – как можно было вообще выжить простым людям и их семьям в те далекие жестокие времена?

Уйдя в свои мысли, я словно издали слушал приглушенно его голос.

Неожиданно, Олег, словно вспомнил о времени, бросив в очередной раз взгляд на мои сияющие хромированной сталью “Candino”, которые, невольно привлекали к себе внимание своим дорогим, стильным видом, спросил меня – который там час?

– Чуть больше половины второго, – сказал я польщенный, что Олег обратил внимание на мои часы.

– Отлично, – проговорил Олег. – Со временем у нам пока всё нормально. Так что, продолжим наш “пленэр”. Хотя мы с тобой и не художники, но рисуем-то мы словесно-художественные образы в своём сознании. У тебя, как я понимаю, развитое воображение, а моя задача сейчас— помочь тебе ощутить ту связь веков и поколений, отделяющих нас от того времени. Почувствовать скрытое Прошлое в Настоящем. Там, на Горе, я видел несколько раз хрономиражи с людьми, когда-то жившими здесь.

– Да ну!? – изумился я. – Ну-ка, расскажи. Как и что.

Олег лишь ухмыльнулся загадочной улыбкой, ответив, что как-нибудь в следующий раз.

– А то я собьюсь на другую тему и не закончу эту. Может, там, на Горе, и ты что-нибудь сможешь заметить *Нечто*, скрытое от несведущих людей. Как с тем Знаком – ты же приехал в Партенит с Михаилом ко мне не просто так? Тебя позвал Он.

При этих словах я внутренне напрягся – меня никто не звал, и я сам приехал сюда! Может, это Мишку позвал “Знак”? Но, ему-то, это было уже не нужно, потому что он не захотел участвовать в сомнительных для него планах Олега.

– Может, тебе будет дано, – говорил Олег не громко, но с какой-то внутренней убеждённостью в правоте своих предположений, – увидеть или почувствовать *то*, что не дано пока мне. А что, если в тебе есть какие-то скрытые Силы, о которых ты и сам ещё не знаешь? Раз уж ты здесь, попробуй раскрыть свои возможности! Вместе мы сможем понять, что нужно найти и… – он не договорил, резко оборвав себя.

Этот его неожиданный пассаж как-то озадачил и немного заинтриговал меня. Я узнал неожиданно для себя ещё одну непонятную тему, известную лишь Олегу. Понемногу, мне становилась понятнее цель нашего предстоящего похода на Гору, и это было не то, о чём говорил или хотел увидеть на Аю-Даге Мишка. “Знак”, по мнению Олега, это был лишь повод для того, чтобы мы с моими друзьями приехали сюда в Партенит. А вот всё дальнейшее развитие моей поездки сюда зависело от Олега и его пока что всё ещё непонятных для меня планов. Как я неожиданно выяснил, он идёт сейчас со мной на Гору с одной лишь ему известной целью, и, определённо, хочет найти или увидеть что-то там, наверху. И я ему нужен…

Баженов смотрел на меня сквозь тёмные очки, наверняка, ожидая моей ответной реакции, но я промолчал, не зная, что ему ответить – *каких-либо Сил в себе я не чувствовал, хотя порой и действовал по наитию. Вот и сюда приехал в поисках чего-то необычного…*

Что-бы там ни было такого загадочного или сокрытого на её древних склонах, меня тянуло к Горе, как магнитом в ожидании встречи с чем-то непонятным и загадочным, вроде того Тумана, который так взбудоражил моё сознание и воображение, не говоря уже о тех пещерах и непонятном “Хозяине”. Может, это было какое-то полумифическое существо, вроде, йети? И вообще – ведь искали же специалисты из “Аненербе” *что-то на этой Горе! И вдруг я вспомнил о том ангельском, шепчущем голосе в моей голове – вот это было что-то непонятное и загадочное, выходящее за рамки моего обыденного восприятия мира. Может, Олег имел в виду нечто подобное?*

Размышляя обо всём этом, я немного ушёл в себя и мой товарищ, словно понимая возникший у меня сонм мыслей, вызванных его словами о некоей Силе, возможно скрытой во мне, неожиданно замолчал. Он сидел, молча, размышляя о чём-то своём, но, возможно, созвучным моим мыслям.

Как мне стало ясно сейчас, его что-то беспокоило и, когда он вдруг упомянул об этой Силе, выйдя за рамки своего исторического повествования, я понял, что не так всё просто в его стремлении пойти на Гору со мной. Я помнил слова Влады о том, что Олег не нуждался в каких-либо товарищах в своих походах на Гору.

– *А меня сейчас взял… Интересно, для чего же именно я нужен ему?* – я взглянул на него, выходя из моих мыслей…

– Ну, хорошо, – сказал он, видя, что я смотрю на него, – продолжим пока дальше рассказ о готах и их дальнейшей судьбе после того, как гунны вытеснили их к побережью Чёрного моря.

Начав снова слушать его "лекцию", я никак не мог вначале освободить своё сознание от мыслей, обуревавших меня, и не сразу стал следить с прежним интересом за нитью его повествования.

– Таким образом, – продолжил он опять, словно лекторским, голосом, – лишь общее ослабление гуннских вождей из-за межплеменных распрей после смерти Атиллы в 453-м году, и растущее могущество Византии позволило затем в 6-м веке новому византийскому императору Юстиниану I покончить с гуннским владычеством в Крыму и прибрать к рукам почти разрушенное гуннами Боспорское царство. Но это было потом, – поправил Олег сам себя, – а пока что, в 455-м году нашей эры объединённые силы германских племен окончательно разгромили гуннов, и, кстати, – Олег сделал паузу, чтобы акцентировать моё внимание – в этом же году германское племя вандалов захватило Рим, грабя и уничтожая памятники архитектуры и искусства. Отступившие остатки войска гуннов были разбиты дальше византийцами в низовьях Дуная, и они ушли затем на Волгу и Алтай, где они потом и жили, смешавшись с местными племенами.

Олег замолчал, давая мне возможность осмыслить и "войти" в услышанный "материал", а он и впрямь, говорил мне всё это, как на лекции. Мой новый товарищ – несомненный знаток истории – просвещая меня в своём историческом обзоре о событиях, на первый взгляд не связанных напрямую с историей Крыма, раздвигал рамки своего повествования, объединяя историю древней Европы с далёким прошлым этого полуострова, через который проходили орды разных племён и народов в поисках новых мест для поселения или же с целью грабежа и военной добычи. Так или иначе, но Крым оказывался на перепутье, как наступавших, так и отступавших орд кочевников и их племенных групп.

Эрудиция Олега и его великолепное знание истории, пусть и в ограниченных рамках нашей беседы, было для меня и удивительным, и востребовано-нужным. Но, слушая его, я не мог не вспоминать периодически о его второй, скрытой от посторонних глаз, стороне, связанной с поисками неких знаний, которая так напугала и изменила отношение к нему со стороны Михаила. Ведь Олег, наверно, искал встречи с Неведомым в поисках каких-то тайных знаний. Невольно, я вновь и вновь вспоминал об Аненербе и их загадочных поисках на Горе и, как-то попутно, вдруг вспомнил об Индиане Джонсе из знаменитой трилогии приключенческих фильмов, в первом из которых – "В поисках потерянного ковчега"– зритель знакомился с этим авантюрным профессором истории, одержимым поисками загадочных древностей, обладающих мистической властью и Силой. И столкнулся затем с такой вот, немецкой "научной" экспедицией, искавшей Артефакты Силы.

Может, и тайной целью Олега было нечто подобное?

От этого мысленного сравнения нашего партенитского поисковика-историка с этим собирательным образом искателя приключений и, в чём-то, незаурядной личностью, я немного развеселился, вспомнив, что Мишка и Влада сравнили ранее Олега с Гэндальфом, а меня с Сэмом. Какой же из этих двух персонажей был ближе к личностным качествам Олега, мне предстояло вскоре выяснить, хотя, при всём этом шутливом сравнении Олег же не был ни "магом", ни обладателем каких-нибудь тайных знаний. И выглядел для моего ялтинского друга скорее, малость "тронутым" любителем непознанного.

Пока что, я был склонен воспринимать моего эрудированного, нового товарища больше, как исследователя и искателя тайных знаний или возможных древностей, скрытых на Горе или в её пещерах, чем одержимого какой-то чужой властной силой, тихо-помешанного чудака.

Олег, между тем, продолжал просвещать меня и всё, что он говорил, мне было интересно слушать.

– Ну, а один из сыновей Аттилы решил вернуться назад в ранее завоеванный ими Крым, в Приазовье, и гуннам пришлось опять восстанавливать свою власть и воевать с окрепшими крымскими готами. И, что ты думаешь, кто победил? – спросил меня вдруг Олег, словно проверяя, на заснул ли я под его размеренный, хорошо поставленный голос.

– Думаю, что готы! – уверенно ответил я.

Олег качнул головой.

– Не всё так однозначно, – как-то неопределенно ответил он и пояснил, что их битва закончилась ничьей и, более того, вынужденным мирным союзом двух этих народов. – Таким образом, гуннам удалось закрепиться на Керченском полуострове на остатках разгромленного ими ранее Боспорского царства и до конца 5-го века остатки гуннских орд все ещё кочевали по степям Северного Причерноморья. Ну, а так, в Крыму наступил относительно мирный период — началось время Византийского могущества, и византийцы затем переименовали Херсонес в Херсон. В 476 м году нашей эры римская империя прекратила свое существование, пав под ударами объединенных германских племен во главе с остготами и вошла затем в огромное королевство великого властителя остготов Теодориха.

Я понимал, что Олег тезисно пытается охватить весь этот огромный период времени во многие сотни лет и даёт мне итоговую информацию, оставляя "за бортом" любые подробности и детали, стараясь выдержать хронологию событий той давней эпохи. Кое-что из всего этого я знал, но, по большей части, всё, что относилось именно к Крыму, было для меня новым, особенно эта "готская" тема.

– Однако, при всем этом, – продолжал "профессор" – Теодорих хотел считаться законным преемником римских цезарей и искал покровительства Византийского императора Зенона, чтобы считаться законным преемником имперской власти.

Голос Олега даже как-то повеселел, – и король готов стал эдаким вассалом Византии. Удивительно! Варвары признавали право Византийской империи назначать их вождей королями, чтобы в глазах бывшего имперского населения считаться законными носителями верховной власти среди множества претендентов на это звание.

Своей интонацией, манерой подачи информации, и каким-то неподдельным энтузиазмом, он заряжал меня своим интересом к этой теме и таким давно-забытым мною сведениям и знаниям по истории европейских народов, их вождей и правителей, которые, канув в небытие, теперь возрождались в его неторопливом повествовании, выйдя из забвения ушедших столетий и тысячелетий, разделявших их время от нашего и, перед моим внутренним взором словно воскрешались те давние битвы и сражения и их главные действующие лица – вожди, полководцы и правители, которые сыграли свои главные роли в театре Истории, написанных ею для них, и европейских народов и государств. Выйдя на страницы её драматургии, они канули затем в Лету', меняя судьбу западной и восточной Европы, Крыма, и в, частности, его южного берега. Когда бы я ещё с таким интересом слушал бы вот так, на свежем воздухе, такую специфичную для меня, информацию о готах и других древних народах, до которых в моей обычной московской жизни мне и дела не было – ни к их истории, и ни к их судьбе в тысячелетиях прошлого Крыма!

– А здесь, на полуострове, "наши" крымские готы, опять воспрянули, возродились к мирной жизни, упрочив тесные связи с Византией, верой и правдой служа кесарю, и стали вскоре опять важной местной военной силой на службе Византии. И надо сказать, не участвовали в войне Византии против их сородичей остготов и вестготов в 535-554-х годах в Сицилии и Италии. Хотя новый, честолюбивый император Византии, Юстиниан I, мечтавший об объединении всех образовавшихся после падения Рима варварских королевств в великом новом имперском и христианском единстве под эгидой Византии, нуждался в их военной силе.

Я отвлёкся немного от его рассказа, пытаясь вспомнить, что мне было известно про этого Юстиниана – его имя было у меня на слуху. Но их, кажется, было двое в истории Византии.

Олег, как историк, уже однозначно относил этих бывших воинственных пришельцев-поселенцев к коренным этносам полуострова, хотя для меня в его рассказе об их дальнейшей судьбе в Крыму ещё не прошли те долгие столетия, в ходе которых они заслужили и выстрадали право жить на древней земле Тавриды и любить её так, как те же крымские скифы, которых они изничтожили вместе с Неаполем Скифским в ходе своего нашествия.

– В том числе и для захвата и восстановления подчиненного Византии Боспорского царства в Крыму, – продолжал он говорить с каким-то неподдельным энтузиазмом в голосе.

Я опять стал вслушиваться в его рассказ, стараясь не упустить нить его повествования.

По его словам, в 540-м году в Европу через египетских торговцев зерном пришла бубонная чума, и в 544-м году в одном только Константинополе умирало до 5 тысяч человек в день – в Европе же умерло от этой страшной болезни в те годы около 50 миллионов человек! И когда сам император Юстиниан заболел чумой, это было большим испытанием для Византии, но он смог выздороветь и его чудесное исцеление показало всему христианскому миру, да и соседям Византии, что Бог на стороне её императора. И будущее империи в надёжных руках. Юстиниан, исцелившись, стал ещё больше радеть за Византию и её подданных, в том числе и в Крыму.

– Кесарь выделил большие деньги на возведение каменных защитных стен вокруг Херсонеса, и империя в годы его более 30-летнего правления окрепла и процветала. Ну а готские старейшины на службе у Византии вернули опять себе свою былую силу и влияние в Крыму, вновь заселив Керченский полуострове и все остальные прибрежные земли южного и юго-западного Крыма, – закончил Олег свой краткий экскурс в эпоху правления Юстиниана.

– Да, – выдохнул я, – сколько же здесь было набегов и походов разных завоевателей, горя и страданий! Переселение и смешение народов, народностей и национальностей, и как следствие, какой же этнический котел, видно, здесь получился!

– Именно так и вышло, – кивнул Баженов. – Мы, кстати, с тобой и начали наш этот разговор с темы привлекательности Крыма для разных пришлых племен и народов, начиная с античности и далее в Средние века, которых здесь было будь здоров сколько! Край-то, какой благодатный!

Он опять огляделся вокруг и произнес:

– Сейчас вот мир и благодать и только История помнит всё.

Вокруг нас неожиданно потемнело – словно, как напоминание о прошлых бедах этого места и его жителей, на долю которых выпали все эти несчастья, связанные с набегами пришлых орд завоевателей, солнечным мир вокруг нас потускнел, невольно показывая нам, что в этом живописном уголке Крыма не всегда так солнечно и благостно.

Не сговариваясь, мы посмотрели вверх, выйдя из-под защитной кроны кипарисовой стены, и увидели, что на солнце неожиданно наползла большая лохматистая туча, невесть откуда взявшаяся на безоблачном синем небе.

Олег удовлетворенно хмыкнул, сказав, что это первое облако над Партенитом за последние три дня – каждый день жара и солнце.

– Может, на Горе будет не так жарко? – предположил я, намекая ему, что мы здесь явно засиделись и нам нужно идти дальше.

– Сомневаюсь, – ответил Олег. – Ну да там сам всё поймёшь.

Мой “лектор”, похоже, понял моё невысказанное желание и наконец, мы тронулись с места.

В этот момент, к моему удивлению, с неба вдруг брызнул мелкий дождик! Это было тем неожиданней, что кроме этой тучи над нами, все пространство синего свода над нами было

свободно от какой-либо облачности. Она словно зависла над горой в вышине небосвода, обрадовав нас своей тенью и освежающей влагой с небес, и я воспринял это, как добрый знак. Тут же вспомнив о том, другом “Знаке”, явленном миру где-то на скале у подножия Горы. Может, он был символом каких-то скорых перемен на Горе? Только вот каких? Добрых или…, – не стал я дальше думать об этом, идя следом за моим спутником.

Глава 7
Продолжение лекции Олега о прошлом Крыма. Таврика после нашествия Батыя. Междоусобица в Золотой Орде – Времена Тохтамыша и борьба за Крым

Взбодрившись, мы пошли дальше вверх по дороге в большой тени от мимолётного облака, появившегося, откуда-то, над Партенитом. Идти по тенёчку было легко и приятно, но дорога понемногу набирала уклон вверх и, по словам Олега, скоро мы дойдем до нужной нам точки начала нашего маршрута.

Я слегка отстал от него, и, проходя мимо какого-то сплошного забора из зелёных металлических листов, видневшегося среди кустов влево сбоку от дороги, задумавшись, не обратил внимание на него, и уже позже, Олег сказал мне, что там и располагалась часовня того самого Иоанна Готского.

Мой товарищ шёл, стараясь держаться обочины дороги, где стояли многочисленные здесь высокие кипарисы. Хотя мы и были пока в тени, но даже здесь было жарко – как никак обещанные +35С в тени делали своё дело.

Дорога шла понемногу вверх, и невольно я подумал о том, как же мы сможем подняться где-то отсюда на её крутой бок?

– Потом, поднимаясь в гору, поймешь разницу между этой лёгкой прогулкой и крутым подъемом вверх, – с видом завзятого экскурсионного проводника втолковывал мне Олег. – Когда идешь, всё время вверх, да ещё сбивается дыхание и пот ручьями струится по лицу и телу, вот тогда, взмокнув, ты поймешь, будет ли тебе прохладнее на Горе, чем сейчас здесь, у её подножия.

Для него я был, конечно же, залётным московским гостем без всякого опыта восхождения даже на такие относительно невысокие, по горным меркам, вершины, как Аю-Даг. А для меня это было возможностью, в том числе, проверить свою физическую выносливость и заодно, "мочалки", как выразился Олег.

Идя по обочине дороги, я удивлялся про себя состоянию её условно-асфальтового покрытия. Эту давно не ремонтировавшуюся дорогу, наверное, редко использовали для проезда машин, да и прохожих здесь почти не было – помимо тех непонятных мужчин, навстречу нам попалось всего несколько человек, спускавшихся вниз, к санаторию.

Я думал, что мой товарищ уже закончил тему готов, и мы шли, молча, но в нём, видно, уже проснулся историк и он затем продолжил наш разговор на эту тему.

– Да, гунны здорово потрепали готов и их селения, пройдясь ураганом по крымской земле, но, ушли, канув в небытие со смертью Аттилы. Где они эти гунны и их потомки? – задал он риторический для меня вопрос. – Нет их, – произнёс он с каким-то удовлетворением в голосе. – От периода их владения Крымом не осталось никаких культурно-исторических следов, только могильники. А вот от предшественников готов, аланов, тоже, кстати, кочевников, как и гунны, остался хоть город в Крыму, и ты его знаешь! – он с хитрецой в глазах посмотрел на меня.

Я сделал удивленное лицо – Олег, конечно же, понимал, *что думай – не думай, я так и не смогу сказать ему, что это за город*, и он сам тут же ответил мне – Судак! Она же Сугдея. Портовое поселение, основанное ими в 212-м году нашей эры!

– Вот это древность! – воскликнул я удивленно.

Олег явно хотел меня впечатлить этим фактом, и это ему удалось. А я бы подумал, что этот город построили, скажем, те же готы, и Олег дальше пояснил, что, до готов во втором веке

в Крым нагрянули с востока кочевники – аланы с их многочисленными табунами лошадей, кибитками и стадами скота. Они не знали земледелия, держа много скота и, были воинственными скотоводами, воюя и грабя мирное население, добывая себе пропитание в походах за счёт охоты в степи.

– Те же гунны, только помягче и посимпатичнее – индоарии, как ни как, – сказал Олег с таким уверенным видом, как будто он их видел сам лично. – Считали себя, кстати, благородными и не знали рабства в своей среде, живя простой жизнью в своих кибитках. Но, что интересно – в дальнейшем, через годы, они как-то мирно ассимилировались с местным населением, живя в предгорном и юго-западном Крыме и, похоже, забыли о своей кочевой жизни здесь, осев на постоянное жительство в городах на восточном побережье Крыма. Конечно же, – усмехнулся Олег, – аланская Сугдея была простецким рыбацким поселением по сравнению со сложным фортификационным сооружением, построенной генуэзцами на скале, у Судака спустя двенадцать веков! А у аланов там стояла небольшая сторожевая крепость, да и как условный маяк использовали они её. Как бы там ни было, он служил их основным портом на Крымском полуострове. И там стояли на берегу рыбацкие и прочие лодки. Местное население здесь промышляло рыбной ловлей, – пояснил он.

– Ну, да, – высказался я насчёт аланов и прочих этих завоевателей, – край-то благодатный для жизни – повторил я свою мысль. – Для всякого доброго дела здесь найдется применение.

– Только вот, получалось, что мирно жить здесь людям простым никак не удавалось. Олег, вздохнул, словно сочувствуя всем тем бесконечным жертвам безжалостных набегов кочевников всех мастей, и продолжил:

– Аланы, в общем, потом присмирели, смешавшись с населением приморских поселений и, кстати, по мнению историков, пещерный город Чуфут-Кале, тоже был построен аланами.

Я стал вспоминать всё, что мне было известно об этом пещерном городе, и подумал, что, в общем-то, ничего. Ну да не грузить же мне Олега вопросами при каждом новом факте, сообщаемым им!

– А затем, через тысячу лет, он был разграблен после захвата Крыма татарами в 1299-м году, – продолжил Олег. – Потом перестроен и со временем обновлён ими же. Чуфут-Кале был даже какое-то время их первой столицей, являясь главным торгово-ремесленным центром этого региона Крымского полуострова.

– *Уму непостижимо,* – подумал я, – *разрушать, чтобы потом перестраивать и жить на костях прежних хозяев…*

– И, кстати, – мой лектор опять вывел меня из моих раздумий, напрямую обращая своё восклицание ко мне, – аланы жили в Крыму и в татаро-монгольский период, но не как отдельный народ.

Олег сделал паузу.

– А вот готы после всех этих бедственных лихолетий, выдержав, никуда не делись, оставаясь, долгие века одним из главных этносов в Крыму.

– Обустроились, прижились и похозяйничали, – пошутил я невольно, смотря на мешки с песком и цементом с кучками сероватой щебёнки, насыпанных справа у шеренги кипарисов, где мы сейчас шли.

Припорошенные местами, вроде, как, серой пылью или пыльцой, осевшей на их тёмных боках, они стояли, словно обсыпанные снизу до середины, цементной пылью. Дальше вперёд у обочины дороги виднелись какие-то плотно-набитые мешки, бочки с краской, прутья железной арматуры и прочий строительный материал среди небольших куч жёлтого песка.

– А вот это – хорошо! – с удовлетворением в голосе произнёс Олег, смотря на всё это “богатство”. – Наконец-то начали ремонтные работы. Хотя и не готы, а их ассимилировавшиеся в веках, потомки, – серьёзно восприняв мою шутку, он продолжил дальше:

– Не было только нужного крепкого хозяина здесь.

Он, наверно, имел в виду этот санаторий. По его дальнейшим словам, здесь лет пятнадцать не велось никаких ремонтных или строительных работ.

Я с пониманием скользнул взглядом по всему этому выставленному на дорогу “добру” и посмотрел на Олега:

– И что же было дальше? – возвращая его к теме нашего разговора о судьбе готов в Крыму.

– Как я уже говорил, наступило время Византии, – охотно продолжил Олег, идя дальше, – готы опять воспрянули, обретя свою новую судьбу в рамках Византийской империи, как одного из главных этносов Крыма. Готский период владычества, а затем и мирного, с их стороны, проживания готских общин в Крыму был самым длительным по времени – где-то до 16 века. Они не только активно сотрудничали с новыми властями, но и стали военно-административной единицей в Византийском государстве при Юстиниане. И, кстати, много строили! – он посмотрел в сторону выставленных на обочине дороги ремонтно-строительных материалов.

– Потом, под управлением византийских инженеров, они создавали мощную оборонительную систему укреплений с несколькими опорными пунктами на побережье Таврики и, кстати, крепость Алустон. С которой, собственно, и началась затем история Алушты. Построили крепости для защиты Херсонеса на периферии их земель – на Мангупе и Эски-Кермене, и укрепляли их фортификационными сооружениями. А также построили с византийцами крепость Горзувиты на той стороне за Медведь— горой, и в Симболоне – в Балаклаве, где готы – феодалы были на службе у Византии, – пояснил Олег. – Ну а так, их б’ольшая часть жила компактно в области, под названием Дори.

– Непонятное название. Что оно обозначает? – поинтересовался я, вспомнив, что Олег уже упоминал ранее об этой “Дори”.

– Письменное сообщение о Крымской Готии и стране Дори, расположенной в юго-западной Таврике, населённой потомками готов, относится к годам правления византийского императора Юстиниана I, который присоединил Керченский полуостров к владениям Византийской империи. Ну, а, название “дори” происходит от праиндийского “дорант”, означает “пещерная страна”, или “страна, богатая пещерами”. Здесь же, в Юго-Западном Крыме, находится множество, как естественных, так и вырубленных в известняковых горах пещер, – напомнил мне Олег.

– Так, что, их готы делали?

– Нет, тавры, – запутал он меня и, увидев моё непонимание, сказал, улыбнувшись, что готы позаимствовали это каменное наследие у этого автохтонного, коренного народа, который жил в Тавриде за тысячу лет до появления готов в Крыму. И, логичнее было назвать Тавриду не греческим названием этого полуострова, а этим индоевропейским словом. Тем более, что историки так и не смогли узнать, как же тавры называли сами себя и свою страну.

Он потёр задумчиво щёку.

– Кстати, вторая гряда Крымских гор в древности назвалась греками “Тавром”, а жителей этой горной местности – таврами, то есть жителями горы Тавр – они же горцы были, по сути. Так что, греки их и назвали так по имени этой горной гряды в Крыму! Хотя, это лишь гипотеза.

– Значит, они были, всё-таки, “дорянами”? – предположил я.

– Ну, так недалеко и до дворян, – подхватил шутливо Олег моё название. А потом, уже серьезно, сказал, что “дорянами” или “дорийцами” именовали племена индоевропейцев, которые обрушились на Пелопонесский полуостров с севера в конце 12-го века до нашей эры, давно уже занятого к тому времени племенами ахейцев.

– Вот те дорийцы и стали затем вторым главным этносом на Пелопонесском полуострове, а потом, кстати, там появились ионийцы и прочие народности. И лишь после 9-го века завоеватели, укоренившись там, стали частью общего населения Греции, именуемого с тех пор “эллинами”.

– Так, может, – продолжил я свою версию, – тавры и были одним из дорийских племён?

– Почему бы и нет? – вроде, как, благосклонно поддержал Олег мою версию. И видя, что я всерьез воспринял его слова, сказал, что он пошутил. Дорийцы, по его словам, при всей их брутальности, роднившей их с таврами, были, всё же, на более высоком уровне своего развития. Хотя и не были носителями единой культуры, поскольку у них не было в те времена письменности. Да и ремесленное дело было у них невысоким. В этом они были сходны с таврами и, даже, как и тавры в те далёкие времена, носили звериные шкуры. Но самое поразительное здесь было то, что у них были стальные клинки!

Не обратив внимания на это восклицание Олега, я был несколько разочарован услышанным. У меня были другие понятия о дорийцах и их культуре. *Я вспомнил знаменитый дорический ордер мраморных колонн Парфенона.*

Олег, словно читая мои мысли, сказал, что культура и архитектура появится у варваров-дорийцев спустя столетия их жизни на Пелопонесском полуострове.

– А в конце 12-го века они были жестокими племенами – варварами и убийцами для ахейских греков – и, таковыми, впрочем, оставались долгое время – вспомни Спарту! Суровыми, безжалостными воинами с развитым военным искусством и технологиями выплавки бронзы, пользуясь железными и, даже, стальными клинками.

– Стальные клинки? – обратил, наконец, я внимание на этот факт. – В то время?! Никогда не слышал об этом…

– Да! Не удивляйся! Они ими пользовались, но вот изготовлять сами не могли. Возможно, им помогли приобрести это оружие малоазийские халибы. Здесь нет ясности в этом вопросе… Купили или, – недоговорил он, видя, моё недоверие и сказал, что про халибов и о железных мечах, в том числе о тех знаменитых киммерийских, и о тех временах, мы ещё поговорим попозже, и продолжил дальше.

– Дорийцы после захвата Греции, разрушая и уничтожая ахейскую цивилизацию, всё же впитали понемногу в себя оставшиеся крохи её культурного наследия. И понемногу цивилизовались, живя бок о бок с подчинённым им ахейским населением, введя лёгкую форму рабовладения.

Слушая его, я всё же думал о том, что между таврами и дорийцами могли быть ну хоть какие-нибудь родственные связи. Не знаю, почему я вдруг ухватился за эту в общем-то, беспочвенную идею. Наверно, хотел как-то показать “профессору”, что и у меня могут быть какие-нибудь свои “оригинальные” версии на этот счёт.

Продолжая рассказывать, Олег, вдруг вернувшись к моей фантазийной для него версии, сказал, что дорийцы, очевидно, были сродни таврам лишь в смысле их патриархального уклада общества с теократической монархией, и, что их основным занятием после их обустройства на захваченных землях Пелопоннеса являлось земледелие.

– Как и у тавров времён… Геродота, – сказал он с улыбкой, не оставив на моей скоропалительной теории их исторического родства камня на камне.

– Да и верования у них были разные. Так что, извини, Антон, никак не тянут они на родственников тавров. Или, вернее, тавры – на них. Но, что характерно – и те, и другие были светловолосыми, в отличие от ахейцев и, не удивляйся – дорийцы имели колесницы, украшенные свастическими орнаментами. Такими же, как и боевая колесница из индоевропейского городища Аркаим на юге Челябинской области. Слышал о таком? – неожиданно спросил меня Олег. Я просто кивнул, чтобы не сбивать его с темы.

Об Аркаиме, и о том, как это древнее поселение примерно 20-века до нашей эры случайно открылось археологами в 1987 году, я был наслышан. Как утверждают, там находится мощное место Силы, и я верил, что такие места действительно есть на нашей планете, и в России, в частности. Я много читал насчёт таких мест и хотел хотя бы раз побывать в таком

месте древней Силы. Которая, наверно, есть и здесь на Медведь-горе, где стоит некий Трон Силы…

– На таких лёгких, деревянных колесницах, они, собственно, и двигались, переселившись с севера на Пелопоннес.

– Они же, вроде, были одним из "народов моря"? – блеснул я своими знаниями.

– Это спорное утверждение. Они были просто, что называется, в том тренде перемен переселения племён и народов, приведших к коллапсу Бронзовой цивилизации. "Народы моря" пошли дальше, на Хеттское царство, Египет и другие близлежащие царства. Сея смерть и разрушения. А дорийцы, уничтожая мир Микенской Греции, продвигаясь на юг по Пелопоннесу, осели затем на его большей части и даже на Крите и Родосе, и в южной части Малой Азии. Кстати, твои херсонесцы были выходцами из дорийской Гераклеи.

Этот сказанный, между делом, комментарий Олега, ещё раз показал мне, насколько свободно мой "лектор" разбирался во всей этой тематике древнего мира.

– Население ахейских городов и посёлков бежало на юг и дальше, на острова. Многие из островов в Эгейском море так и не были, кстати, захвачены дорийцами по той самой причине, что они не были мореплавателями. И не интересовались морем – главным средством передвижения у них были их лёгкие, походные, военные колесницы. Отвоевав себе, так сказать, место под солнцем, на материковой Греции, они ввергли затем ахейскую цивилизацию в те самые "тёмные" века. А Элладой эта земля стала называться уже по их окончанию где-то триста лет спустя.… И кстати, греки никогда не называли себя греками. Так их назвали римляне, когда греки стали римскими гражданами в 212-м году нашей эры после завоевания Эллады Римом. Себя они считали по – прежнему эллинами. Только эллинами, – повторил он. – Которые произошли от их праотца Эллина— мифологического персонажа, внука Прометея. Хотя, есть версия, что греками – "грайки" – на раннем варианте древнегреческого языка называлась иллирийская народность, мифологический прародитель которой носил имя Грек. Сын мифологической Пандоры.

– Да… – произнёс я задумчиво, – вот, оно, оказывается, как было, *и подумал про себя – как здорово, что Олег освежает мои подзабытые знания по истории в такой непринуждённой, интересной манере подачи информации.*

– Греки-эллины и тавры оказались на линии прямого соприкосновения, начиная с 6-го веке, здесь, в Крыму, на Херсонесе. Ну да об этом и подробнее, о таврах мы с тобой ещё поговорим, – проговорил Олег с довольным видом. – Тебя не напрягают мои отступления от основной темы? – спросил он вдруг меня, как бы на всякий случай.

Ему явно нравилась моя неискушённая реакция на все эти сведения. Иными словами, моё незнание пробудило в нём чуть ли не какой-то просветительный энтузиазм, и он был полон желания "подтянуть" меня по истории – я же был, по его словам, "*сырой материал". А я и сам, как-то незаметно, вошёл в роль студента, слушая с интересом его "лекцию".*

– Ладно, продолжим о готах, – вернулся он к основной теме. – Тавры исчезли, готы заняли потом их места обитания. Но ничто не вечно под Луной, – философски проговорил он, делая паузу, давая понять, что в судьбе готов опять начались драматические перемены. – В Крым в 7-м веке ворвались новые завоеватели, и звали их хазары. Они пришли из Прикаспийских степей и захватили в начале земли Северного Причерноморья. А за последующие десять лет с 670-го по 679-й год им удалось захватить почти весь Крым, кроме Херсонеса.

– *Удивительно живучий, прямо героический город,* – подумал я. – *Сколько раз его осаждали враги, а херсонесцам удавалось отбиваться от них, и так – раз за разом.* – Хазары были не такими жестокими, как гунны, – продолжал Олег, – и оставив жителям покоренных городов самоуправление, они обложили их данью и пошлинами, сделав своим административным центром управления Крымом бывшую аланскую Сугдею, то есть, Судак. В Крыму наступили трудные времена и, к тому же, в самой Византии было неспокойно из-за внутренних интриг

верховной знати и заговоров. В итоге, Византия затем заключила договор с хазарским каганатом, и Крым был поделен между ними на две части. Степной Крым стал хазарским, а южный и юго-западный Крым с Херсонесом отошёл к Византии.

– *Похоже, тема готов закончилась?* – подумал я, но не стал перебивать Олега.

– Херсонес весь 7-й век переживал упадок, оказавшись невольно вовлечён в борьбу двух противоборствующих группировок верховной власти Константинополя.

– А что с готами? – не выдержав, спросил я.

– Они тоже испытывали проблемы из-за неопределённости с императорской властью Византийских кесарей, вследствие проблем из-за происков низложенного Юстиниана II-го “Безносого”.

– Безносого?! – воскликнул я и думал, что Олег мне сразу объяснит попутно и это странное имя, вернее, прозвище.

Мой “лектор” не стал мне ничего объяснять, сказав лишь, что эта тема с Юстинианом не уступает по динамике развития событий трагедиям Шекспира. – Наша же тема – история крымских готов в ходе тысячелетий! – напомнил он.

– *Ну, точно – лектор! Уже и название для лекции определил,* – я невольно улыбнулся. “Профессор” заметил это, но ничего не сказал и, невозмутимо, продолжил мой ликбез. – Готское население Крыма жило, по большей части, во внутреннем Крыме вокруг своей столицы Дорос. В середине 8-го века хазары решили расширить свои территории в Крыму и начали захватывать побережье южного берега Крыма, что вызвало возмущение и сопротивление у местного населения. И, в 787 году произошло народное восстание во главе с епископом Иоаном Готским, освободивших свою столицу Дорос от хазар. Но, затем, хазары прислали карательный отряд и подавили восстание. Я тебе об этом расскажу, поподробнее, попозже, – сказал мне Олег. – Завтра, когда пойдём по северной тропе на Гору. Хорошо? Увидишь развалины оборонительной стены…

Мне хотелось бы узнать, что же было дальше, но, понимая, что он и так говорит без остановки и ему нужен отдых, я, конечно же, согласился.

– *Значит, мы с ним минимум, два раза поднимемся на Гору – это просто здорово!* – отреагировал я мысленно на его слова, понимая, что у Олега есть своя, особая, тайная, цель во всём этом.

Мы остановились, и я достал из рюкзака пластиковую бутылку с водой. Олег усмехнулся, глядя на меня, сказав, чтобы я не пил много.

– Ты же, только что, пил, – напомнил он мне. – Там, на тропе Раевского, взмокнешь, затем, от пота, пока дойдём до Трона Силы. А взять воду уже негде – на Горе нет никаких источников воды. Впрочем, я знаю один. Но это в скальных расселинах – туда трудно подобраться, если не знаешь заброшенной столетия назад, нехоженой людьми, тропы, идущей туда.

Я сделал несколько глотков и убрав воду в рюкзак, ждал продолжения рассказа Олега об истории готов, продолжив наш поход, идя следом за ним.

Вокруг нас опять посветлело – солнце вышло из-за края облака, наполняя мир своим животворным светом и сочными красками летнего солнечного дня, и вместе с ним вернулся солнцепёк и жара.

Разговаривая, мы шли вперёд по неровной асфальтовой дороге, хотя в душе я понимал, что Олегу неудобно всё время говорить, как на лекции, идя вверх по дороге, под солнцем, в разгар жаркого дня. Мне стало так интересно его слушать, что я бы с удовольствием присел бы с ним опять на удобном для сидения камне где-нибудь в тенёчке, чтобы слушать моего такого удивительного собеседника.

– Прошли века, – Олег шёл, говоря, искоса поглядывая на меня, а я пристроился, идя сбоку от него, ловя каждое его слово. – Опять в Крым врывались падкие на чужое добро орды

пришельцев из глубин Азии – хазар сменили печенеги, а затем половцы… – *Ну, прямо ходячая энциклопедия,* – подумал я про себя.

Жилистый и крепкий, Олег и впрямь, был и начитан, и эрудирован, и его речь была правильно построена. *Кто же он больше – Гэндальф или Индиана?*

– Ну а потом, начиная с 1223 года, стали делать свои набеги на восточный, степной Крым монголо-татарские завоеватели, где они практически полностью уничтожили половцев. Батый, как говорится, прошёлся по ним катком, – образно добавил Олег. – Эти новые пришельцы из далёких монгольских степей стали понемногу оседать в Крыму с 13-го века, и в 1242-м году они объявили Таврику новым улусом своей Золотой Орды, переименовав полуостров в Кырым (*ров, крепость по-тюркски – сказал Олег*) по названию своего нового административного центра Крымского Улуса Золотой Орды, выбранного Батыем для строительства своего дворца. Но, занятый военными походами, он так больше и не появился в Крыму, а с тех пор всеми делами на полуострове заведовал ханский наместник.

– И, кстати, – он опять поправил свои тёмные очки, постоянно сползавшие ему от пота на нос, – темник Мамай, один из череды таких наместников, был убит генуэзцами именно в этом самом Кы-рыме. У генуэзцев имелись там большие склады для товаров, поступавшие сюда караванами из Центральной Азии, и здесь же был знаменитый рынок Солхат, где продавались товары со всего света, а также невольники и, особенно, невольницы. Он расположен в 90 километрах от Симферополя в восточном Крыму и сейчас называется Старый Крым, – пояснил Олег.

– Слышал о таком городе, но не знал, где же он находится в Крыму. И уж, тем более, и понятия не имел о его таком историческом прошлом! – сделал я искреннее признание.

– Там был ханский двор до 1443 года, – кивнул понимающе Олег, – когда Хаджи-Девлет-Гирай, став первым ханом независимого от Золотой Орды Крымского Ханства в 1428 году, основал новую ханскую резиденцию – Бахчисарай, который потом стал новой столицей ханства при его сыне, Менгли Гирее. И, кстати, это он помог туркам, когда те напали на генуэзские владения в Крыму. Стал затем вассалом турецкой империи османов, подчинившись султану Мехмеду II Завоевателю.

– Вот не знал! – воскликнул я.

– Можешь не повторяться. Скажи лучше, знал, но забыл, – поправил меня великодушно Олег, поддерживая моё реноме в моих же собственных глазах. – В школе же это проходили. Правда, кратко и без подробностей. А вообще – то, история Крымского ханства с его сюжетами временных союзов непримиримых врагов, предательств, военных походов, набегов на Русь, злодейств и кровавых династических распрей будет покруче кровавых пьес Шекспира “Тит Андроник” или, более известного, “Макбет”. Рекомендую прочитать, как-нибудь на досуге отдельно, если будет время.

– Ну а затем, – вернулся он к предыдущему пассажу, – Кы-рым стал хиреть и превратился в маленький заштатный городишко. Да, но это всё было потом, – поправил он себя, – а пока что, в 1299-м году орды татарского хана Ногая обрушились на ещё не покоренный юго-западный Крым, разоряя земли и поселения феодоритов и херсонитов и, в итоге, захватили и разрушили Херсон.

– Херсон? – переспросил я.

– Да. Херсон. Он же Херсонес. Так именовали его византийцы, чьим форпостом стал этот город во времена династии Комниных. А у славян он был известен, как Корсунь, и был связан с Киевской Русью, которая в это время становится активной силой в Северном Причерноморье. Ты же помнишь, что венчание князя Владимира и византийской царевны Анны, сестры кесаря Василия II, состоялось именно в этом древнем городе?

Это был излишний вопрос. Скорее риторический, и я просто кивнул головой, размышляя о такой удивительной, долгой истории этого некогда процветающего экономического и культурного центра Таврики, и такого всем известного нам ныне памятника истории.

Услышав насчёт его захвата, я прямо-таки опечалился о судьбе горожан этого стойкого города, как будто услышал в пересказе Олега сводку последних событий дня с известием о падении Херсонеса. Невольно сравнив это с захватом Севастополя и его окраинного Херсонесского городища немцами семь столетий спустя.

Только эти, фашиствующие новые готы, в отличии от своих предков, пришедших в Крым на постоянное жительство почти семнадцать веков до этого, были на их фоне просто злодеями и извергами, сея смерть и разрушение на древней благодатной крымской земле.

Тема готов, начатая Олегом по моей просьбе, развивалась, обрастая деталями и подробностями с появлением в Крыму всё новых и новых пришлых народов и завоевателей в веках и в новых тысячелетиях.

– Покалеченный город всё-таки смог приподняться, но только для того, чтобы вновь и вновь подвергаться вражеским набегам, разрушению и грабежу. Как это сделал в 1363-м году Великий князь Литовский Ольгерд, будущий властитель Чернигова и Киева, который разбил войско Крымской и Перекопской орды близ устья Днепра, после чего устремился в погоню за бежавшим в Крым противником и опустошил, заодно, Херсонес. Где он, кстати, захватил, “спасая” от татар, ещё остававшиеся там ценные христианские греческие артефакты и древние, библиотечные списки и рукописи. И ведь, как потом вышло спустя годы, его талантливый племянник Витовт задумал завершить объединение русских земель под властью мощной на тот момент его Литвы, и изолировать Москву. А Золотую Орду сделать своим вассалом. Литва на тот момент, не удивляйся, – воскликнул Олег, – стала крупнейшим государством Европы! По сути, тогда между этими двумя крупными центрами и шла борьба за влияние на Руси.

– То есть, окончательно освободить Русь от татаро-монгольского господства и включить её в состав тогдашней Литвы? – переспросил я. – Отжать от Золотой Орды?

– Не освободить, а объединить в составе Великого Литовского Княжества со столицей в Вильно. А в Орде, и в Крыму и Причерноморье, поставить на ханство своего союзника – правителя Белой Орды Тохтамыша. Слышал о таком?

– Вроде бы, да! – подтвердил я, хотя, честно говоря, ничего не помнил об этом монгольском правителе. – Но ведь Русь или Московия, вроде как, уже скинула татарское иго к тому времени? – Хотел бы я, чтобы это было так. Но ты ошибаешься, – возразил мой знающий “лектор”.

Я удивлённо посмотрел на него, не понимая, в чём именно.

– Ты, как я вижу, и впрямь, многое подзабыл, – снисходительно возразил Олег. – Понятное дело! Историю надо помнить или, хотя бы периодически вспоминать исторические даты, и не только, красные, но, порой, и чёрные, чтобы избежать повторения ошибок наших предшественников. И чтить память предков, отдавая дань уважения героям прошлых битв за родную землю. Неважно, было это недавно или давно. Извини за морализацию – это я сказал, так, в общем.

Пожав плечами, полагая, что это он сказал, не имея в виду ничего личного, я по-прежнему недоумевал про себя, в чём же я был не прав.

– Как ты знаешь, – начал он издалека, – татаро-монгольское нашествие имело для Крыма, как и для Руси, кардинальное значение, изменив судьбы народов этих двух территорий, хотя и разделённых в те далёкие времена тысячами километров огромных степных и лесных пространств. В Таврике, после нашествия татаро-монгол, а, потом и её полного последующего завоевания, сложился совсем другой мир особого, Крымского анклава монгольских правителей – ханства, нёсшего на долгие столетия вперёд постоянную угрозу своему северному соседу.

И, сделав такое своеобразное отступление, продолжил:

– Про 1380-й год ты знаешь, а вот что было потом, я тебе скажу попозже. И о пожаре в Москве в 1382-м году, раз уж у нас идёт связанная с этим Тохтамышем, событийная линия. Я же пытаюсь быть последовательным, но порой приходится перескакивать по векам, делая отступления, – он вроде как извинялся передо мной, и это было совершенно напрасно.

О чём я и сказал ему, восхищаясь при этом про себя его знаниями и интеллектом – *ведь этот исторический материал, которым он с лёгкостью управлял, направляя нашу беседу в нужном ему русле, извлекая из памяти и вставляя в соответствующем месте даты и описания исторических событий, требовал от него обширных знаний, которыми он "синоптически" делился со мной в интересном и содержательным для меня разговоре, с подачей материала в манере, лишённой какой-либо академической сухости. Все эти имена и сопутствующие сведения подразумевали от Олега не только отличное владение предметом повествования, цепкую память и эрудированность, но и умения свести воедино в крутом замесе его импровизированной лекции – рассказе весь этот набор требуемых "ингредиентов" и заготовок по данной теме, из которых он, как опытный повар на кухне, готовил цельное блюдо, привнося в него ауру своего личностного мировосприятия, формируя и наполняя его содержимое приправами из художественных образов исторических персонажей – горьких или сладких, мужественных или слабых духом, коварных злодеев или великодушных героев. И упомянутые им исторические личности и события, в которых они участвовали, текли через моё сознание в связанной канве канувших в Лету событий, вызывая в моей голове ответную реакцию, освежая мои подзабытые знания по истории, как вода – иссохшую глину.*

– Но, главное, чтоб ты знал, – вторгся в поток моих рассуждений негромкий, спокойный голос Баженова, рассказавший затем в развитии темы истории Крыма о кровавых событиях, касавшихся времён Руси и Московии в призме последовавших затем дальнейших действий этого самого Тохтамыша после Куликовской битвы 1380 года, когда русские дружины под водительством Дмитрия Донского разбили этого "узурпатора"– теневого правителя золотой Орды Мамая.

– Это, – пояснил дальше Олег, – дало повод тогдашнему правителю Заяицкой, Белой Орды Тохтамышу поспешить объявить себя новым ханом. Начав войну с Мамаем, ему удалось устранить соперника и затем объединить под своей властью две части монгольской империи – Синюю и Белую.

– *Почему "синяя", – мелькнул у меня вопрос, но я не стал спрашивать Олега об этом, чтобы не отвыкать его – он бы пустился в объяснения и вытащил бы из недр своей удивительной памяти новые интересные факты и о Синей, и о Белой Орде, и связанных с ними событиях и увлёкся бы так, что мы, похоже, сегодня так и не дойдём до начала этой самой тропы Раевского.*

Машинально, я начал вспоминать, что мне рассказывали Мишка с Владой об этой тропе вчера, отвлекшись от Олеговой "лекции".

– А вот, потом, – *продолжалась тема о Тохтамыше,* – спустя всего два года, уже в ранге золотоордынского Хана, он совершил военный поход на Москву, взбешенный неподчинением его власти, выказанным московским князем Дмитрием Донским, который не стал просить у нового хана ярлык на великое княжение, и вновь подчинил татарам Северо-Восточную Русь! А затем захватил в 1388 году Хорезм, выступив против своего бывшего покровителя легендарного среднеазиатского полководца эмира Тамерлана, который в своё время оказал помощь молодому Тохтамышу и был его верным союзником, и даже помог ему до этого стать правителем Синей Орды.

– Да, гнилой типок, – проговорил я вслух, вернувшись в тему.

– Хитрый и вероломный, – кивнул головой Олег, – он переоценил свои силы, оказавшись плохим стратегом, и сделал тем самым большую ошибку. Ты же слышал про того самого, хромого Тимура, повелителя всей Малой Азии, опустошившего земли от Дели до Грузии, стирав-

ших с лица земли города и насыпавших курганы из голов побежденных врагов? Мы, кстати, на Медведь-горе потом увидим его слабое подобие – я округлил глаза— что *такое он тут говорит?!* – Не из голов, – улыбнулся понимающе мой товарищ, – а из камней. Так вот. Именно ему – непобедимому Тамерлану! – удалось разгромить в 1402-м году в битве при Анкаре османского султана Баязида I-го и посадить затем в железную походную клетку этого самого страшного врага тогдашней Византии! И как потом оказалось, неизбежное падение Византии отсрочилось, таким образом, на 50 лет до мая 1453 года…

Слушая и мысленно погрузившись в то далёкое средневековье, хронологию которого Олег так хорошо знал, я шёл, не торопясь рядом с ним, не обращая внимания на летний зной. Но, всё-таки, порой мне хотелось ускорить наш шаг и поторопить моего неторопливого спутника, который шёл не спеша, увлечённый своим рассказом или, вернее, его желанием “закачать” в меня достаточно первичной информации, подготавливая меня к встрече с Горой.

Редкие залётные тучки, появлявшиеся изредка на синем небе, проплывали стороной, не заслоняя солнце, и, если бы не тень от деревьев с левой стороны от нас, нам было бы ещё жарче. Дорога понемногу шла вверх, обходя сбоку огромный зелёный склон Горы, откуда спускались вниз, к санаторию, лесные заросли, стоявшие плотной стеной разросшихся высоких кустов и зелёной растительности.

Они начинались прямо за высоким решетчатым забором в десяти метрах слева от нас, повторявшего изгибы дороги, скрываясь впереди за очередным поворотом, где меня ждала та самая тропа Раевского, о которой я уже был наслышан. Где-то впереди нас, справа от дороги, стали слышны звуки каких-то ремонтных работ и, почти тут же, раздался злобный собачий лай.

– И, кстати, где же, всё-таки, та собака, с которой Олег хаживал на Гору? Кто же её забрал?

– неожиданно подумал я.

Отвлёкшись от рассказа Олега, я взглянул затем мои “Candino” – больше получаса, как мы ушли с пляжа, а на Гору пока так ещё и не начали восхождения, хотя вот она, рядом!

– Что же находится там, наверху, на её лесных склонах, и как оно всё там выглядит? – мне так хотелось побыстрее увидеть воочию все те ландшафтные картины, которые я видел на фотографиях в гостиной у Олега!

– Так вот, – продолжил невозмутимо Олег, “не замечая” моего плохо скрытого нетерпения. – Пользуясь смутой в Орде и тем, что в 1395 году Тохтамыш потерял власть в результате второго похода Тимура на Орду, Витовт решил помочь ему вернуть власть и сделать его правителем ослабевшей Золотой Орды. Для этого, ему нужно было вначале разобраться с ногайской Синей Ордой и союзными ей крымскими татарами, и в 1398 году он направился с войском в Крым, захватив Кафу (*теперешняя Феодосия, как я знал*). А затем в августе 1399 года принял бой на реке Ворскле с войском ногайского темника Едигея, теневого правителя нового хана Золотой Орды Темир-Кутлуя. Но литовский князь жестоко просчитался в силе своего противника и потерпел сокрушительное поражение, несмотря на использование появившейся в то время в Европе артиллерии, арбалетов и огнестрельного оружия. Татарам удалось успешно применить свою излюбленную тактику имитации отступления, и союзники Витовта попались на эту хитрую татарскую уловку.

В итоге, в том сражении погиб весь тогдашний цвет европейского, польского, западнорусского и литовского рыцарства, включая Тевтонских рыцарей и их воинов, тогдашних союзников литовского князя.

– Неужели они не знали об этом коварном татарском манёвре? Они же, таким образом, расправились и с нашими князьями ещё в битве на Калке, – искренне недоумевал я, почему-то жалея этих давних рыцарей.

– Не беря пленников, татары изрубили сотни и тысячи беспомощных тяжеловооруженных рыцарей, упавших с коней, подстреленных татарскими стрелами! А также, свыше пятиде-

сяти славянских князей с их дружинами. Но сам Витовт, хотя и раненный, при этом уцелел, как и хитрый Тохтамыш, первым сбежавший со своим отрядом с поля боя.

В голосе Олега чувствовалось возмущение и вроде, как, негодование к этому бесчестному властолюбцу.

– И вот ведь как получается – оставшись в живых, Витовт годы спустя в союзе с Польшей и татарским войском сына того самого Тохтамыша разгромил Тевтонский рыцарский орден в знаменитой Грюнвальдской битве в 1410 году! – воскликнул он, словно удивляясь, говоря мне о влиянии Судьбы, которая благоволив своим некоторым избранным счастливцам, благополучно вела их в хитром переплетении её зигзагов и поворотов, сохраняя им жизнь для чего-то важного, о чём они могли понять, лишь прожив до почтенной старости свою, в целом, благополучную жизнь, как этот самый везунчик— князь.

– И, кстати, Полтавская битва 1709-го года произошла на том же самом поле, где когда-то была разбита армия великого князя литовского Витовта! Ну, да это уже другая история, – вроде, как, подытожил он.

Эта, и прочие истории, которые Олег попутно вплетал в нить своего разговора, начавшегося, в общем, вследствие проявленного мной интереса к теме Аненербе, а потом истории Крыма и готов, в частности, уже выходили за узкие рамки его “лекционной” повестки, хотя он и старался придерживаться обозначенной им ранее темы. Мне всё было ‘ново и интересно. Я покачал головой, удивляясь рассказанной Олегом неизвестной для меня бурной, беспокойной истории жизни этого удачливого и смелого честолюбца и теми, такими насыщенными кровавыми событиями, временами, и тому, что татары, воюя друг с другом за ханский престол, тем самым невольно спасли молодое Московское княжество от покорения мощной на тот момент Литвой.

Признаюсь – *я даже никогда не слышал об этом самом Темир-Кутлуе,* и спросил о нём у Олега. Оказалось, что этот Темир “ханствовал” всего четыре года, был ранен в этой битве и вскоре умер от ран, и междоусобица в Золотой Орде возобновилась с новой силой.

– В те времена, когда все воевали со всеми, а союзнические договоры перезаключались по нескольку раз в год, строгое следование принципам и установленным правилам вообще не было свойственно сильным мира того, – философски изрёк Олег, поворачиваясь ко мне, и вдруг спросил:

– Ну, ты как? Не устал ещё меня слушать?

И довольный, видя моё внимание и интерес к его рассказу, сделал своеобразное заключение, что без знания родословных правящих династий в мельтешении неожиданных поворотов исторических событий в виде войн, вражеских набегов, наследных ссор между братьями, заговоров, перемирий, клятвенных обещаний и союзов, а затем опять вероломных нарушений, предательств и убийств, нельзя понять большинство феодальных войн и междоусобиц того времени в период смут в Орде, в Литве и в Москве, да и в Западной Европе или Англии с их Алой и Красной розой.

– Кстати, много ли ты знаешь о, скажем, причинах условной гражданской войны на Руси времён Василия Темного?

Его неожиданный вопрос меня слегка озадачил, показывая мне степень моего незнания истории своей страны. Я и раньше периодически вздыхал, понимая, что Олег меня просто временами подавлял своей эрудированностью в вопросах истории, а сейчас я сравнивал себя условно, с дилетантом, случайно оказавшегося в компании с маститым историком. Знать на память все эти даты, годы, имена и события, извлекая их в нужной последовательности и в нужный момент – это было просто круто! Я опять восхитился его знаниями, но, помимо этого, Олег ещё обладал и даром подачи материала, захватив опять всецело моё внимание и будя моё воображение. Рассказываемые им события проходили безмолвной чередой перед моими глазами, наполняясь какими-то визуализированными ассоциациями из сцен сражений и

судеб героев фильмов на историческую тему со схожими сюжетами, невольно вспоминаемые сейчас мною.

Таким образом, история всех этих канувших в калейдоскопе событий далёкого Прошлого князей, царей, ханов, полководцев, битв и сражений, связанных с бесконечными войнами и набегами враждебных соседей или неверных союзников на тогдашнюю Русь, Московию и Крым, который, оказался, вовлечен в той или иной мере во все эти события, затрагивая и судьбы живших в то время здесь народов и общностей, была безмерно интересна для меня. Хотя мне и хотелось побыстрее подняться на Гору, я уже понимал, что в лице Олега мне поистине выпал редкий шанс узнать столько много интересного, не ища такой информации в интернете или в книжных материалах.

Забытые мной исторические сведения и факты, воскрешаемые Олегом в моей памяти, словно будили в расширившемся восприятии моего сознания невольные ассоциации и слушая его, я уже по-другому смотрел и думал об этом солнечном, тихом, мирном городке – южнобережном природном бриллианте, укрывшегося в этой предгорной тихой котловине в обрамлении зелени в тени миллионолетней Горы, храня внутри себя ушедшее Прошлое, проявленное в моём сознании в отблесках пламени давних пожаров, криках людей и неосязаемом гуле давно прошедших сражений, которые словно оживали сейчас перед моим внутренним взором под действием голоса Олега.

Неожиданно я понял, что этот неслышимый ранее гул в моём сознании стал ощущаться уже наяву в ушах и я, вроде, как услышал какой-то слабый звук, шедший откуда-то извне, сверху.

Явственно слыша низкое, почти неслышное гудение, я отвлёкся, смотря по сторонам, и увидел высоко в бездонной синеве неба крохотную серую точку почти неразличимого отсюда самолета.

– Это военный. “Миг” или “Сушка”– здесь же под Качей военный аэродром, – пояснил Олег и улыбнулся: – Наша авиация на страже российских рубежей!

– А вот в те жестокие времена… – проговорил я с сожалением, и невольно замолчал, представляя себе, как же трудно было жить мирному населению тогда там – на Руси, да и здесь, на этом полуострове и, в Партенте – хотя и в таком внешне красивом и радующим взор природном окружении.

Олег, не замечая моего молчаливого настроения, продолжал дальше свой исторический обзор по краткой истории Крыма, давая мне, между тем, уникальную возможность обновить мои познания в истории, и, при всём моём нетерпении в ожидании, когда же мы перейдём на ту сторону, за забором, я был в душе благодарен Олегу за его, пусть и затянувшуюся, Лекцию.

– Итак, в 1399-м году Херсонес, поддержавший Тохтамыша, был окончательно разрушен монгольским воинами темника Едигея в ходе внутренней смуты между Синей и Белой Ордой, в тогдашнем противостоянии военачальников-темников, эмиров и их ставленников – чингизидов – с прямыми потомками Темучина. И на месте когда-то процветавшего города остались лишь руины в грудах каменных развалин, лежавшие за полуразрушенной оборонительной стеной. Ну, а местная, крымская татарская знать опять перешла под правление ногайцев.

– Ничего не знаю о такой истории Крыма и обо всех этих драматических событиях здесь! – подумал я обо всём услышанном сейчас от Олега. – *А ведь прошлое этого полуострова – это отдельная тема в истории средневековой Европы, неразрывно связанной, так или иначе, с событиями давно минувших дней, имевших когда-то такое огромное значение для судеб сотен тысяч людей в Европе и на Руси.*

– В таком печальном, разорённом виде Херсонес, – продолжал дальше “лектор”, – уже под другим названием, он существовал, всё же, и дальше, давая прибежище уцелевшему местному населению. Оборотистые генуэзцы обустроили свою факторию на его уцелевшей от пожаров и разрушений сохранившейся части. Однако в изменившихся обстоятельствах торговля

уже не шла, продавать и покупать было некому. Товарообмен захирел и прекратился, и бизнес у генуэзцев, что называется, прогорел. Они закрыли факторию, и херсонесское городище затем окончательно обезлюдело. Со временем, это место превратилось в подобие каменоломни из обработанных камней, которые в течение последующих столетий использовались новыми хозяевами Крыма для своих строительных нужд.

– Так, говоришь, генуэзцы? – неожиданно заинтересовался я, вспоминая, невольно, мою поездку по Италии и знакомство с этим солнечным, южным городом-портом. – Это те генуэзцы, которые, как ты сказал, мочканули Мамая в Кы-рыме?

– Ну, не те самые, – сыронизировал Олег. – Но, в общем, из тех же выходцев из Генуи. Генуэзцы же боролись с венецианцами за право вести торговлю в Таврике и, в итоге, вытеснили их, взяв затем всю внешнюю торговлю Таврики в свои руки. Торговали и строили, обустраиваясь на долгие времена на всём Крымском побережье. Строили на века, как ту знаменитую *фортеттсу* в Сугдее! И уж, наверное, дорогу получше бы сделали, чем эта! – воскликнул Олег, обходя очередную рытвину на этой давно не ремонтированной асфальтовой дороге.

По словам Олега, её, вроде как, собирались латать, и все эти кучки щебня и какие-то мешки с песком или что-там-было на её обочине у кипарисов предназначалось для ремонта дороги и возможно, обустройству обочин.

– Уже второй год, как эти рытвины образовались после сильнейшего ливня, размывшего местами старый асфальт, – посетовал он. – Ну да это ерунда. Вот когда мы с тобой на тропу Раевского выйдем там, за забором, – он махнул куда-то вперёд слева от нас, – вот там твоим кроссовкам придётся туго, – он скептический посмотрел на мои новёхонькие “Mizuno”.

– Нам осталось идти до тропы ещё минут восемь. Ты же не торопишься? – в его голосе прозвучало условное предложение не торопиться и, хотя мне не терпелось как раз побыстрее попасть туда, в зелёную чащу за забором, я не стал торопить его. Ведь Олег же сам прекрасно знал, сколько у нас есть времени и на его “лекцию”, и на наше восхождение.

– Не переживай! Успеем подняться – всё равно за один день только общее впечатление получишь. По – хорошему, туда надо идти на пару дней с ночёвкой. Можешь такое увидеть, что… – он не договорил. – Так что, завтра, по-любому, пойдём на гору с утра. Успеешь всё посмотреть своими глазами, о чём я тебе сегодня расскажу. Там же были древние укрепления – я тебе потом их покажу. Ну и прочее, – помимо приглашения к путешествию, в его голосе звучала недосказанность, сулившая мне что-то особенное, помимо новых впечатлений и знакомства с заповедными уголками Горы.

Невольно, я вспомнил о разговоре с ним в гостиной, и как всё рассказанное им поразило меня своей загадочностью…

– Он что – то явно ожидает от нашего похода на Гору. Ладно, наберёмся терпения. Сегодня или завтра – что же там будет наверху? – мелькнула у меня мысль.

В зарослях высоких кустов за решетчатым зелёным забором с колючей проволокой поверх него послышалось какое-то карканье. Олег остановился, оглядываясь в сторону леса.

Невольно я обратил внимание на то, что каждый раз, когда где-нибудь рядом с нами слышались пусть и неприятные, но такие обыденные для меня звуки невидимого присутствия этих осторожных и хитрых птиц, мой партенитский товарищ как-то обострённо реагировал на их “звуковое” присутствие. Ну, летают себе и каркают. Хотя так специфически-противно. И что с того? Может, там, где-нибудь рядом мусорный контейнер… А у Олега, похоже, какая-то фобия на них. Возможно, из-за недоброй славы, как у существ потустороннего мира, и карканье вороны не сулит ничего доброго человеку?

Я как-то не заморачивался такими приметами и суевериями об этих умных, догадливых и нагловатых птицах.

– Укрепления? Чьи? – спросил я, повернувшись к нему.

– Можно сказать, что, готские, – помедлив, обернулся он ко мне. – Увидишь потом сам. А вот касательно генуэзцев, – продолжил он, подходя ко мне, – они появились в Таврике вначале просто, как торговцы, почти одновременно с татарами, в середине 13-го века.

Говоря это своим обычным, спокойным голосом, что-то в его поведение подсказывало мне, что он не просто так повернулся на карканье той вороны.

– *Может,* – в шутку подумал я, – *он понимает их язык?*

– А до этого, с 1206 года, – мы уже шли бок обок с ним рядом, – там уже были венецианцы, которых поддерживали крестоносцы, захватившие до этого Константинополь, и располагались они со своими факториями и складами в тогдашней Сугдее. В 1266-м году генуэзские купцы обосновались в древней Феодосии, выкупив местные земли у татар, и развернули там потом кипучую деятельность, перестроив и превратив ее к 1350 году в новый, хорошо укрепленный город, с цитаделями-башнями, под названием Кафа, – продолжал Олег свой рассказ.

– Начиная с середины четырнадцатого века они уже действовали нагло и беззастенчиво на южнобережье Крыма, захватив в 1357-м году феодорийскую крепость Чембало, пользуясь разногласиями в Золотой Орде. Италийцы были в союзнических отношениях с татарами еще с 1266 года, когда племянник Менгу-Тимура, золотоордынского хана, разрешил им обустройство морской фактории в Кафе. Ну, а Тохтамыш, убрав в Кафе руками генуэзцев Мамая, бежавшего с Куликовского поля сюда, в Крым, узаконил затем захваченные генуэзцами все бывшие земли феодорийских готов на побережье Крыма от Чембало до Кафы, то есть, от Балаклавы до Феодосии и Керченского пролива! После того известного тебе поражения Мамая на Куликовском поле в 1380-м году, его князья и мурзы перешли на сторону хана Тохтамыша, и тот объединил под своей властью всю территорию Золотой Орды. А уже потом совершил тот самый опустошительный поход в августе 1382-го на Москву и захватил её с помощью подлого обмана – ведь там уже стояли каменные стены! – пообещав жителям города не трогать их, позволив им откупиться данью. Устроив там затем просто резню, убивая даже младенцев. И поджёг её. Московского князя Дмитрия Донского, кстати, в городе в тот момент не было – он покинул её, чтобы собрать войска, и москвичи были вынуждены самостоятельно обороняться от ордынцев.

– Опять этот Тохтамыш! – воскликнул я.

– Ну да. Я же тебе ранее сказал, что ещё расскажу о нём. Уж слишком много зла принесла Руси эта одиозная фигура, связанная и с историей Крыма, и Руси, – взглянул Олег на меня. – А дальше он занялся грабежом и разорением центральных областей тогдашних русских княжеств.

– Постой, – перебил я Олега, – так этот Тохтамыш, что, спалил Москву? – дошло до меня, наконец. – А Едигей – Херсонес?

– Именно, – кивнул он головой. – Я думал, что ты знаешь об этом. Не просто спалил, а изничтожил все строения деревянные, включая дубовые палаты. Хотя белокаменный Кремль, построенный Дмитрием Донским в 1368 году после очередного пожара в Москве, устоял. Но, при этом, там сгорели все древние рукописи, исторические записи и летописные свитки, собранные в кремлёвском хранилище.

– Вот жалость-то, какая! – во мне невольно заговорил библиофил.

– Да, жалко. Ещё как! – кивнул головой Олег. – Тем более, что вся эта ценнейшая для нас “книжная рухлядь” была словно нарочно собрана для этого в одном месте. Вот тебе и обратная сторона библиофильства. Как можно узнать о том, что было раньше, если вот такие пожары и уничтожали сразу целые библиотеки первоисточников из тысяч, бережно собранных в одном месте, бесценных для нас свидетельств исторических сведений о подлинном прошлом? – проговорил он, словно раздумывая вслух.

И продолжил опять об этом поганце:

– Разграбил в Кремле и вывез церковную золотую утварь и всё, что его лихоимцы нашли ценного в боярских и посадских домах, изрубив при этом десятки тысяч мирных жителей.

Таким образом, Тохтамыш и показал московитам, кто хозяин на Руси. Они, верно, как и ты, думали, что после Куликовской битвы стали независимыми от татар и можно не платить им дань. Но вот пришёл новый хан, и всё пошло опять по кругу.

Его голос прозвучал, чуть ли не как реквием по тому времени и тем загубленным жизням. Стало как-то безрадостно-грустно.

Олег, между тем, вкратце прошёлся по этой страничке этих давних событий, тесно переплетенных с историей Крыма. По его словам, этот поход татар и их союзников на Москву опять восстановил вассальную зависимость Северо-Восточной Руси от Орды еще на 100 лет!!! Это нашествие оказалось чрезвычайно разорительным для древней Руси и стало своеобразным повторением нашествия Батыя на Русь за 130 лет до этого.

– *Вот тебе и победа на Куликовском поле*! – мне было жалко и горожан, и город, как до этого Херсонес, разорённый Едигеем.

Соперничавшие друг с другом, они были одинаково оба ненавистны мне.

Но это, оказывается, было ещё не всё. Олег ещё добавил соли на рану, сказав, что в правление уже Василия I, золотордынцы опять совершили поход на Москву в 1408-м году. На этот раз поход организовал уже сам Едигей, фактический правитель Золотой Орды. Хотя ему и не удалось взять штурмом каменную московскую крепость ходе трехнедельной осады, он опустошил и сжёг все её окрестности, соседние города и деревни. И увёл в полон на продажу купцам в крымской Кафе десятки тысяч русичей— физически крепких мужчин, женщин и девушек.

– Вот гад! – не выдержал я.

– Да все они были одни *мирром* мазаны, – снисходительно сказал Олег, – если так можно выразиться по отношению к этим иноверцам. Но, нужно сказать, что Едигей, хотя и талантливый монгольский военачальник, был лишь властным, теневым правителем, а вот Тохтамыш имел все права быть ханом, являясь потомком Чингизхана по линии старшего сына основателя династии чингизидов. Ну, а так, они стоили друг друга, воюя между собой долгие годы. Зимой 1406 года близ нынешней Тюмени состоялось шестнадцатое, и последнее, сражение между Едигеем и Тохтамышем, и Эдигей покончил, наконец, с этим неуловимым Джо, – сказал Олег с удовлетворением в голосе. – Однако, это оказалось лишь началом борьбы Едигея с сыновьями Тохтамыша, желавшими стать великими ханами Золотой Орды.

Да… Олег умел поддерживать и даже наращивать некую интригу в своём повествовании, держа меня в постоянном, притягательном, интересе к рассказываемой им информации.

– Между делом, он ещё взял и Киев в 1416-м году. Ну, а конец Едигею пришёл в 1419-м году, когда его убил один из сыновей Тохтамыша. Так что, круг замкнулся. И как оказалось впоследствии, Едигей был последним объединителем классической Золотой Орды под своей властью. Кстати, князья Юсуповы – ты же слышал о таких? Так вот – они были прямыми потомками этого самого Едигея по мужской линии! Ну, а так, эти и многие другие известные в прошлом представители родовитой русской знати, уходили генеалогическими корнями к своим прародителям, в чьих жилах текла монгольская кровь. Те же, скажем, Годуновы, Голицыны, Ермоловы, Суворовы, Шереметевы и прочие. Да и тот же, например, Тургенев или, скажем, Карамзин, который был из рода татарина Кара-Мурзы.

– Ну, что сказать, – хотел, было, высказать что-то умное я на этот счёт, и замолчал.

Эти краткие сведения ещё раз показали, насколько Олег много знал об этом периоде в истории, в котором так тесно переплелись ветви монгольских и русских знатных родов и косвенно, история древней Руси, имевшей в течение трёх сотен лет чуть ли не общую историю с этими завоевателями из далёких монгольских степей, пока, наконец, на Руси не настали новые времена, и я надеялся, что услышу от Олега и дальше продолжение этой и прочих историй.

– *Интересно,* – подумал я, останавливаясь, чтобы поправить развязавшийся шнурок на левом кроссовке, *а как в нынешней Монголии описываются все эти события, походы и завое-*

вания их предков? Что они пишут об этом в своих учебниках по истории, считая Чингиз-хана выдающейся личностью и полководцем мирового масштаба, которым гордятся нынешние монголы, чьё "великое" Прошлое, закончилось с окончанием эпохи монгольских завоеваний. Ну да ладно. Давно это всё это было. И многого не знаю – я же не историк. Не говоря уже о том, что я вообще почти ничего не знал об истории Крыма до его последующего присоединения к России Екатериной Великой.

– Что уж там говорить – триста лет "соседствовали" с ними, – сказал он невесело, остановившись вслед за мной. – А ты знаешь, сколько раз крымцы и ногайцы нападали на Русь после обособления крымского ханства от Золотой Орды?

Не услышав от меня ответа – *а, что я мог сказать ему?* – он проговорил, что только с 1534-го по 1584-й год они нападали на Русь 28 раз, а в ответ Русь лишь дважды за это время ходила на бой с ними в Крым.

– Да ну? – только и смог выговорить я, безмерно удивляясь, не зная ничего об этом.

– Слабым было тогда российское государство…, – протянул задумчиво Олег. – А число русских, украинцев и поляков, угнанных крымскими татарами в рабство с середины 15-го по конец 17-го века, оценивается в чуть меньше 2 миллионов человек, – продолжил он мрачную статистику.

Представив себе всю эту огромную собирательно-безликую людскую массу мужчин и женщин – матерей, мужей, детей, сестёр и братьев – взятых в иноземный полон и оторванных от родных, разорённых татарами, очагов и затем навсегда разлученных друг с другом, проданных в рабство туркам, египтянам и арабам и развезённых затем по разным городам и весям, где все они стали невольниками, обреченных на рабскую жизнь и горькие стенания, храня в памяти образы своих безвинно убиенных родных и близких, вспоминая до конца своих дней страшные картины татарского набега, я внутренне содрогнулся.

– А сколько людей погибло при крымскотатарских нападениях? Знаешь ли ты о походе крымского хана Девлет Герея на Москву в 1571-м году с его 150-тысячным войском!? Это было уже во времена правления Ивана Грозного.

Он махнул рукой, понимая, что здесь и говорить нечего – всё это было мне совершенно не известно.

– Да они только пленных одних привели тогда на невольничьи рынки в Кафе 60 тысяч россиян!

– Офигеть! – только и выдавил я из себя.

Олег замолчал, думая о чём-то своём. Всё также медленно, не торопясь, мы пошли дальше. Я начал в чём-то лучше понимать душевное состояние моего товарища – разговоры на такую тему требуют особого осмысления и, желательно, в тишине, без суеты и поспешания. И уж никак не торопясь по дороге в лес.

Что касается тишины – здесь всё способствовало такой беседе. Вокруг было тихо – никаких людей; никаких отвлекающих разговоров и шума вокруг нас; никаких машин и шумного автотранспорта и, даже, никого из строителей, хотя периодически откуда неподалёку, справа от нас, впереди стали доноситься приглушенные голоса рабочих и звуки – стуки каких-то ремонтных работ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.